

Ванин Сергей

Спецотдел "Бесогон"

16+

Сергей Викторович Ванин Спецотдел «Бесогон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50282320

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга рассказывает о деятельности спецотдела НКВД-МГБ «Бесогон». Офицеры отдела занимаются расследованием событий и преступлений, несущих на себе флер мистики и таинственности. Ведьмы, оборотни, упыри, злобные лешаки, коварные русалки – отнюдь не сказочные персонажи. Все эти персоналии существуют в реальности и несут смерть и горе рядовым советским гражданам.

Содержание

СПЕЦОТДЕЛ НКВД – МГБ «БЕСОГОН» – ИСТРЕБИТЕЛИ НЕЧИСТИ	5
Пролог	8
Савва Валерьянович Сорокин	15
«Серый» (Рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)	17
«Брюсовы Письмена» (рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)	60
«Ангельская эскадрилья» (рассказ лейтенанта МГБ Сергея Манцева)	80
«Тайна склепа поручика Лозницкого» (история, рассказанная лейтенантом МГБ Семеном Нечаевым)	89
«Скифский курган. Проклятье воеводы» (Рассказ лейтенанта МГБ Сергея Манцева)	131
«Тайна Пропавшей Экспедиции» (Рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)	172
«Элеонора Эос» (Рассказ старшего лейтенанта Сергея Манцева)	243
«Лешак» (рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)	299
«Призрак Беломорканала» (Рассказ старшего	318

лейтенанта НКВД Саввы Сорокина)

Вместо эпилога

388

СПЕЦОТДЕЛ НКВД – МГБ «БЕСОГОН» – ИСТРЕБИТЕЛИ НЕЧИСТИ

«Оперативный псевдоним отделу был присвоен лично Лаврентием Павловичем, именно глава всемогущего ведомства НКВД стал основателем самого закрытого подразделения НКВД-МГБ, созданного в 1939 году. Он же поручил нескольким лучшим офицерам заниматься расследованием событий и преступлений, несущих на себе флер мистики и таинственности».

Из архивов Министерства Госбезопасности.

Я знал, что когда-нибудь настанет время рассказать общественности обо всем, что нам пришлось пережить. Мы были простыми чекистами, которых сама жизнь заставила бороться с тем, что во все времена именовалось одним емким словом «нечисть». Мы боролись с бесовским подпольем, защищая народные массы от страшных бед и напастей, которые могли бы случиться и иметь самые печальные последствия, не окажись на своем посту отважных людей, которыми мне довелось руководить. Мы расследовали преступления и проливали свет на события, отчеты о которых заставляли наших кураторов буквально цепенеть от ужаса.

Сейчас некоторые выдумщики пописывают страшилки, именуя этот жанр красивым зарубежным словом «хорор». Хотел бы я посмотреть на этих писак, окажись бы они на нашем месте! Как объяснить им, что ведьмы, упыри, злобные лешаки и другие отнюдь не сказочные персоналии существуют на самом деле и живут бок о бок с нами, обычными людьми? Они стараются быть незаметными и часто действуют исподтишка.

Однако в последнее время это бесовское племя активизировалось и чувствует себя безнаказанно. Им нечего бояться. Наша служба давно упразднена. Многие мои товарищи уже умерли, сам же я состарился и напоследок решил поведать о том, чем занимался возглавляемый мною отдел. Никто не обвинит меня в разглашении гостайны. Срок нашего молчания давно истек, и я волен поступать, как мне заблагорассудится. Судьба намерила мне долгий и трудный век и, завершая жизненный путь, я не в праве уносить с собой те удивительные сведения, коими обладаю ныне.

Я доверил своему другу собрать воедино рассказы моих офицеров и бережно донести их до читателей. Единственным условием было соблюсти стиль повествования этих преданных своему делу людей. Думаю, автору это удалось. Когда я читал книгу, у меня возникло стойкое ощущение, что я вновь слышу голоса давно ушедших в мир иной друзей и соратников....

С уважением. Вахтанг Дадуа, бессменный начальник

спецотдела «Бесогон».

Пролог

Москва встретила скорый тбилисский поезд холодной февральской поземкой. Резкий, порывистый ветер временами проникал даже через плотно закрытые окна мягкого вагона. Вахтанг Дадуа в который раз достал из кармана кителя бланк телеграммы. Сов. секретная «молния» содержала в себе лишь четыре слова: «Срочно приезжай тчк. Твой Лава». В левом верхнем углу красовался жирный оттиск «НКВД».

Что, черт возьми, за спешка? «Лава», как могли называть наркома внутренних дел Лаврентия Павловича Берия лишь близкие друзья, никогда не относился к числу торопыг. Вахтанг убрал телеграмму и бросил взгляд в окно. Поезд подходил к перрону, немногочисленные встречающие высматривали в толпившихся в тамбурах пассажирах своих знакомых и родственников. Тот, кто ожидал Вахтанга, стоял недалеко от дощатой будочки с надписью «пончики и пирожки». Высокий стройный мингрел Тимур Кецбая был одет в синее драповое пальто, на голове бессменного секретаря Лаврентия Берии красовалась элегантная черная шляпа. Таким франтом капитана НКВД Кецбая Дадуа не видел уже несколько лет, тех пор, как гулял на свадьбе Тимура.

– Здравствуй, Тимури, почему ты в штатском, или в Москве стесняются принадлежности к наркомату внутренних дел? – пошутил Дадуа, крепко пожимая руку чекиста.

– Приветствую тебя, генацвале, – ответное рукопожатие Тимура заставило Вахтанга поморщиться от боли.

– Все так же занимаешься штангой? – Дадуа упрямо не начинал разговора о цели своего вызова в столицу.

– Давно бросил это дело, – Кецбая махнул рукой, – сейчас не до походов в спортзал. Занят по службе. Последний выходной был месяц назад.

Они вышли на привокзальную площадь, где Тимур оставил свой «паккард».

– Садись, Вахтанг, – Кецбая открыл перед гостем дверь авто, – Лаврентий Павлович ждет тебя.

– Лава сейчас в Кремле? – как бы между делом поинтересовался Вахтанг, зябко передергивая плечами.

– Нет, он ожидает тебя на явочной квартире, что на Арбате. Ты ведь там бывал?

Про эту квартиру не знали даже близкие к наркому офицеры-порученцы. Берия использовал арбатскую явку лишь для особо секретных встреч и переговоров.

– Бывал, но давно, – Вахтанг замолчал.

Он устал с дороги, и вяло наблюдал, как ровная лента асфальта мягко стелется под колеса отлично отлаженного автомобиля, закрепленного за секретарем Берии.

– Приехали, – Тимур остановил машину за квартал от нужного дома, – дальше пешком. Таково указание наркома.

– Ясно, – Дадуа попрощался с водителем и, выбравшись из машины, пошел дворами, тщательно проверяя, нет ли за

ним слежки.

Нет, слежки не было. Вахтанг спокойно дошел до нужного подъезда и, не дожидаясь лифта, быстро поднялся на третий этаж. Два коротких, один длинный звонок. Давно заученный наизусть условный сигнал. Куда ж без конспирации? Губы Дадуа тронула легкая усмешка. Лава всегда был фантазером и выдумщиком. Ну, кому придет в голову следить за главой всесильного ведомства, одно название которого вызывает трепет у широких народных масс?

Дверь открыл сам Лаврентий Берия.

– Я ждал тебя, друг, – нарком заключил Вахтанга в свои разлапистые объятия, – только ты можешь заняться тем делом, которое я хочу тебе поручить. Другие не справятся, или сойдут с ума. Не для их костных мозгов то, что тебе предстоит сейчас осмыслить. Знакомься, Савва Валерьянович Сорокин. Твой напарник и помощник во всех светлых начинаниях.

Берия провел Вахтанга в маленькую комнату с плотно задернутыми гардинами на высоких полуовальных окнах. За стоящим в комнате столом, положив ногу на ногу, восседал сухощавый жилистый человек с большим шрамом на приятном интеллигентном лице.

– Вам предстоит сражаться с тем, что в стародавние времена именовалось одним емким словом – «нечисть», – Берия смотрел на Дадуа поверх своего знаменитого пенсне, – с победой Октябрьской Социалистической Революции это племя

окончательно распоясалась и творит черт знает что. Оно и понятно, Советская власть официально отрицает существование всей этой самой нечисти, а та и рада стараться, устроила сущую вакханалию. Сладу никакого с ней нет, страдает наш советский народ от этой мразоты. Пришла пора для создания секретного спецотдела. Считаю, что именно в недрах НКВД должна родиться служба по борьбе с бесовским подпольем. Кому, как не нам бороться с этими исчадьями ада?!

– Что ты такое говоришь? – Вахтанг смотрел на друга с изумлением, – да вы в Москве тут совсем с ума, что ли походили? Ты зачем меня из Грузии вызвал, что бы про каких-то ведьм, да леших рассказывать? Кто этот Савва Валерьянович? Вы, что, меня разыгрываете, что ли? – Вахтанг с негодованием бросил взгляд на невозмутимо раскуривавшего трубку Сорокина.

– Я, с вашего позволения, потомственный бесогон, – Сорокин смотрел на Вахтанга с вызовом, – и мой дед, и мой отец боролись с этими, как вы выразились, ведьмами, да лешими. Кстати бесово племя не ограничивается этими персонажами, есть куда более страшные представители потустороннего мира, приносящие людям реальный вред, сеющие беды и смерть. Раньше с ними боролись мы, специально подвигнутые на это люди, после семнадцатого года начались гонения на священнослужителей, и нас эти репрессии тоже коснулись. Я вот из своих сорока лет почти пятнадцать в лагере просидел. «Пришили» религиозную агитацию и пани-

керские настроения.

– Донесения с мест, Вахтанг, вещь упрямая, – нарком помассировал указательными пальцами разрывающиеся от хронических головных болей виски и, понизив голос, продолжил, – так вот, я распорядился направлять мне сообщения о всех невероятных событиях, происходящих на просторах нашей огромной страны. И знаешь, что, Вахтанг?

– Что?!

– Подобных сообщений с мест довольно много, и смертей простых советских людей тоже очень много. Нельзя сидеть, сложа руки, и отмахиваться от проблемы. Чекисты так не поступают, а мы с тобой – чекисты, Вахтанг. Понятно, что всему НКВД я про это рассказать не могу, а вот тебе смог, ибо, считаю своим другом, – Берия сорвал с носа пенсне и с досадой бросил его на стол, – короче, не желаешь принять вновь сформированный секретный спецотдел, уезжай обратно в Грузию. Пей вино, ешь шашлык, люби женщин. С нечестью будем бороться без тебя. В памяти народа СССР мы останемся лишь обычными чекистами, и почти никто не будет знать о наших победах над другими врагами, которых советская власть просто не признает, но от этого они не перестают быть врагами, так-то, Вахтанг!

Берия встал из-за стола и, подойдя к окну, резко рванул створку на себя. В комнату ворвался морозный воздух. Нарком ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки.

– Дай закурить, Вахтанг!

– Ты ж не куришь, Лава.

– Закурю, хоть, врачи и запретили мне придаваться этой пагубной привычке, – Берия метнул в Вахтанга острый, словно лезвие бритвы взгляд, – когда теряешь друзей, становится очень обидно. Ведь старый друг – это всегда частица тебя самого. Ты мне веришь, Вахтанг?

– Верю, – Дадуа почувствовал, как к горлу подкатывается твердый, словно камень, комок.

– Значит, останешься?

– Останусь, конечно, останусь, Лава. Я ведь давал присягу честно служить своему народу, там, где я буду нужен. Если я нужен здесь, что же, так тому и быть! Хоть и слабо верю в то, о чем ты мне здесь толкуешь!

– Ничего, поверишь, а пока, принимай дела! – Берия облегченно вздохнул, подвигая к Дадуа внушительную папку с написанными от руки донесениями. – И единственного пока сотрудника, лейтенанта НКВД Сорокина принимай тоже, – нарком легонько подтолкнул к столу поднявшегося из кресла Савву Валериановича, – офицерское звание присвоено ему по моему личному приказу. Тебя же я званиями отягощать не хочу. Должность моего личного советника подойдет?

– Более чем, – усмехнулся Вахтанг.

– Тогда прими мандат, – Берия аккуратно положил на стол машинописный лист с жирным оттиском печати Наркомата и размашистой подписью наркома.

«Вахтангу Дадуа оказывать всяческую поддержку и беспрекословно выполнять все поручения и распоряжения советника народного комиссара внутренних дел. Лаврентий Берия» – значилось в мандате.

– Вот это верительная грамота, при царизме нас такими не снабжали! – восторженно воскликнул Сорокин.

– О проделанной работе и проведенных операциях докладывать лично мне. Вашей группе будет присвоен оперативный псевдоним «Бесогон» – Берия убрал в карман пиджака пенсне, накинул пальто и, надвинув на глаза шапку-пирожок, шагнул в коридор, – явочную квартиру покидать по одному. Я – первый.

Вахтанг подошел к окну и осторожно отогнул край занавески. Через двор неторопливо шествовал полный человек в немного великоватом для его маленького роста пальто. Сильно ношенная каракулевая шапка и отсутствие пенсне делали наркома непохожим на самого себя. Двое школьников младших классов, игравших возле обледеневшей горки, кинули в спину полноватого маленького человека по снежку, и Берия, погрозив им кулаком, продолжил свой путь.

«Ах, как бы испугались родители пацанов, узнай они, в кого их детки бросали сегодня снежки», – подумал Вахтанг Дадуа.

Савва Валерьянович Сорокин

Я потомственный бесогон Савва Валерьянович Сорокин, сын – жандармского поручика Валериана Фомича Сорокина. Матери своей не знал, она погибла от рук одного подлого вурдалака, когда мне не было и года. Упырь, срывавший свое истинное лицо под маской действительного статского советника, таким образом отомстил отцу, который подобрался к нему слишком близко. Тогда мерзавцу удалось уйти невредимым. Много позже я все-таки разыскал и убил этого поганого кровопийцу, но об этом позже...

И отец, и дед мой были бесогонами и боролись с нечестью. Тайный отдел, в котором они проходили службу, существовал при Главном Жандармском Управлении. Я пришел на смену отцу в семнадцатом году. Было мне об ту пору без малого восемнадцать лет, я числился вольноопределяющимся и стал потихоньку участвовать в делах, что раскрывали мои старшие товарищи. Дел было достаточно много, но случившаяся Октябрьская Революция упразднила нашу службу. Жандармские офицеры были арестованы и впоследствии почти в полном составе расстреляны.

Мой дед не дожил до этих смутных дней, а отец, уволенный к тому времени из расформированного уже отдела, был растерзан пьяной шпаной возле Курского вокзала, где пытался подрабатывать носильщиком. Я же был арестован, об-

винен в религиозной пропаганде и осужден на три года. Позже мне добавили еще десять за плохое поведение. Я успел отсидеть лишь половину срока, и был отпущен на свободу. Я устроился наборщиком в типографию, но вскоре был арестован вновь. На этот раз получил пятнаху. В составе политэковского этапа меня отправили в один из мордовских лагерей, но вскоре последовал вызов в Москву, где я был представлен Вахтангу Дадуа, ставшему впоследствии моим начальником. Так я попал в отдел. Говорят, с моим деломзнакомился лично Лаврентий Берия, именно он освободил меня из лагеря и предложил служить в спецотделе «Бесогон».

«Серый» (Рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)

« В спец отдел МГБ «Бесогон». Оперативное донесение под грифом «Секретно».

«Настоящим довожу до Вашего сведения, что в подведомственном мне районе, а именно, селе Граличы, что под Гродно, появилось жуткое существо, по виду напоминающее крупного серого волка. Тварь эта необычайно кровожадная и чрезвычайно хитрая. Впервые она была замечена мной во время разминирования оставленного фашистами минного поля. Тварь беспрепятственно передвигалась по заминированной местности, успешно обходя смертоносные участки. Мы пробовали стрелять по ней, но выстрелы не причинили этому существу ни малейшего вреда.

Так же довожу до вашего сведения, что на счету серой твари уже шесть загубленных человеческих жизней. Между тем, поймать эту осторожную зверюгу не представляется возможным. Прячется она в лесном труднодоступном массиве. Два дня назад силами расквартированного неподалеку от села саперного взвода проводилась проверка близлежащего леса, где по информации местных жителей видели накануне этого волка. Зверюгу не поймали, а людских жертв прибавилось. Растерзаны военнослужащие: младший сержант Ни-

кола Тихонюк и рядовой Валентин Михайлов. Отстав от основной цепи прочесывавших местность бойцов, они попали в когти волку-убийце. Нач. особого отдела отдельного саперного батальона лейтенант МГБ П.Будько. 11 мая 1946 года».

Прибыл я в это самое село Граличичи уже под вечер. Местечко, доложу я вам, жутковатое. Рядом густой лес, угрюмая громада которого чернеет возле самого села. Околицы нет, в окошки крайнего домика ветки деревьев лезут. Полуторка, которая встречала меня возле жел/дор переезда, сделав свое дело и подбросив меня к покосившейся от времени избе сельсовета, тут же уехала. Председатель, крепкий лет под шестьдесят мужик выскочил встречать меня на крыльцо.

– Здравствуйте, – говорит, – меня Иваном Ефимовичем кличут, фамилия моя Гавриленок.

– Здравия желаю, – отвечаю любезно, но без фамильярности.

– Из самой столицы к нам?

– Из нее самой.

– Документики имеются?

– Как не быть, – достаю из внутреннего кармана шинели и протягиваю представителю местной власти свою «верительную грамоту». Мандат, на котором стоит подпись самого Берии, обычно делает людей суетливыми и подобострастными. Но этот тип подписи министра ничуть не испугался.

Читал он медленно и старательно, а, закончив изучение

документа, потащил меня в пропахшую махорочным дымом свою контору. Предложив гостю единственный в помещении стул, сам Гавриленок присел на шаткий обшитый вытертым зеленым сукном столик.

– Беда у нас, товарищ Сорокин.

– Знаю, – говорю, – о ваших бедах. Попробуем разобраться.

– Нет! – Гавриленок мотает седой неприбранной головой, – не обо всем вам еще известно. Лейтенант Будько прошлой ночью пропал. Его сослуживцы до сих пор лес прочесывают, тело ищут. Так-то вот!

– Чего же он в лесу-то ночью делал? – опешил я.

– Волка искал, взять самолично его вознамерился. За растерзанных ребят отомстить хотел.

Не нашлось у меня слов сказать что-либо в ответ. Молодой лейтенант был, горячий, хоть и повоевать малость уже успел. Одного не учел парень, нечего с наскака лезть туда, куда с умом лазить нужно. Сразу понял я, что не простой это волк был. По нашей части зверюга оказался, и схватка с ним предстояла серьезная. Даже не схватка предстояла мне, а поединок. Помощников брать я не хотел. Задействовать в своих операциях личный состав не из нашего отдела крайне не рекомендовалось, а точнее, строжайше запрещалось нашей внутренней инструкцией. Вести бой с нечестью офицеры «Бесогона» должны были самостоятельно, как наиболее подготовленные и посвященные в детали, знать о которых

остальным не полагалось.

– Скажите, – говорю я председателю, – вы ведь тут давно живете? Саперы-то ведь к вам недавно на разминирование прибыли?

– Знамо дело, родился я в этой деревеньке. В гражданскую партизанил здесь и в германскую тоже партизанить привелось, – отвечает мне Гавриленок, – а саперы с полтора месяца всего как тут. Немцы много мин после себя оставили. До сих пор люди подрываются. Вот они и разминируют...

– А когда волк этот кровожадный в ваших местах объявился? – задаю я самый главный для меня вопрос, – не спешите, Иван Ефимович, подумайте хорошенько, прежде чем отвечать. От вашего ответа многое зависит, – говорю я, со значением поднимая вверх указательный палец.

Проверено не однократно: очень сильно действует на людей этот самый жест. Дисциплинирует, что ли, заставляет обдумать свой ответ. Вот и на председателя Гавриленка этот жест подействовал. Задумался старикан, почесал массивный с большими залысинами лоб и отвечает:

– Даже не знаю, как вам и сказать, товарищ старший лейтенант. Вроде бы перед самой войной зверюга эта объявилась. Потом, кажись, пропала ненадолго, а после опять свирепствовать начала.

– И при фашистах свирепствовала?

– И при них тоже кровь лила. И наших, и немцев драла зверюга эта. Никто ее изловить не мог. Знаю, у фрицев по-

мощник местного коменданта капитан фон Лейниц охотником знатным у себя в неметчине числился. Вознамерился убить он волка этого, да только сам в лесах местных сгинул. После его исчезновения лютовали немцы очень...

Гавриленок замолчал, достал из кармана старенького затертого до дыр армяка кисет и принялся старательно сворачивать внушительную самокрутку.

– Оставьте это дело, Иван Ефимович. Вот папиросы, курите на здоровье, – говорю я и протягиваю Гавриленку пачку столичного «Казбека», – берите, не стесняйтесь. У меня курево еще имеется.

Председатель благодарно кивнул и, закурив, выпустил в потолок плотную сизую струю дыма. Зажмурившись от удовольствия, он медленно выпускал изо рта маленькие аккуратные колечки дыма.

– Скажите, уважаемый Иван Ефимович, а не было ли в ваших краях чего-нибудь этакого, похожего на некое колдовство? В общем, не случилось ли чего-то не вполне понятного для простого человеческого разума? – задаю я второй по важности вопрос.

Гавриленок поперхнулся терпким сизым дымом «Казбека» и затравленно взглянул на меня.

– То есть? Не совсем понимаю вас, товарищ старший лейтенант...

– Ну, не проживают ли здесь, в деревне, или где-либо поблизости какие-нибудь темные личности? Ведьмы, или что-

нибудь в этом роде? – прямо спрашиваю я.

Гариленок погасил папиросу, зачем-то сунул окурок в ящик своего ветхого стола и, хорошенько прокашлявшись, ответил:

– Есть тут неподалеку избушка одной тетки. Чертычихой ее люди кличут, хотя по паспорту она Конько, Ярослава Конько. Местные несознательные, погрязшие в суевериях личности считают ее ведьмой. Но это все сказки...

– Как сказать, – пожал я плечами, – иногда сказки бывают правдивей самой жизни, – говорю.

– Не знаю, о чем вы толкуете. – Гавриленок глянул в окно на сгущавшиеся сумерки, – вечерять пора, однако. Поздно уже. Вы где остановились, товарищ старший лейтенант?

– Пока нигде, – я поднялся из-за стола и шагнул к двери, понимая, что разговор закончен.

– Можете квартировать у нас. Бабка моя довольна будет, места много, двое нас всего с нею, детей мы не нажили...

– Была мысль, в саперной части ночевать хотел, – ответил я, не желая стеснять старика.

– Расположение саперов в трех километрах отсюда, а моя изба рядом, – Гариленок указал рукой на стоявшую неподалеку от сельсовета неприглядную кособокую избенку, – не гляди, что неказиста. Зато банька рядом имеется, – перехватив мой взгляд, продолжил председатель.

– Спасибо за приглашение, может статься, воспользуюсь, – я надел фуражку и, пожав руку председателю, вышел

в стремительно сгущавшиеся сумерки.

Мне хотелось пройтись по деревне и поговорить с кем-нибудь еще. Не то, чтобы я не верил словам Гавриленка, но дополнительные сведения помогут составить более полную картину происходящего в Граличах.

Граличи оказались довольно-таки большой деревней. Главной улицы, как таковой, здесь не было, что характерно, для большинства белорусских сел той поры. Домишки стояли, как Бог на душу положит. Я отошел от сельсовета и двинулся по узенькой заросшей бурьяном кривой тропинке. Отойдя немного, оглянулся, в окне мелькнула и тут же пропала седая голова председателя. Гавриленок внимательно следил за мной, и это показалось мне странным. Но вскоре я нашел этому оправдание, мало кто обрадуется приехавшему из самой столицы офицеру МГБ. От такого гостя добра не жди. Думаю, старик Гавриленок понимал это очень хорошо.

Вскоре я заметил небольшую аккуратно побеленную хатку и свернул к ней. Забор возле домика был выстроен из длинных жердей, перехваченных ржавой проволокой. Калитка была не закрыта. Я вошел, навстречу мне выбежала маленькая кудлатая собачонка. Пару раз гавкнув для приличия, она неспешно удалилась в ладно сбитую будочку. А на крыльце показалась молодая статная женщина в меховой безрукавке и стареньких резиновых ботах.

– Вам кого? – неприятливо спрашивает она.

Не люблю, когда меня так встречают. Хоть бы для приличия поздоровалась, что ли.

– Старший лейтенант МГБ Сорокин, – говорю я строго и раскрываю перед ней корочки служебного удостоверения, – вы, кто будите, гражданка? – продолжаю еще более требовательно.

– Анна Ильинична Юрасина, местная учительница.

– Пройдемте в дом для важного разговора, – приказываю я, и первый направляюсь к крыльцу.

Анна Ильинична покорно семенит за мной. Вижу, барышня малость присмирела и, разглядев мои погоны и петлицы, стала полюбезнее.

– Не угодно ли чайку, товарищ офицер? – спрашивает.

– Отчего ж не выпить, если с добрым сердцем предлагают? – отвечаю я, снимая шинель и садясь к аккуратно застеленному чистенькой скатеркой столу.

В доме Анны Ильиничны и чисто, и тепло. Печка жарко натоплена, а в хате пахнет мятой и недавно испеченным хлебом. В то же время чувствуется, что живет учительница одна. Без мужика живет. Я это сразу чую. Нет следов присутствия противоположного пола, ни махрой не пахнет, ни дегтем, ни, pardon, потом. Вещей мужицких тоже не наблюдается, да и постель у училки узенькая, лишь одной одинешеньке спать на такой постели.

Наливает учительница чай. Ставит на стол и графинчик с самогоном. Закуску тоже ставит, богатый закусью, и сало, и

колбаса кровяная. И огурцы соленные тоже присутствуют.

– Пейте, ешьте, товарищ офицер, – говорит она мне.

– Спасибо, Анна Ильинична,

Пью я чай, самогон тоже аккуратно так пробую и сальцом основательно закусываю.

– Так о чем вы меня спросить хотели? – напоминает учительница.

– Что ж, к делу, так к делу, – отодвигаю я в сторону кружку и задаю вопрос, – давно ли знаете тетку Чертычиху? Что можете рассказать о ней?

– Ничего про нее не знаю, – говорит учительница, потемнев лицом, – правда, ничего не знаю. Знаю лишь, что не любят ее тут, не любят, и боятся. Вроде, брат у нее был, да сгинул в войну. С той поры стала она нелюдима, хоть и так общительностью не отличалась. Никто к ней не ходит, и она никого не навещает.

– А про волка местного, что показать можете? – спрашиваю.

– Ничего, я в школе с детьми работаю, а волки уже по вашей части.

Обиженно говорит она и поворачивается ко мне спиной.

– А скажите-ка мне, гражданка, Юрасина, как это вас такую симпатичную и культурную женщину занесло сюда, в этот забытый Богом медвежий угол? – спрашиваю я своим самым строгим голосом, – вам бы не в местной школе, а в Москве, или же в Ленинграде детишек обучать. В театры, да

на выставки знаменитых художников ходить. В парикмахерские, да к модисткам. Вы ведь, не местная? Из каких краев сюда пожаловали?

– Я сама. По зову сердца, в деревне и воздух чище и надбавки за сельскую местность, – лепечет, запинаясь, учительница, а у самой руки от страха дрожат.

– Хватит «арапа заправлять», – говорю я совсем строго, даже грозно, – хотите, я вам сам все про вас расскажу? Вы, Анна Ильинична, жена политзэка, или же член семьи врага народа, избличенного нашими доблестными органами. Вот от этих самых органов и улизнули вы в эту глухомань. Сейчас угадаю, кто вам тут прописочку оформил. Никак, председатель местный Гавриленок приютил?! Кто ж бывшего партизана проверять-то станет?! Не за красивые глаза, конечно, старикан старался. Вы ему, полагаю, любовью своей заплатили. Так?

– Так, прав ты, старший лейтенант Сорокин! – отвечает Анна, а у самой страх куда-то делся.

Глаза горят, волосы она распустила, скинула с себя меховую безрукавку и осталась в одном тонюсеньком платице.

– Собой за свободу свою заплатила, – говорит она тихо, а глаза так и сверкают, – муж мой, полковник Юрасин, как и ты, тоже в армии служил, да под ложный навет угодил. Расстреляли его, а я сбежала. Гавриленок приютил, в городе на вокзале с ним познакомилась. Сказал, что учительница ему нужна в школу сельскую. Я и поехала, тут все лучше, чем в

лагере. Одно плохо, мужика стоящего рядом нет! – говорит она, а сама платье с себя, вжик! И сбрасывает прочь.

Я молчу, смотрю на нее и чувствую, как шалеть начинаю. Я таких женщин не видал никогда. Фигурка, как на станке выточена. Ноги, руки, груди, попа, все идеальное, без единого изъяна. Тело ее горит! Как домна, жаром пышет, а волосы колышутся, будто ветром их раздувает. А какой ветер-то в избе? Но это я уже потом понял. А тогда подался вперед и говорю:

– Держите себя в рамках, гражданка Юрасина, – строго сказать хочу, а голос куда-то делся, шепот, и тот почти неслышен.

Но она меня все ж таки услышала.

– А, как мне держаться-то, товарищ Сорокин? – спрашивает, – говорю ж вам, у меня и мужика-то толком последнее время не было. Гавриленок не в счет, старик он. А местных, коих война забрала, кои по домам с женами сидят.

И сама прыг ко мне. Не заметил, как и в койке ее узкой оказались. Только койка эта узкой быть вдруг перестала. Широкая сделалась, будто Военно-Грузинская дорога. Катались мы по ней и миловались, и ласкала она меня, как никто в жизни никогда больше не ласкал. Встать бы мне да бежать в тот самый миг, да куда там...

Вместе огнем гореть стали мы с ней, любили друг друга, как заведенные, словно кто-то силы наши стократ увеличил. Не помню толком, что было, будто провалился я в какой-то

омут. Помню, откинулись мы на подушки мягкие и заснули в объятьях друг друга. Я, значит, и гражданка Юрасина.

Только проснулся я один. От ломоты страшной в спине проснулся, будто кто-то меня пилой двуручной по этой самой спине распиливал. Открыл я глаза и очумел малость. Лежу я на жестком чурбаке в какой-то заваленной всяким хламом избе. Грязь кругом, паутина, лохань старая, пополам треснутая, возле заколоченного досками оконца валяется. Стол весь мхом порос. Веревка полуистлевшая откуда-то с потолка свисает. Одним словом, картина разительно отличается от той, что была дома у учительницы Анны Ильиничны. И сама гражданка Юрасина куда-то подевалась. И что-то подсказывает мне, что не в школу на занятия она пошла, ох, не в школу. Стал я вспоминать гражданку Юрасину и вдруг вспомнил, что на левом локте у нее родимое пятно, поросшее черным жестким волосом, было. Голову круглую с маленькими длинными рожками напоминало по форме это самое пятно. Единственный изъян я у нее отыскал все же, но она сразу заметила это, и, фьють, другим бочком ко мне перевернулась. Вот шельма!

Встал я с лежанки, на которой в забытии валялся, и на улицу побрел. Еле дверь на крыльцо отворил. Дверь разбухла от сырости вся, да и крыльца у домишки этого нет, так, доски гнилые одни от крыльца остались. Выбрался я кое-как из дома этого и по улочке зашагал. Только замечаю, что до-

мик этот в отдалении от деревни Граличи стоит. Ну, да ничего, добрался я все-таки до ближайшей избушки. Вижу, во дворе девчонка среднего школьного возраста козу доит.

– Здравствуй, девочка, – говорю ей, – а скажи, милая, кто у вас в школе учителем? Не Анна Ильинична Юрасина часом ли?

– Нет у нас никакой Анны Ильиничны, и не было никогда, – отвечает мне смышленная девчонка, – у нас Павел Потапович Лихогляд учителем. Так-то вот.

Признаться, не сильно я удивился такому ответу. Подозревать начал я Анну Ильиничну. И понял, что не совсем она гражданка Юрасова, а даже, можно сказать, что и не гражданка она никакая вовсе, а обычная ведьма, коих повидал я в своей жизни не так уж и мало.

«Ну, погоди, сука, – думаю, – будь я не я, если тебя не достану!». А сам размышляю, зачем эта паскуда мне встретилась? Наверняка, какую-нибудь свою цель преследовала, отвлечь меня от чего-то важного хотела. Не скрою, удалась ей эта ее затея. Но, об этом ниже...

Пошел я к сельсовету, а председатель Гариленок и еще один незнакомый мне пожилой мужичонка в пиджачке сами мне навстречу бегут

– Вот вы где, товарищ старший лейтенант! – кричит Гавриленок, – мы с учителем нашим Лихолядом вас с самого раннего утра ищем. И товарищи военные по вашу душу прибыли. Идите с нами быстрее, они у опушки лесной стоят.

– Что стряслось? – говорю, а сам понимаю уже, что что-то нехорошее случилось.

– Тело Петра Будько в лесу обнаружили, – поясняет учитель Лихогляд, прибывший с председателем, – его наши школьники нашли. Они рано утром за дровами в лес поехали, а он лежит, бедолага, на полянке...

– Ясно, – прерываю я Лихогляда и бегу в указанном ими направлении.

Возле леса испуганные ребяташки, которые обнаружили тело Будько и несколько бойцов из подразделения, где служил лейтенант. Военных возглавляет высокий жилистый капитан с угрюмым землистого цвета лицом.

– Капитан Зарайцев, сослуживец Петра Будько, – как бы нехотя, представляется он.

– Старший лейтенант Сорокин, – козыряю я.

– Проследуем в лес, – кивает мне головой Зарайцев, – мы вдвоем пойдем. Вы здесь ждите! – приказывает он своим бойцам.

Те, вытянувшись в струнку, козыряют. Видно, что своего командира боятся они очень и очень сильно.

Вдвоем с Зарайцевым мы идем по высокой спутавшейся макушками лесной траве. Тропки нет, ясно, что здесь почти не ходят. Видны лишь свежие колеи от телеги, на которой ездили по утрам за дровами.

– Местные здесь дрова еще полгода назад заготавливали, – поясняет мне Зарайцев, – с тех пор тут никого не было...

Я молчу, иду за высоким капитаном, еле поспевая за его семимильными шагами. Шли мы с ним час с четвертью (я по часам своим «Командирским» засек), и вдруг перед нами открылась полянка. Аккуратненькая такая полянка, почти идеально круглой формы. В сторонке под высокими елями поленницы стоят, а рядом с ними что-то такое, напоминающее ложе, собранное из лапника... Я ближе подошел и увидел тело человека в полевой офицерской форме. Лейтенант Будько лежал на спине, умытый и причесанный. Лицо его было спокойным и умиротворенным, а грудь была закрыта чистой тряпицей. Казалось, что лейтенант просто отдыхает, если б не его сложенные по обычаю на груди руки. В руках вместо свечки была вставлена тонкая струганная палочка со следами крови.

Я, помню, подошел к телу Будько и отодвинул в сторону закрывавшую грудь тряпицу. На теле офицера зияла страшная рана с рваными черными от крови краями.

– Кто его убил, и вообще что здесь происходит? – спрашивает меня Зарайцев.

– Пока не знаю, но обещаю разобраться и решительно положить всему этому конец, – отвечаю я.

Зарайцева, как ни странно, этот ответ удовлетворил. Он достал из кармана своей белой от частых стирок гимнастерки несколько тонких машинописных листков бумаги и передал их мне.

– Вот, возьмите, нашел у Петра в столе, – Зарайцев развел

длинными, как жерди, руками, – я ведь, как вы сами понимаете, сапер, а Петр был при нашем отряде особистом. Многих его дел я не знал, так что...

– Документы Будько, те, что мне только что передали, вы прочли?

– Нет! Какое я право имел? Я вам еще раз говорю, я – сапер, разминированием занимаюсь...

– Я все понял, товарищ капитан, можете забирать бойцов и возвращаться к своим служебным обязанностям, дальше я сам разбираться буду. Ваша задача – никому не говорить о том, что найдено тело Будько, – говорю я.

– Есть, понял, – Зарайцев облегченно вздохнул и, повернувшись на каблуках, бросил последний взгляд на тело лейтенанта, – жуть какая-то, сам не видел бы всего этого, ни за что не поверил бы...

Он еще раз взглянул на рваную рану на груди сослуживца.

– Всякое повидал, повоевал, видел, как миной, или снарядом людей в клочья разносит, но чтоб такое...

Он выругался и зашагал обратно к остававшимся на опушке своим бойцам, а я, усевшись на поваленную бурей ель, принялся изучать материалы, найденные в столе Петра Будько.

Бумаги оказались ответами из архивов МГБ. На запрос лейтенанта сообщалось, что некий уроженец здешних мест Игнат Конько был призван незадолго до войны в Красную Армию. Служить ему выпало в родных местах, недалеко, так

сказать, от дома. Однако сразу после начала войны Игнат из армии дезертировал, но к немцам не побежал. Сколотив себе банду из таких же дезертиров, что и он сам, Игнат укрылся в здешних лесах и принялся разбойничать. Убивал и грабил Конько не только местных селян, но и пришедших в эти места оккупантов. Несколько раз совершал он налеты на германские обозы, и всегда оставался не пойманным.

Немецкое командование, отчаявшись изловить Игната, даже назначило вознаграждение за его поимку, или сведения о его месте нахождения. Однако все было тщетно. Налеты продолжались, плюс ко всему, в здешних местах появился волк, который отличался не меньшими бесчинствами, что и его человеческий собрат. За голову «серого», как в германских документах именовали зверюгу-убийцу, тоже была назначена награда в рейхсмарках, но зверь был неуловим. Человеческие жертвы, как среди мирного населения, так и среди германских военных неуклонно росли. Сразу после войны подразделение СМЕРШа было направлено на поимку Конько, но тот, словно сквозь землю провалился. Разбой и убийства его банда больше не совершала, что могло означать лишь одно, мерзавец ушел вместе с отступающими немецкими войсками, или самостоятельно покинул пределы советского государства.

Я закончил чтение и аккуратно убрал листки в карман шинели. Что ж, похоже, настала пора нанести визит гражданке Ярославе Конько, тетке Чертычихе, которая, по всей ви-

димости, приходится родственницей матерому убийце Игнату Конько. Интересно, от чего это Гавриленок не рассказал мне о ее таком кровожадном родственнике?

Я выхожу на опушку леса и, делая изрядный крюк, пробираюсь к противоположной стороне Граличей. Здесь домишки стоят поубористее, и народу на улице больше. Первый, кого я встретил, был Павел Потапович Лихогляд. Учитель суетился возле большой ломовой телеги, проверяя, как закреплены на осях мощные с толстенными спицами колеса. Рядом на завалинке чинно восседал капитан Зарайцев и два его верных бойца.

– Далеко ли собрались? – обращаюсь я сразу ко всем присутствующим.

– За телом Будько, – поясняет капитан, – хочу в город его отвезти. Сделаем все тайно, никто не заметит. Я бойцов ночью отряжу, учитель, вон, телегу школьную предложил использовать.

– Отставить, Зарайцев, – говорю я, – обойдемся без самодельности, товарищ капитан. Тело пусть находится на месте вплоть до моих особых распоряжений...

– Вам виднее, если считаете, что погибшему советскому офицеру пристало мертвым в лесу гнить, что ж, пусть так и будет, – зло проговорил Зарайцев, презрительно глядя на меня.

Я молчал. Капитан укоризненно покачал головой, сделал знак своим солдатам, и они пошли прочь.

Лихогляд растерянно смотрел им в след, он тоже собрался уходить, но я потревожил покой сельского педагога.

– Пустите в дом? У меня, к вам несколько вопросов, уважаемый гражданин учитель, – начал я, – первый – что можете рассказать о Ярославе Конько? Другие задам позже, после того, как ответите на первый.

Вопрос ничуть не смутил Лихогляда, в отличие от председателя Гавриленка учитель обстоятельно изложил все, что знал о тетке Чертычихе. По его словам выходило, что Ярослава давно живет вдалеке от деревни в лесу, что отец ее был назначен сюда лесничим, а матерый преступник Игнат Конько приходится Ярославе сводным братом, прижитым папашей от какой-то залетной бабенки. Нужно сказать, что мать Ярославы местная крестьянка умерла родами, производя на свет дочь, а папа-лесник прибыл из дальних мест. Со здешними обитателями лесник не знался, и незадолго до войны сгинул в лесу.

Нужно ли говорить, что никакой Анны Ильиничны Юрасиной учитель Лихогляд никогда и в глаза не видал, и ничего не знал о существовании этой женщины?

Закончив свой рассказ, Лихогляд умолк и уставился на меня в ожидании следующего вопроса.

– А, скажите мне, товарищ учитель, нет ли у Чертычихи еще каких-нибудь родственников, кроме упыря Игната? – спрашиваю я.

– Вроде бы нет, – отвечает учитель, а сам начинает пере-

минаться с ноги на ногу, будто стоит он не на родной земле, а на горячей сковородке.

Вспотел он и по сторонам поглядывает, будто опасается чего-то.

– Не бойтесь, уважаемый Павел Потапович, – ласково ободряю я учителя, – излагайте все, как есть. Меж нами разговор этот останется, слово чекиста. Опять же, вынужден предупредить вас, скроете что-нибудь, пожалеете. Наказание за сокрытие сведений строгим будет. Лагерь, как минимум! – говорю своим самым суровым голосом, который особенно хорошо действует на женщин и на людей пожилого возраста.

– Есть, вроде есть у нее кто-то, – шепчет учитель, – отлучается она порой. Я ее раз у детского дома в районном центре видал. Она к крыльцу шла и узелок несла. А я на телеге своей за учебниками школьными туда ездил. Так вот, она подвезти не просила, в тайне хотела свой поход сохранить...

– Все, что знали, рассказали? – строго спрашиваю я.

– Как на духу! – учитель прижал руки к груди, – все вам выложил. Можно мне теперь идти, товарищ офицер? Я ведь один живу, вдовствую вот уж пятнадцать лет. Мне еще по хозяйству успеть нужно...

– А не захаживали часом вы к тетке Чертычихе? По мужской части, я имею ввиду, – спрашиваю неожиданно даже для самого себя.

Не собирался я этот вопросец ему задавать. Интуиция моя

сработала, и сработала, нужно сказать, действительно. Вопрос оказался нужным и своевременным, поплыл учитель, и рассказал, как сам, было дело, захаживал одно время к Чертычихе. Тайком ходил, по ночам. До сих пор те ночи ему памятливы. Никогда ничего подобного не испытывал учитель, молодым себя чувствовал вдовец преклонного возраста. И дальше б ходил, да раз встретил он возле четычихино дома председателя Гавриленка.

Сначала, обиду друг на друга старики таили, потом поговорили на чистоту и выяснили, что обоим им Чертычиха свои ласки дарила. Потом исчезла Ярослава куда-то. Рожала, видать. А ребенка в сиротский приют, стало быть, отдала.

– Видели ребенка-то? – спрашиваю.

– Д-да, девочка родилась, – запинаясь, отвечает учитель, – вроде на меня похожа, а Гавриленок говорит, что на него. Зачем в детдом отдала? – сокрушается Лихогляд, – почему сама воспитывать не стала? Ну, и мы б с Гавриленком помогали бы...

– Ладно, – говорю, – сейчас это дело уже прошлое. О настоящем думать нужно. Где дом Чертычихи?

– Зачем вам она? – встрепенулся учитель, – не ходите один по лесу. Волк ведь свирепствует. Хотите, я с вами пойду, или солдат возьмем для охраны?

Наказал я учителю дома оставаться и язык на замке держать, а сам двинулся в указанном направлении. Смеркалось уже. Но я тьмы не боялся, чувствовал, что правильным пу-

тем следую. Пока шел по деревне, заметил, что почти все ставни закрыты, лишь в некоторых избах горели подслеповатые керосиновые лампы. Жителей на улице не было. Граличи словно вымерли, будто, в ожидании новых напастей.

Однако лично я чувствовал себя прекрасно. Мысли, что крутились у меня в голове до этой самой минуты, вдруг упорядочились, и все встало на свои места. Так часто в нашем деле бывает. Отец называл этот миг «моментом прозрения», а я именую «часом Ч». Начиная с этого момента, пошел обратный отсчет времени, сколько «серому» жить осталось. В такие минуты бесогон особенно силен, и остановить его мало, кто сможет.

Нужно сказать, что связь между Игнатом Конько и серым хищником я уловил сразу. Обратней мне и раньше «валить» приходилось. Дело это не слишком трудное, но здесь особо свирепый экземпляр попался. Бастарами этих зверюг наши кличут. Среди обратней это наиболее опасный вид, питаются подобные особи лишь мясом человека. Особо почитаемое лакомство человеческое сердце, причем бастары в отличие от других своих сородичей существа мыслящие и мало зависящие от полнолуния и прочей ерунды. Эти твари особо уважают сердце того, кто за ними гонялся. Считается, что данное лакомство придает тварям силу и живучесть. Впрочем, вероятно, так оно и есть на самом деле. Бастары необычайно живучи, изворотливы и выносливы. Простой серебряной пулей их, конечно, не возьмешь. Тут нужна особая

метода, подробно описанная одним карпатским воеводой по прозвищу Ян – Волкогон. Этот труд, датированный восемнадцатым веком, был настольной книгой у дореволюционных бесогонов, но после революции сей бесценный манускрипт сочли бреднями выжившего из ума старика и уничтожили книгу путем сожжения в буржуйке. Я по памяти восстановил многое из творений воеводы, теперь эти знания помогут мне убить этого «серого» мерзавца! Волчину нужно колоть, причем, обязательно в его поганое сердце. Специальный серебряный кинжал при мне, как, впрочем, и наган с полным барабаном серебряных патронов, от которых в данном конкретном случае пользы – чуть.

Тут для лиц непосвященных необходимо добавить, что данный вид оборотней готовит свою ритуальную трапезу загодя. Тело несчастного охотника кладут вылежаться, твари ожидают, пока его окончательно покинет душа. По понятиям бастаров она уходит из тела вместе с вытекающими из тела каплями крови. Чушь несусветная, но проклятые зверюги свято в это верят. И именно поэтому оборотень Игнат готовится прийти к телу Будько в самое ближайшее время. Не знаю, как Игнат стал оборотнем, предполагаю, что перенял эту особенность от своего папаши – лесника. Многие из племени оборотней по роду людской службы тесно связаны с лесом. Среди них немало лесорубов, охотников, лесников. Мне приходилось обезвреживать одного зловредного типа, который в своем человеческом облики трудился в конто-

ре по заготовке лесных лечебных трав. В передовиках ходил злодей, пока я его «из оборота не вывел».

К слову, насчет причастности к ведьмам сестренки Игната Ярославы Конько я уверен наверняка. Часто это отродье появляется на свет, забирая жизнь у тех, кто им ее дает. Мать Ярославы, умершая родами, лишнее подтверждение моим наблюдениям. Хотя, как и во всяких правилах здесь есть исключения. Но в данном конкретном случае, мои умозаключения верны. Не будь, я потомственный бесогон Савва Сорокин. Именно Ярослава и есть пособница своего братца во всех его кровавых начинаниях. Скорее всего, именно Ярослава принимала меня в облике незабвенной гражданки Юрасиной. Первый раз ей повезло, укатала меня, но окончательный расчет произойдет именно сегодня. Так считал я, направляясь к дому тетки Чертычихи. Разве я мог знать тогда, что этот бой станет одним из самых трудных в моей богатой событиями жизни?

Однако я пришел. Вот она, избушка Ярославы, до нее несколько десятков метров. Хорошо видно, как она маячит в серых ранних сумерках. Хватит размышлять, пришло время действовать! Теперь нужно быть сверх осторожным

Я остановился и принялся наблюдать за лесным жилищем ведьмы. Построено оно было, видимо, еще ее папашей – лесничим. Место для добротного пятистенка было выбрано очень грамотно. В нескольких десятках метров бил чистейший ключ. Его неторопливое, размеренное журчание слыша-

лось в затихающем шепоте леса особенно четко и явственно.

Огня в окнах не было. Держу пари, что ни керосина, ни лампы в хозяйстве Чартычихи отродясь не числилось. Ведьмы прекрасно видят в темноте, хотя при дневном свете порой бывают подслеповаты. Я прождал с полчаса, ловя каждый звук, доносившийся из дома, но там было тихо. Лишь тихонько мяукал кот, да пару раз что-то звякнуло в сенцах. Пса у Чартычихи не было, что косвенно подтвердило мою версию о принадлежности бандита Игната Конько к поганому племени оборотней. Собаки с серыми тварями не уживаются, это знает каждый бесогон.

Я подождал еще минут десять. Все было по-прежнему, лишь стало еще темнее. Весенний вечер вступал в свои права. Пора! Я шагнул вперед и двинулся к избе мягким пружинистым шагом. В рукаве шинели я сжимал узкий, остро отточенный серебряный кинжал. Вот и крыльцо, я вскочил на него и стукнул ногой в дверь.

– Открывай, это я, Игнат, – прохрипел я, заходясь в тяжелом надсадном кашле, правдоподобно имитировать который научился, сидя в лагерях.

Давно известно, что шепот и хрип звучат почти одинаково у большинства особей мужского пола. Попробуй, распознай, кто это говорит на самом деле. Не распознала и Ярослава.

– А? Что? Игнатушка? Ты? – за дверью послышался торопливый шорох.

– Я! Ранен я, бесогон заезжий зарезал, кровью истекаю! –

воодушевленный успехом захрипел я с новыми силами.

– Сейчас, родненький мой, сейчас, – запричитала Ярослава.

Лязгнул тяжелый засов, и дверь отворилась. На пороге возникла женская фигура в длинном домотканом платье.

– Сюда, Игнатушка, – Ярослава осеклась.

– Руки в гору, ведьмино отродье!

Я ввалился в сенцы и толкнул в комнату онемевшую от удивления и страха Ярославу. Сейчас самое главное в корне подавить сопротивление ведьмы, запугав ее, подчинить себе и сделать это максимально быстро. Тут все способы годятся.

– Твоя дочура у нас. Хочешь, чтоб она жила – делай, что велю, – прошипел я, вперивая немигающий взгляд в испуганные глаза ведьмы.

– Не трогайте Маню, умоляю! Она не такая, как я. Она обычная девочка. Родилась от обычного мужчины, – скороговоркой затараторила она, утирая рукавом мигом выступившие на глазах слезы.

– Молчать! – рявкнул я.

Только теперь у меня появилось возможность хорошенько рассмотреть Ярославу. Чертычиха была уже в годах, далеко за сорок. Лицо в глубоких морщинах, а уголки губ скорбно опущены вниз. Фигура ведьмы тоже была далеко не девичья. Сутулая спина, отяжелевшие, утратившие стройность ноги, грубые с большими ладонями руки. Да та ли эта женщина, что была со мной сутки назад?

– Закатай рукав на левой руке, – приказал я Ярославе.

Та, горько усмехнувшись, повиновалась. На дряблой коже виднелось хорошо знакомое родимое пятно. Ошибки быть не могло, передо мной лже-Юрасина.

– Дальше раздеваться не потребуешь? – зло выдавила из себя ведьма.

– И первого раза хватило, – бросил я.

– Не нравлюсь в своем обычном обличье? – голос ведьмы зазвучал вдруг зазывно и плавно, но я не поддался на этот нехитрый трюк.

– Уймись, пожалеешь! На кону жизнь твоей девочки, – грозно предупредил я.

– Не буду, прости, – голос Чертычихи снова стал обычным.

Теперь в нем явственно звучал страх за судьбу дочери.

– Про братца своего Игната сама расскажешь, или молчать станешь? Учти – «молчание золото» – поговорка не для вашего отродья, не для ведьминого. Тебе, Ярослава, соловьем заливаться нужно, что бы грехи свои замолотить.

Произнося свой гневный монолог, я подошел вплотную к Ярославе и, взяв ее двумя пальцами за подбородок, сильно поднял его вверх. Прием этот я подсмотрел у главного режимщика лагеря, где пришлось отбывать мне свой срок. Прием, хоть и грубый, но очень действенный, подавляет волю допрашиваемого и быстро развязывает ему язык. Ярослава, хоть и была ведьмой, но на подобные штуки реагировала,

как обычная малограмотная баба, которой по сути своей и являлась.

Что она могла со мной поделаться? Это только в русских народных сказках ведьмы могут превращаться в животных, или, к примеру, летать на помеле. В жизни эти, в большинстве своем несчастные бабы, весьма ограничены в арсенале имеющихся в их распоряжении средств. Ну, что они могут? Ну, порчу навести, ну зелье приворотное спроворить, ну облик свой в весьма ограниченных временных рамках поменять. Проще говоря, молодухой прикинуться на короткое время способны, некоторые еще дорогу страннику запутать могут. Больше рядовая ведьма ничего предложить не может. Поэтому, почувствовав реальную силу противника, большинство из них пасует перед этой самой силой.

Так было и в этом конкретном случае, почувствовав, что я сильней, Ярослава мигом прекратила выпендриваться и тут же рассказала, все что знала. По моему приказу она, кряхтя, встала на колени и полезла в подпол, где в тайнике хранила свой завернутый в чистую тряпицу семейный альбом.

Со старых пожелтевших фото на меня смотрели высокий статный мужчина в сюртуке, и стоявшая рядом с ним молодая женщина в старорежимном платье в пол.

– Мамаша с папашей, – с готовностью поясняла Ярослава, – папенька-то мой злыдень еще тот был. Маманю изводил, потом, когда та умерла, гулять начал. Это он Игната выродком сделал, сам-то ведь тоже из такого же племени был.

– Оборотнем папаша оказался? – желая удостовериться в правоте своих предположений спрашиваю я.

– Точно так, – с готовностью подтвердила Ярослава, – и я через него ведьмой стала, и Игнат убийцем сделался. Хоть и не родные мы с братом в полном понятии этого слова. Папаша его от проезжей бабенки прижил...

– Есть фото братца твоего сводного? – интересуюсь я.

– Есть, только давнишнее, еще до призыва в армию фотографировался он...

Ярослава ткнула пальцем в маленький, потрескавшийся от времени снимок. С карточки смотрел угрюмый неулыбчивый парень с характерным прищуром широко посаженных глаз. Даже в своем людском обличи оборотень Игнат Конько сильно смахивал на волка.

– Когда явится твой брательник? – поинтересовался я.

– Не знаю я, – пожала плечами Ярослава.

– Не ври! Знаешь. Ты вообще пособница, верная помощница в его сатанинских начинаниях.

– Да, но он заставлял меня, – голос ведьмы задрожал.

– Знает Игнат о моем прибытии в Граличи?

– Знает, – кивает головой Ярослава, – он хитрый, он опасность нутром чувствует. Игнат офицерику саперного, что за ним охотился, сам нашел и убил. Думаю, что братец сегодня ночью к месту его гибели придет. Я обиходила тело этого парня и провела над ним сатанинскую мессу, кровь из тела выпустила. Мне Игнат приказал.

– Знаешь, где лесное логово твоего брата?

– Откуда мне знать? Да и никто не знает, а если б даже местные и знали, все одно, вам, товарищ офицер не сказали бы. Игнат не простит. Его ведь никто поймать не может. Думаешь, у тебя получится?

Я промолчал, тогда я старался об этом не думать, но позже все же вернулся к своим размышлениям. Как это дико не прозвучит, но считаю, что селяне из этих самых Граличей оборотня Игната боялись до такой степени, что молча сносили от него эти кровавые набеги, трусливо радуясь, что их пока зверюга не тронул. Как потом выяснилось, даже представитель власти Гавриленок искренне полагал, что сладу с ним никакого не будет. Ведь недаром же тревогу забил заезжий лейтенант Будько, а не кто-нибудь из жителей этой деревни. Но это я так, к слову...

В тот момент я уже имел план ликвидации серого мерзавца и просто претворял его в жизнь. План был прост, но должен был сработать. До полуночи оставалось совсем немного. Я велел Ярославе идти к месту, где лежало тело невинно убиенного лейтенанта Будько. Сам же я двинулся следом. Не понимая, что я задумал, Ярослава тряслась от страха, но все же послушно шла вперед. Из-за туч показалась луна, и в ее серебристом свете я отлично видел обтянутую старой телогрейкой спину ведьмы.

Я шел по лесу почти бесшумно. Этой манере научил меня в свое время один старый следопыт из Валахии. Нужно

ставить ногу на пятку, а потом уже и на всю ступню. Чрезвычайно полезный навык, не раз спасавший меня от смерти.

Лес жил своей обычной ночной жизнью. Иногда вдруг слышался хруст ветки, или уханье филина. Ветерок пробегал по кронам тесно стоявших друг к другу деревьев, заставляя их шелестеть листвой. Я чутко ловил эти звуки, стараясь не пропустить таящуюся в них опасность, но ее не было. Дикое зверье, не выдержав конкуренции с оборотнем Игнатом, трусливо ретировалось, что, кстати, нередко происходит в местах, где орудуют наиболее опасные виды «серых мерзавцев».

По всей видимости, Игнат ждал меня у места расположения саперов, полагая, что я коротаю время в их лагере. Зверюга ошибся, ни останавливаться у саперов, ни привлекать их к выполнению своего задания, я не планировал. Сообщив председателю Гавриленку о своем намерении остановиться у саперов, я действовал по наитию, не предполагая, что эта ложь спасет мне жизнь. Я и сейчас уверен, что старик-председатель шепнул «серому» о том, где меня искать, но доказывать это свое предположение не хочу.

Итак, мы шли к месту, где лежало тело бедного Петра Бudyко. Даже сейчас по прошествии стольких лет мне искренне жаль этого молодого парня. Не осознавая истинной опасности, он полез в дело, в котором ничего не смыслил и принял лютую смерть от нежити, в существование которой никогда не верил.

Однако мы пришли. Первой на полянку ступила Ярослава. Я же оставался надежно укрытый длинными разлапистыми ветвями высоченных елей. Ярослава опустила пред телом лейтенанта на колени и аккуратно вынула из его сложенных на груди пальцев палочку, которая заменяла свечку. Выполнив это действие, она повернулась к ели, за которой стояла я.

– Что дальше? – тихо спросила она.

– Отнесем тело в чашу. Позже я распоряжусь забрать его и похоронить Петра как положено.

– Твоя воля, – смиренно согласилась ведьма.

Оттащив тело к густому разросшемуся орешнику, мы вернулись назад к аккуратно настеленному ведьмой еловому лапнику.

– Что ты задумал?

Ярослава смотрела на меня, как на сумасшедшего.

– Буду ловить твоего братца на живца.

Я улегся на холодный сырой лапник и сложил руки на груди.

– Пусть думает, что я Будько.

– Ты умалишенный, он учует тебя, оборотни необычайно чувствительны и распознают запахи на расстоянии. Каждый человек пахнет по-разному. Он отлично помнит все запахи.

– Посмотрим.

– Что ж, может, ты и прав, – ведьма нагнулась надо мной и вставила мне в руки палочку, залитую кровью лейтенанта

Будько.

Лишь сейчас я заметил, что конец палочки опален огнем и превратился в уголек.

– Что это за ритуал? – поинтересовался я

– Так положено у бастаров. Этот нагар на кровавой свече – знак того, что по убиенному прошла сатанинская месса.

Я промолчал, условности этих полу-людей, полу-волков поражали своим цинизмом, но я воздерживался от выражения эмоций. Я упорно ждал Игната, и он пришел. Было чуть больше двенадцати, когда в обычной звуковой гамме ночного леса появились другие, чуждые ей звуки. Я сразу уловил их, тяжелое дыхание, казалось, было многократно усилено каким-то страшным рупором. От этих звуков холодела кровь, и все живое почтительно замолкло, признавая, силу, идущего по лесу полу-зверя, получеловека.

Игнат явился на поляну в своем человеческом облике. Даже сейчас он был демонически страшен. Длинная до пят немецкая шинель разошлась на груди и едва прикрывала мощное тело атлета. Глаза с неприятным холодным отблеском, заметные на его лице даже в ночной тьме, казалось, жили какой-то своей, отличной от всего тела жизнью. Они то сужались, то, наоборот широко распахивались, едва не вылезая из орбит. К моему удивлению он был аккуратно выбрит и коротко стрижен под ноль. Мощный квадратный подбородок часто дергался, а крупный хищный нос ходил ходуном, захватывая огромными ноздрями терпкий воздух лесной ночи.

Шеи у этого гиганта не было. Круглая, похожая на огромный булыжник, голова его покоилась прямо на широченных плечах. Длинные мускулистые руки с огромными кулачищами, то вскидывались вверх, то безвольно висли плетями вдоль его здорового тела.

Признаться, первой, еще неосознанной моей мыслью, было атаковать его прямо сейчас. Но, поразмыслив, я тут же отказался от этих намерений. Известно, что убивать оборотня надежнее, когда тот находится в своей волчьей ипостаси, или же во время его перехода из одной формы в другую. Игнат же менять свое обличье не собирался. Вместо этого он вдруг шагнул к жавшейся у кустам орешника Ярославе.

– Одна пришла? – прохрипел он, тяжело дыша.

– Одна, – едва выдохнула ведьма.

– Чую человека, чужого чую, – бросил Игнат.

Он нагнулся к земле и шумно вдохнул в себя запах трав. Секунду он тщательно принюхивался и вдруг торжествующе вскинул голову вверх.

– Предала, окаянная? Навела беду на братца?! – взревел он и скакнул в моем направлении.

Игнат безошибочно и почти мгновенно учуял чужака. Редкий для оборотня случай, обычно, в лесу они не особенно быстро различают запахи. Слишком много посторонних раздражителей их поганого обоняния, но этот тип оказался дюже расторопным, тут же перешел к решительным действиям и бросился на меня.

Ярослава пала бездыханная, хотя изверг атаковал именно меня, и, буду откровенен, в первый миг я тоже испугался, слишком мощным парнем оказался этот Игнат Конько. Правда, замешательство мое было весьма кратковременным и длилось не больше секунды. Уже в следующее мгновение я был готов к схватке. Сжимая длинный серебряный кинжал, я изготовился встретить врага, и тут мне повезло. Быть может, единственный раз за все мое расследование.

Дело в том, что тут Игната настиг «миг перерождения», так именуется на нашем профессиональном языке тот момент, когда особь меняет свое обличье, переходя из человеческого в волчье состояние. Нужно сказать, что момент этот наступает внезапно даже для самого оборотня и всегда сопровождается довольно сильными болевыми ощущениями для перерожденца. Так было и с Игнатом. Внезапно остановившись, он упал на спину и стал биться в конвульсиях. Его мощное тело извивалось, словно закручиваясь в гигантский узел. Отборнейшая ругань мешалась с волчьим воем и страшным хрипом. Омерзительный запах застарелой псины лез в нос, заставляя мои легкие сжиматься от этой всепоглощающей вони. Кашляя и давясь, я попытался броситься на тварь, стремясь воспользоваться ее беспомощным состоянием, но тут же отскочил назад.

Сильнейшая волна жара обожгла меня с ног до головы. Подобраться к перерождавшемуся в оборотня Игнату было невозможно, это все равно, что пытаться войти в доменную

печь. Говорю это без преувеличения, ибо ни до ни после не испытывал ничего подобного.

Случается, что оборотни могут контролировать себя и проявляют свои звериные инстинкты лишь во время пребывания в волчьем обличии. С бастарами все не так, эти твари – звери по своей сути, в каком бы состоянии они не пребывали. Недаром Игнат творил свои злодеяния и в человеческом, и в волчьем обличии. Позже мне приходилось валить еще несколько бастаров, но ни у одного из них я не встречал такого мощного теплового воздействия, как у этого душегуба Конько.

Сжимая в руках кинжал, я ждал, когда страшное действие превращения наконец-то закончится. Мое ожидание длилось с минуту, быстрое превращение, доложу я вам. Другие особи могут мучиться несколько часов...

Однако превращение закончилось, я понял это по внезапному ослаблению жара. Вновь стала ощутима прохлада лесной ночи. Волк пружинисто вскочил на лапы и тут же бросился вперед. Глаза его были огненно красными, а тело напоминало выпущенную из лука стрелу. Он летел легко и стремительно, опьяненный ощущением почти свершившейся уже победы. Я был в его понимании не просто добычей, но поверженным врагом, вкус сердца которого он очень скоро опробует на своем сатанинском пиру. Он уже считал меня мертвым, но, как часто бывает, просчитался.

Инстинкт бесогона штука в нашем деле незаменимая. Как

учил меня еще мой дед, нужно заранее планировать бой. Правильно выбранный прием решает все, и я это прием выбрал почти автоматически. Увидев, что волчина увлекся прыжком и воспарил на добрых полметра, я тут же использовал этот просчет. Поднырнув под его вытянутое в струну тело, я ударил, метя твари в сердце. Сжимая кинжал обеими руками, я увеличил силу своего удара.

Естественно, в первый раз я промахнулся, но основной своей цели все же достиг, я сбил «серого» наземь и довольно сильно распорол ему шкуру. Бастар оказался лежащим на спине, что было мне руку. Задержав дыхание, я прыгнул на него, и, втянув голову в плечи, принялся колоть его в грудь.

Тварь взвыла, его когти нещадно драли мне спину, разрывая в клочья кожу, но это были всего лишь судороги умиравшего. Один из моих ударов, не знаю точно, какой именно, достиг цели, поразив мерзавца в самое сердце. Вскоре оборотень стал слабеть и, в конце концов, обмяк.

Я поднялся на ноги и отер о его шкуру свой кинжал. Волк был мертв, но это было еще не все. Теперь мне предстояло наблюдать обратное превращение. Отдав концы, тварь вновь обретает свой первозданный вид. Но сейчас это все было не так импульсивно. Никаких метаний и конвульсий не было. Буквально на глазах исчезла волчья шкура и испачканные в моей крови когти, вновь явилось взору атлетически сложенное тело Игната. Все это происходило быстро и плавно, я даже не замечал как. Лицо Конько было теперь спокойным и

не таким отталкивающе страшным.

Игнат лежал на боку, выбросив вперед сильные руки. На поросшей черными волосами груди зияла глубокая рана, из которой на траву медленно сочилась кровь. Все это я видел в ясном свете вышедшей из-за туч круглой луны. По стечению обстоятельств сегодня было полнолуние. Время умирать для оборотня Игната.

Я уселся прямо на траву и достал из кармана разодранной в ключья форменки смятую пачку «Казбека». Закурив, я с наслаждением выпустил в ночное небо тугую струю сизого дыма. Что я чувствовал? Ничего. Я просто сделал свою работу, избавил людской род от еще одного мерзавца, именуемого одним емким словом «нечисть».

Ярослава Конько, придя в себя и завидев мертвое тело брата, завывла в голос и принялась утирать сочившуюся из его груди кровь подолом своего длинного домотканого платья. Как ни странно, мне стало жаль ее.

– Будет, неужели ты плачешь по этому мерзавцу? – спросил я.

– Он не всегда был таким, – ответила она сквозь слезы.

– Забудь о нем.

Я докурил папиросу, выбросил окурочок и встал с травы.

– Пойду к саперам. Нужно кое-что взять у них. Скоро вернусь. Жди меня здесь, не вздумай сбежать, – приказал я.

– Можно, я посижу рядом с ним? – тихо проговорила Ярослава.

Я ничего не ответил. Даже не оглянулся, когда пошел в расположение саперного батальона.

Там я разыскал капитана Зарайцева. Заспанный, он вышел ко мне в одних несвежих кальсонах и застыл, изучая мое испачканное в крови оборотня лицо.

– Кто это вас так? – наконец вымолвил он.

– Неважно. У меня к вам просьба, товарищ капитан.

– Слушаю!

Зарайцев вытянулся в струнку и подтянул свои кальсоны.

– Добудьте большой дерюжный мешок и бутылку керосина. Затем прикажите снарядить подводку, нужно вывести тело лейтенанта Будько. Сами же срочно отправляйтесь в Граличи. Соберите там народ, возьмите Лихогляда, Гавриленка, прочих крестьян и ведите людей на поляну, где был обнаружен труп Будько.

Закончив говорить, я повернулся и двинулся обратно. Зарайцев молча смотрел мне в след. Наверное, более странного приказа он не получал ни до, ни после нашей с ним встречи. Однако выполнил капитан все исправно и старательно. Спустя ровно час после моего возвращения на поляне появились заспанные жители Граличей. Приехал Лихогляд на своей телеге.

Все время, что мы ожидали селян. Ярослава провела возле тела брата. Встав на колени, она тихонько выла, но я не мешал ей, лишь, когда появились люди, приказал ведьме отойти.

– Смотрите на него! – я указал на тело Игната, – тот, кто держал вас в страхе, теперь мертв, и это все, что я хотел вам сказать.

Люди, толкая друг друга, кинулись к телу оборотня, образовав вокруг тесный круг, они во все глаза смотрели на распластанное на земле тело мучителя. Гавриленок и Лихогляд подошли последние.

– Это он, – едва ворочая языком, проронил председатель.

– Он мертв! – торжественно возвестил учитель.

– Мы можем идти домой? – вновь подал голос председатель.

Он не смотрел на меня, я тоже не удостоил его взглядом.

– Естественно, идите, – спокойно произнес я.

Гавриленок хотел сказать еще что-то, но, так и не решившись, махнул рукой и зашагал обратно в деревню. Остальные жители, перешептываясь, потянулись за ним. Зарайцев и его бойцы, погрузив на телегу тело лейтенанта Петра Будько, тоже отправились восвояси. На поляне возле поверженного оборотня остались лишь я, Ярослава и переминавшийся с ноги на ногу учитель Лихогляд.

– А что будет с Чертычихой и ее девочкой? – спросил он меня, когда все разошлись и вдалеке замekli обрывки разговоров селян.

– Не могу вам сообщить, – я пожал плечами, – и Чертычиха, и ее дочка отныне поднадзорные элементы. Спустя время, вы можете послать в МГБ запрос об их местонахожде-

нии, но, поверьте моему опыту, ответа вы не получите.

– Вот как? Но, может статься, девчурка – моя дочка, – голос старика дрогнул.

– И тем не менее...

Мне было искренне жаль его, но сообщать какие-то сведения в подобных случаях нам строго запрещено.

Лихогляд ушел. Утихла, наконец, поскуливавшая, словно собачонка, ведьма Ярослава. Все-таки любила она своего изверга-брата, поэтому я и отправил ее домой. То, что я делал после, надлежало, согласно нашей инструкции, делать в тайне. Но действия эти были не сложные и хорошо отлаженные за время службы. Со времен царизма действия эти не претерпели никаких изменений, и я крепко запомнил их порядок.

Оставшись один, я положил тело Игната в большой дерюжный мешок, что принес Зарайцев, и, обильно полив керосином, поджег его. Как обычно, тело оборотня горело споро и зеленоватым пламенем, так горят впрочем, тела всех представителей бесовского отродья. Закончив, я развеял пепел над лесной поляной и отправился в дом Чертычи-Конько.

Наутро я увез Ярославу из Граличей и забрал из приюта ее дочь. Обоих я доставил в столицу и доложил о выполнении задания своему непосредственному начальнику Вахтангу Дадуа. Ему же предстояло решать судьбу ведьмы Ярославы и ее незаконнорожденного дитя.

Дадуа распорядился, как всегда, мудро. С ведьмой провели беседу и предупредили о том, что отныне за ней будут неустанно следить офицеры Бесогона. Конько клятвенно обещала завязать с темным прошлым и никогда не баловаться бесовщиной. Думаю, она сдержала свое слово. Во всяком случае, больше мы ею не занимались. Слышал, что Чертычихе с дочкой дали комнату в общежитии. Ярославу трудоустроили на Трехгорку, а ее девочку записали в фабричную школу.

Жизнь простой советской труженицы оказалось ведьме не по нутру. Она начала пить, стала быстро стареть и вскоре умерла, дочь жива до сих пор. Она давно выросла, закончила текстильный техникум, создала свою семью, о темном прошлом матери ничего не знает.

Так и закончилась эта история.

Кстати, сведения о полковнике Юрасине я все же запросил. Был такой офицер, но служил он еще в царской армии. Незадолго до революции воинская часть Юрасина стояла в районе Граличей. Сейчас от места расположения того полка ничего не осталось, лишь заброшенный дом, в котором квартировал полковник со своей молодой женой.

Из архивных материалов следовало, что Юрасин совершил кражу средств из полковой кассы, но был изобличен, не вынес позора и покончил собой. Повесился в собственном доме. В деле содержались показания сослуживцев полковника. Все они утверждали, что Юрасин пошел на преступле-

ние из-за своей красавицы жены. Де, именно она мотовка и кокетка довела честного служаку до такого некрасивого поступка, а сама, получив денежки, покинула местное захолустье и исчезла в неизвестном направлении. В деле содержалась старая, затертая до дыр фотография жены полковника. Нужно ли говорить, что на ней Ярослав Конько была изображена в том же самом привлекательном обличье, в коем эта коварная особа являлась и мне в первые часы моего пребывания в Граличах?

«Брюсовы Письмена» (рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)

Последний месяц победного 45-го выдался в Москве вьюжным и холодным. Я блуждал по району возле Сухаревой башни, заглядывая во все дворы и переулки. В этот ночной час я поднял воротник своей шинели и поглубже нахлобучил форменную фуражку.

Холодно! А ночью холодно особенно! Вот так я хожу уже почти три недели по опостылевшей декабрьской стуже. С той самой поры, когда на пороге кабинета нашего шефа Вахтанга Георгиевича Дадуа возник начальник местного отделения милиции майор Фрол Иванович Степанчиков. Я как раз был в кабинете Вахтанга и уже собирался уходить, но Дадуа велел мне остаться.

– Выслушаем товарища майора вместе, – решил начотдела.

Козырнув, майор уселся за стол и, отказавшись от предложенного ему чая, сразу приступил к делу.

– На территории вверенного мне района действует неизвестное науке существо, – Степанчиков перевел дух, – на секретном совещании всем начальникам отделений милиции было приказано сообщать о происходящих на подведом-

ственных территориях всяких непонятных случаях в ваш отдел. Правильно?

– Именно так, – подтвердил Дадуа.

– Вот я и сообщаю, – майор решительно рубанул рукой воздух, – за истекшие два с половиной месяца на моей территории постоянно происходят странные вещи. Какой-то тип, по виду похожий на некое приведение, пугает припозднившихся прохожих, воеет на все голоса в подвалах и на чердаках, да и, вообще, ведет себя омерзительно. Население целого района живет в страхе, а наемни произошел и вовсе из ряда вон выходящий случай. Сменившаяся с дежурства беременная медсестра одной из больниц Ольга Суханова потеряла ребенка и едва не умерла от страха. Ее атаковал некто в темном плаще и капюшоне, надвинутом на глаза. Он вещал нечто нечленораздельное и размахивал испачканными кровью руками. Девушка упала, сильно ударилась, как следствие, у нее случился выкидыш.

Закончив сообщение, Степанчиков с надеждой посмотрел на нас с Дадуа.

– Выручайте товарищи. Это по вашей части. Мне б с простыми урками разобраться. Сотрудников катастрофически не хватает. Люди буквально с ног валяться..., – горестно вздохнул милиционер.

Это было сущей правдой, милиция испытывала сильнейший кадровый голод, а уголовный элемент столицы окончательно распоясался.

– Сделаем все, чтобы нейтрализовать этого типа в капюшоне. Думаю, что нам это удастся, и порядок на вашей территории будет восстановлен, – авторитетно заявил Дадуа майору Степанчикову.

– Вот спасибо! – майор облегченно вздохнул, вскочил, торопливо открыл выдавший виды брезентовый портфель и, достав из него стопку исписанных листков, аккуратно положил ее на угол стола, – здесь кое-какие материалы, относящиеся к делу, – пояснил он.

– Изучим, – пообещал Дадуа.

– Обязательно изучите, а мне на службу пора!

Вновь козырнув, майор схватил свой портфель и стремительно выбежал из кабинета. В окно было видно, как Степанчиков выскочил из здания, проворно забрался в служебный «Хорьх» и, рванув машину с места, укатил по направлению к своему околотку.

– Достал майора этот призрак в капюшоне, – невесело усмехнулся я.

– Да, уж...

Дадуа взял со стола пачку исписанных листков, которые оставил майор, и, быстро просмотрев их, взглянул на меня.

– Тут протоколы. Всего шестнадцать случаев. Все повстречавшиеся с призраком показывают одно и то же. Фантом упоминал что-то о заупокойной службе и невинно убиенных, взмахивал испачканными кровью руками и исчезал, обдав потерпевших волной могильного холода...

– Стандартный набор действий неуспокоенной души, – я пожал плечами и поинтересовался, – каков социальный статус заявителей?

– Разный, – Дадуа заглянул в бумаги, – кроме известной нам медички Сухановой, есть жалобы и от других людей. Профессорская чета Пятигоровых, возвращаясь с именин сестры профессора, видела фантома возле дровяных складов. Настройщик музыкальных инструментов Филипухин выполнял срочный заказ дома у известного певца. Мастер мебельной фабрики Шатунов шел со смены домой. Студентка-вечерница Акрамова тоже возвращалась домой после занятий. Работницы камвольно-суконного комбината шли на ночную смену из общежития. Сантехник жилконторы Савушкин торопился по вызову, трубу в соседнем доме провало. Все случаи имели место быть в Зарядье. Все граждане видели фантома глубокой ночью и не доверять их словам нельзя.

– Что ж, навещу последнюю жертву, медичку Суханову. Остальные расскажут тоже самое, – я поднялся со своего места.

– Дальше, что делать думаешь, Савва? – поинтересовался Вахтанг.

– Дальше придется обходить район действия фантома. Буду искать с ним личной встречи. Найду его, будет видно, что это за фрукт. Исходя из этого, решу, как урезонить эту персоналию.

– План одобряю, – кивнул Дадуа, – тем более, что в сложившихся обстоятельствах ничего другого придумать и нельзя. Действуй, Сорокин! Надеюсь на тебя.

Я козырнул, вышел из кабинета и с тех пор больше не входил в него. На службу я тоже не являлся. Днем я отсыпался, а ночью вел охоту на призрака. Но так ни разу и не видел его, прошло уже достаточно времени, но таинственный фантом будто исчез....

Встреча с медицинской сестрой Сухановой дала кое-какую пищу для размышлений, но сильно моей задачи не упростила. Проведать медичку я решил на следующий день, после визита к нам в отдел майора Степанчикова. Девушка лежала в своей же больнице, откуда и ушла домой в ту роковую ночь. Заботливые коллеги поместили Ольгу в отдельную палату и разрешили мужу навещать жену в любое удобное время.

Когда я вошел в маленькую, жарко натопленную комнатку, угловатый сутулый мужчина в больших роговых очках сидел возле постели жены. Ольга лежала неподвижно. Ее взгляд был устремлен в потолок. Узкие бескровные губы тихонько шептали что-то одной ей слышимое и понятное.

– Здравствуйте, – козырнул я и достал из кармана кителя служебное удостоверение.

– Оля, это к тебе. Товарищ из органов, – пояснил жене мужчина, заботливо поправляя одеяло.

Несмотря на тепло, Ольга мерзла, озноб бил ее худенькое, как у подростка тело. Она вдруг посмотрела на меня, и я физически почувствовал ее страх.

– Было осень страшно. Он возник, будто из ниоткуда, появился, словно из воздуха. Понимаете?

Девушка приподнялась на больничной койке и смотрела на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. Зрачки ее расширились, словно таинственный призрак и сейчас был перед ней, в том темном ночном переулке старой Москвы.

Я молчал, боясь своими расспросами испугать ее еще больше. Однако Ольга сама продолжила рассказ.

– Он передвигался по воздуху, то удаляясь, то приближаясь, он будто парил над землей, и все что-то просил. Буквально умолял...

– Что он хотел?

– Не знаю, – Ольга зажмурилась, словно свет больно резал ей глаза, – мне показалось, что он говорил что-то про заупокойную службу, которую нужно отслужить по невинно убиенным. Твердил, что ему не удалось сделать что-то очень важное.

– Что же он не сделал?

– Не знаю, я не поняла его. Призрак, он все время махал запачканными в крови руками и временами принимался выть. От его воя я почти оглохла, у меня кровь в жилах от ужаса застыла. Я вскрикнула, а он стал медленно удаляться, улетать. Уплывать куда-то в сторону, будто его несло ветром.

Потом он исчез, обдав меня таким мертвенным холодом, от которого я тут же потеряла сознание. Я упала, ударилась, и вот, теперь я не смогла выносить ребенка, потеряла его...

Она залилась слезами. Сначала плакала тихо, а потом вдруг разрыдалась. Муж медички смотрел на меня с негодованием, словно это я был повинен в постигшей их беде. Что ж, отчасти он был прав, моей задачей являлось не допустить подобного развития событий. Усмирить возмутителя городского спокойствия следовало намного раньше, пока он не нагадил гражданам, но майор Степанчиков, будь он неладен, добрался до нашего отдела слишком поздно.

– Извините, мы примем все необходимые меры...

Я шагнул к двери и успел услышать брошенные с горечью слова. Они ударили мне в спину, словно пули пистолета ТТ.

– На что мне теперь ваши меры?! Они запоздали! Мне нужен ребенок, мой ребенок! Понимаете?! – кричала обезумевшая от горя женщина.

Не дай вам Бог пережить то, что пережила эта худенькая женщина. Ее полный горечи и укоризны взгляд преследует меня даже в сейчас, в глубокой старости. И хоть прошло столько лет, я отчетливо помню выражение ее глаз. И не забуду их до конца своих дней, коих осталось совсем чуть-чуть.

Еще я навестил начальницу местной жилкоторы гражданку Фриду Савельевну Кац. Крикливая и властная женщина с большой вавилонской башней из крашенных стрептоцидом

волос на маленькой яйцевидной головке моментально при-
молкла, увидев перед своим носом красную книжечку моего
удостоверения. До этого она ретиво распекала здорового
пьяного в дым детину с разводным ключом, который торчал
из левого кармана заношенной до дыр телогрейки. С моим
появлением разнос подчиненного в миг закончился.

– Воеет, воеет, по всем подвалам и чердакам кто-то воеет и
плачет. Житья от него никому нет. Зайдешь – нету никого.
Выйдешь – вытье и нечленораздельные причитания начина-
ются заново, – испуганно проведала она, хлопая густо накра-
шенными ресницами.

– Шум идет из какого-то конкретного подвала или черда-
ка? – поинтересовался я.

– Нет, страдает вся округа. Нечисть озорует по всему на-
шему району, – ответила Кац.

– Ясно, – я повернулся уходить, но пред этим строго по-
грозил Фриде Савельевне пальцем, – надеюсь, вы понимаете,
те, что наш разговор должен остаться между нами?

– Конечно, конечно! – Кац послушно кивнула своей вави-
лонской башней.

Сказать, что встречи с этими двумя такими разными жен-
щинами мне совсем не помогли, значит погрешить против
истины. Кое-какую пищу для размышлений они мне все же
дали. Днем я набросал карту района, где безобразничал при-
зрак, и выявил несколько проблемных мест. Район был боль-

шой, и их оказалось довольно много. Целых шесть!

В одном доме купец второй гильдии Прохоров в пьяном угаре насмерть забил собственную дочь, принесшую в подоле от какого-то смазливового приказчика. Самого приказчика вскоре нашли зарезанным в канаве, возле лавки, где он продавал прохоровские скобяные изделия.

Еще в одном месте муж, кавалерийский поручик застрелил неверную жену и ее служанку, помогавшую своей хозяйке в ее любовных шашнях.

В меблированных комнатах купца Петрилова, которые нынче были превращены в склад «Оптпуштогра» проигравшийся в карты коллежский регистратор с горя устроил пожар с большим количеством человеческих жертв.

Было еще несколько эпизодов с кровавыми развязками. Я просмотрел все имевшиеся в нашей ведомственной библиотеке подшивки старых газет. Но больше ничего интересного не нашел. Что если безобразит кто-то из тех давнишних злодеев? Вот только кто?

Все свои документальные изыскания я проводил днем, отрывая драгоценное время ото сна. Ночью же блуждал по району, ища встречи с фантомом. Так прошло почти три недели. Сегодняшняя ночь обещала быть особенно трудной. Во-первых, было довольно холодно, столбик термометра застыл на минус девятнадцати еще днем, а во-вторых, я сильно простудился, беспрестанно кашлял и чихал, что довольно сильно изматывало. Наверное, у меня был жар, но заменить ме-

ня было некем. Другие сотрудники нашего отдела выполняли иные, не менее ответственные задания.

В кармане шинели лежал заряженный серебряными пулями наган, а в кобуре ждал своего часа ТТ. однако, я был уверен ни один, ни второй ствол мне не помогут. Фантомы – персоналии неординарные, их спецприспособлениями не возьмешь, их вообще не возможно устранить с помощью нашего оружия. Это вам не оборотни, упыри, или злобные ведьмы, да лешаки. С приведениями нужно обязательно договариваться. От опыта и мастерства бесогона зависит, уйдет ли мятущаяся душа в мир мертвых, или же продолжит пугать живых.

Я шел по улице, как вдруг из подворотни донесся истошный женский крик.

– Помогите! Грабят, убивают, последнее отнимают!

Этого еще не хватало! Я бросился на помощь. Забежав в подворотню, увидел двоих типов в куцах блатных клифтах, на головах, несмотря на мороз, кепки-восьмиклинки, особенно почитаемые у столичной шпаны.

Их жертва, припозднившаяся миловидная женщина средних лет в лисьей шубе и каракулевой шапке-таблетке в ужасе застыла, облокотившись о стену дома. Ее белое от ужаса лицо было похоже на посмертную маску. Времени – два ночи. Окна дома темны, жильцы спят, а если даже и не спят, никто не выйдет, все боятся блатарей. Телефонов в квартирах нет, на вызов милиции рассчитывать нечего.

Двое молодых парней лет семнадцати чувствуют свою безнаказанность. В руках одного из них финка, которой он свирепо размахивает пред самым лицом жертвы.

– Часики, денежки попрошу, шубку и шапочку снимайте, гражданочка, – нагло ухмыляясь, заявляет он.

– А сама пусть на снег ложится, позабавимся, с ней, зема! – вожделенно поглядывая на жертву, добавляет его дружок, – ложись, лярва! Будешь ласковой, жить оставим! – бросает он испуганной женщине.

Та, трясясь от страха, выполняет все приказания.

– Стоять, сволочи! Руки в гору!

Я выхожу на освещаемый тусклой лампочкой участок, в руках у меня ТТ. Парни испуганы.

– Перо на снег кидай, живо – приказываю я тому, кто с ножом.

– Понял, сей момент бросаю, только не шмаляй, начальник, – бормочет он

Он смотрит куда-то мне за спину и вдруг его лицо начинает дергаться, по губам текут слюни. Старый, как мир, прием, меня таким не проймешь. Я оглянусь, а он метнет финку точнехонько мне в шею.

– Т-т-там, – он заикается, брызжет слюной и тычет пальцем куда-то в проулок.

Его друг тоже начинает дрожать всем телом.

– Нечистый, нечистый! – орет второй уркаган, усаживаясь задницей в сугроб.

Женщина теряет сознание и медленно оседает в снег. Я оборачиваюсь и отчетливо вижу Его!

Призрак весь колеблется в лунном свете. Его лицо закрыто капюшоном плаща. Видна лишь черная борода и оскаленный в страшной ухмылке рот. Кисти рук, испачканные кровью, сильно дрожат, и от этого фантом кажется еще ужаснее. Он приближается ко мне, но я стою, не шелохнувшись. В первый момент главное не показать своего страха и выстоять, тогда призрак теряется и становится менее агрессивным.

– Ты кто такой? – спрашиваю я зависшего в метре от земли фантома.

– Заупокойную отслужить, невинно убиенные не дают покоя! – завывая на все лады, начинает он свою речь, потихоньку двигаясь по направлению ко мне и обдавая меня страшным могильным ходом, от которого, кажется, останавливается сердце.

– Кто ты? – не отступая ни на шаг, вновь спрашиваю я.

Но призрак начинает кружиться на месте. Его завывания становятся все громче, слов не разобрать, звучат лишь надсадные стоны, перемежающиеся с всхлипами и глухими хрипами, похожими на рыдания. Капюшон с его лица падает, и становятся видны грубые, словно высеченные топором черты лица. Большой нос, тяжелый заросшей жесткой бородой подбородок, крупные, искушенные до крови губы и огромные безумные глаза, горящие желтым дьявольским огнем.

Я смотрю на него, не отрываясь, и призрак начинает от-

даляться, он уплывает куда-то назад, быстро уменьшаясь в размерах. На улице слышится цокот копыт. Конный милиционный патруль из подведомственного майору Степанчикову отделения.

– Сюда! – властно кричу я.

Двое всадников влетают в желтый клин фонарного света и моментально берут в оборот еще не пришедших в себя молодчиков. Их жертва благодарно кивает головой и плачет, теперь уже от радости. Ее слезы текут по лицу, безжалостно размазывая искусно наложенные пудру и румяна. Черные от краски глаза, кроваво красный рот. Она вдруг кидается ко мне с диким воплем.

– Кто?! Кто это был, товарищ старший лейтенант?! Какой он страшный! Он ведь мог нас убить!

– Успокойтесь, гражданка, не стоит так нервничать, – пытаюсь я успокоить женщину, но она бросается на колени и ползет ко мне, пытаясь ухватить за полу шинели.

– У нее истерика, – бросаю я седоусому сержанту в надвинутой на самые брови ушанке.

– Эти не лучше! – сержант кивает на все еще сидящих без движения уркаганов.

Бандиты глядят прямо перед собой и даже не пытаются сопротивляться, когда сержант и его напарник пихают их в спины дулами своих винтовок. Милиционеры свою работу знают, а я вот, похоже, свалюл дурака. Кто был предо мной, выяснить не удалось...

Я иду пешком к нам в отдел. Пойду туда прямо сейчас, к утру явится Дадуа. Доложу ему все, как есть, решение о дальнейших действиях будем принимать уже вместе. Я долго иду, останавливаясь лишь, чтобы немного отдышаться. Наконец я захожу в здание и показываю охране свой пропуск. Наверное, я выгляжу совсем больным, караульный долго смотрит мне в след, рука его тянется к телефону.

Я поднимаюсь на этаж к Дадуа. К моему удивлению Вахтанг все еще на службе. Он и худенький седовласый старикан в круглых очках сидят за столом Дадуа, склонившись над какой-то толстой книгой в потертом от времени кожаном переплете.

– Я видел призрака, – не здороваясь, я усаживаюсь за стол и смотрю прямо перед собой, пытаюсь сдержать рвущейся наружу кашель, – огромный чернобородый гигант в черном же капюшоне и с испачканными кровью огромными руками. Красавец, а?

– Дадуа смотрит на меня с тревогой. Наверное, я похож на сумасшедшего, но сейчас это не важно.

– Познакомься, Савва, это знаменитый историк-московед Павел Иванович Четвергов. Я привлек его к делу, он поможет нам.

Дадуа кивает в сторону седенького старичка в смешных круглых очках. Четвергов улыбается и приветливо кивает мне головой.

– Вы, товарищ, нарисовали портрет видного сподвижника Петра Первого Якова Брюса, знаменитого чернокнижника, алхимика и необычайного любителя мистики.

– Яков Брюс? – я не верю своим ушам, – при чем тут эта одиозная личность? Брюс не носил бороды, Я видел его портрет...

– Не это главное, – Четвергов стал серьезен, – на интересующем вас участке стоит Сухарева башня, в которой располагалась лаборатория знаменитого чернокнижника. Там он проводил свои опыты, пытаясь найти некий эликсир, побеждающий смерть.

Профессор встал из-за стола и стал медленно прохаживаться по кабинету, меря шагами натертый до блеска паркет. Мы с Дадуа молчали, терпеливо ожидая, когда Четвергов продолжит свой рассказ. Пройдя не меньше полукилометра, профессор заговорил вновь:

– По легенде чернокнижник проводил свои опыты всегда в одиночку. Он часто зазывал к себе в лабораторию бездомных бродяг, угощал их вином. Затем, напоив до беспмятства, безжалостно умерщвлял.

– Зачем? – вырвалось у меня.

– Что бы попробовать на них свои чудодейственные эликсиры. Чернокнижник мечтал научиться воскрешать людей. Свои опыты он записывал в специальную книгу, туда же помещал рецепты своих эликсиров. «Брюсовы письма» – так звали современники записи чернокнижника. О погибших

бродягах никто и не догадывался...

– Куда же он девал тела несчастных? – поинтересовался я, – Не выносил же он трупы из башни, так ведь можно было попасться на глаза прохожим, или петровским гвардейцам. В одиночку избавиться от тела очень нелегко, а чернокнижник, по вашим словам, умерщвлял бродяг регулярно. Тел должно было быть много...

– Думаю, что Брюс не выносил тела из своей башни – лаборатории, – задумчиво произнес Дадуа, – думается, что он прятал их прямо там, замуровывал в стену, или же в пол.

– А как же тошнотворный запах гниения разлагающихся тел? – не отставал я.

– Яков Брюс был превосходным химиком. Может статья, он обладал также навыками бальзамировщика. Именно поэтому его кладбище жертв науки никто и не обнаружил. Он умел лишать тела мертвых запаха гниения, – предположил Дадуа, – кстати, исчезнувших бездомных бродяг никто не искал. И с этой стороны чернокнижник поступал осмотрительно.

– Только одного не предусмотрел чернокнижник. После смерти за свои деяния придется нести ответ. Вот и ищет неприкаянная душа покаяния. Нет ей покоя и прощения, невинно убиенные жертвы его опытов нуждаются в молитве и захоронении по христианским обычаям. Вот и ходит он по ночам, просит прохожих отслужить службу по невинно убиенным, – проговорил Четвергов.

Профессор вновь сел за стол, открыл передо мной книгу, которую они с Дадуа рассматривали до моего прихода.

– Не этот ли тип встретился вам сегодняшней ночью? – спросил меня Четвергов, указывая на рисунок гладко выбритого человека в парике.

– Нет, не он, – я отрицательно покачал головой.

– А так?

Четвергов закрыл рукой парик и легонько дорисовал простым карандашом бородку.

– Очень похож, – я был поражен этим простым преобразованием одного человека в другого, казалось, совсем не подходящего на свой же портрет.

То-то! – Четвергов назидательно поднял вверх указательный палец, – Брюс, к вашему сведению, редко бодрствовал днем, в основном работал по ночам. Конечно, на ассамблеи, которые регулярно устраивал царь Петр, Брюс являлся по тогдашней моде, облаченным в красивый камзол, гладко выбритым и в нарядном парике. В жизни же он предпочитал обычный темный плащ, да и бриться чернокнижник не любил. Царь знал об этом, но прощал эту слабость своему сподвижнику. Боярам бороды рубил, а Брюса не трогал. К слову сказать, призрак чернокнижника шатался по Москве и раньше, но вы первые, кто услышал и правильно истолковал его мольбы. Спасибо, что решили избавить москвичей от этого жуткого зрелища.

– Откуда вы все это знаете, профессор? Говорите о Якове

Брюсе, словно о своем соседе по коммунальной квартире, – восторженно воскликнул я, крайне довольный тем, что Дадуа привлек к сотрудничеству такого замечательного человека.

– Изучая исторические документы, я обращаю внимание на всякие мелочи, которые другие просто не замечают. В истории нет мелочей – это мое глубочайшее убеждение, пронесенное через всю жизнь, – с достоинством ответил Четвергов, – я вам больше не нужен? – он посмотрел сначала на Дадуа, затем на меня.

– Нет, сейчас вас отвезут домой. Спасибо за консультацию.

Мы с Дадуа сердечно распрощались с профессором, он шагнул к выходу, но тут же обернулся:

– А вы что собираетесь предпринять теперь? – Четвергов с интересом смотрел на нас через толстые стекла своих круглых очков.

– Отправимся в башню, и будем искать захоронение жертв чернокнижника. После привезем туда священника, он отслужит заупокойную службу, – ответил Вахтанг.

– Я с вами! – решительно заявил профессор, – найдем захоронение быстро. Там мало, что изменилось с той поры.

– Будем рады, – радушно улыбнулся Дадуа.

Через час мы были на месте. Вахтанг вызвал к башне взвод бойцов дивизии Дзержинского.

– Простукивайте стены, ваша задача найти пустоты. Найдете, аккуратно разбирайте кладку. Нашедшему древнее захоронение – повышение в звании и отпуск домой! Начали! – скомандовал Дадуа, а, повернувшись к профессору Четвергову добавил, – а вы, уважаемый Павел Иванович, следите за моими архаровцами, не то, они всю башню по камешкам разберут.

Мы ожидали скорого результата, но работа шла туго. Потребовались дополнительные силы. Прибыло пополнение. Дадуа пришлось вызвать саперов. Саперный лейтенант приехал на место со специальной техникой. Целую неделю мы искали захоронение жертв опытов чернокнижника и, наконец, нашли

Перед нами предстала ужасная картина. В большой каменной пазухе лежали останки несчастных жертв эксскрементов Брюса. Некоторые тела были мумифицированы, другие же рассыпались в прах, едва мы открыли этот своеобразный склеп. Там же лежала небольшая книга в сафьяновом переплете. Профессор Четвергов поднял ее и осторожно смахнул вековую пыль, в тот же миг книга рассыпалась у него в руках. Вместо исписанных страниц и цельного, слегка тронутого тлением переплета нам досталась лишь жалкая кучка пыли.

– Что это было, товарищи? – профессор потерянно смотрел на нас с Дадуа.

– Думаю, это и были загадочные Брюсовы письма, о ко-

торых вы упоминали, – Дадуа смотрел на кучку пыли, оставшуюся от книги, совершенно равнодушно, – наверное, к лучшему, что труды Брюса постигла такая участь. Видимо, к концу жизни чернокнижник охладел к своим опытам и, разувверившись в них, похоронил свой дневник вместе с трупами бродяг.

Этой же ночью тела несчастных мы забрали и захоронили их в общую могилу на одном из подмосковных погостов. Привезенный по распоряжению Дадуа старичок-священник отслужил заупокойную службу дважды, на самом погосте и в башне, где чернокнижник проводил свои опыты.

– Зачем же было служить в башне? – недоумевал Четвергов.

– На случай, если мы разыскали не всех погибших, – объяснил профессору Вахтанг.

Время подтвердило правильность наших действий. С тех пор прошло много лет, но больше зловещий призрак по Москве не шлялся и не пугал своим видом припозднившихся москвичей.

«Ангельская эскадрилья» (рассказ лейтенанта МГБ Сергея Манцева)

Я Сергей Манцев 1919 года рождения. Родители мои погибли на фронтах гражданской войны. Сам же я воспитывался в специальном детском доме. Детдом наш был привилегированным, в нем жили ребята, чьи родители отдали свою жизнь в борьбе за торжество идей Великого Октября. Шествовали над нами военные летчики, позже их стали гордо именовать «сталинскими соколами». Эти мужественные люди приходили к нам каждые выходные, часто возили на аэродром, где показывали настоящие боевые самолеты, рассказывали об их устройстве и порой, в обход всяких инструкций, брали нас с собой в тренировочные полеты. Первый раз из кабины самолета я увидел небо в шестилетнем возрасте. После детдома поступил в летное училище, которое и закончил перед самой войной в чине младшего лейтенанта.

Тогда я еще не знал о существовании спецотдела «Бесогон», где мне пришлось служить впоследствии. События, происшедшие со мной в первые месяцы войны, предопределили мою дальнейшую судьбу...

Случилась эта история ранней осенью 1941 года неподалеку от Москвы. Наш эскадрилья, находившаяся в составе

Н-ского авиаполка, всюду участвовала в воздушных боях с немецкими ассами Люфтваффе. Фашист стремился к полному господству в небе и сильно превосходил нас по численности самолетов, но наши летчики не сдавались и героически противостояли проклятым «стервятникам». Я на своем «ишачке» тоже совершал боевые вылеты и даже сбил один немецкий самолет.

Бои были тяжелыми, а потери страшными. Нам противостояли отлично обученные летчики, но мы воевали за свою землю. И это удешевляло наши силы.

Однажды во время боя я расстрелял весь свой боезапас. То был очень тяжелый бой. Вражеские ястребки появились неожиданно. Вероятно, они сопровождали звено своих бомбардировщиков и, отработав полетное задание, возвращались на базу. Мы же с ребятами прикрывали с воздуха отход нашей бронеколонны. Вместе с идущим на переформирование танковым подразделением по пыльной проселочной дороге двигались колонны беженцев. С воздуха были видны старики и молодые женщины, державшие за руки маленьких детей. Все они шли, неся с собой тючки с самым необходимым. Некоторые даже катили детские коляски, груженные нехитрым домашним скарбом. Танкисты, идущие впереди, постелив на броню старые форменки и устроив нечто вроде лежанок, взяли на борт самых слабых, но машин было мало, и места на всех не хватало.

Фрицы тоже заметили колонну, тут же решили атаковать

ее и стали спешно перестраиваться. Трое из четырех стервятников двинулись на нас с моим ведомым, а еще один, самый прыткий, начал снижаться, стараясь расстрелять колонну с безопасной для себя высоты.

Прицельные выстрелы из винтовок наших бойцов порой поражали самолеты противника, идущие на малых высотах, и фрицы заметно трусили, снижаясь лишь в том случае, если по дороге брели беззащитные беженцы. Здесь же гражданских прикрывали танкисты, коих следовало опасаться.

«Стервятник» заложил вираж. Я уже ощущал, как этот гад готовится нажать на гашетку и даже воочию представил себе, как его поганые пули станут косить беззащитных. Короче, я решил атаковать фрица, идти на таран, предварительно вытеснив его на безопасное от колонны расстояние. Пусть мы вместе погибнем, но глумиться над мирным населением я ему не дам. Снизу слышались пистолетные выстрелы. Танкисты, разгадав маневр немца, лупили по нему из личного оружия. Но все было тщетно, гад находился на недостижимой высоте и собирался начать свою мерзкую охоту.

– Прощай! Иду на таран! – крикнул я своему ведомому белорусу Витьке Коршуну.

Коршун уже зашел в хвост одному из мессеров. Радиоэфир донес ему мое последнее послание. Я искренне жалел боевого товарища, ему тоже не суждено было выжить. Немцы находились в большинстве. Чем я мог помочь своему другу? Я лишь оттянул на себя еще одного стервятника. Распо-

знав мои намерения, еще один фриц рванул ко мне, поливая мою машину свинцом. Я нырнул вниз, ожидая повторения атаки, но немец активности не проявлял. Наоборот, он стал уходить в сторону.

Что происходит? Помощи, вроде бы, ждать было неоткуда. Я оглянулся. За мной виден был смутный силуэт старого, дореволюционного еще самолета. Такие машины видел я в пожелтевших от времени журналах, кипа которых лежала на чердаке нашего аэроклуба. Откуда они здесь? Что за наваждение?

Меж тем скоро вдалеке появилось еще несколько таких же раритетов. Их было три, или четыре. Контуры самолетов терялись в окружавшей их туманной дымке. Они стали теснить немцев, те открыли по «ветеранам авиации» огонь. Кажалось, очереди фашистов прошивали таинственные самолеты насквозь, но те и не думали гореть, они даже не снижали скорости. Не отвечая на выстрелы, наши спасители продолжали нестись на врагов.

– Кто они? Что происходит? – в моем наушнике гремел возбужденный голос моего ведомого Витьки.

– Н-не знаю, – это все, что я мог ответить.

Краем глаза я увидел, как фашист, пытавшийся расстрелять мою машину практически в упор, вдруг клюнул носом и стремительно стал крениться вбок. Секунда, и он резко пошел к земле, старинный самолет же продолжал маневрировать и отогнал еще одного вконец растерявшегося фрица. Я

не заметил, как и этот немец упал вниз, слышен был лишь пронзительный гулкой взрыв. Место падения мессера озарилось яркой вспышкой.

Два оставшихся самолета противника уже и не помышляли о продолжении боя, надсадно ревя моторами, они стремительно уходили прочь. Я бросил взгляд на наших с Витькой спасителей. Они, выполнив свою задачу, медленно таяли в воздухе. Лишь один, тот, что был ближе всех ко мне, упорно сохранял свои очертания. Я различил на борту самолета светлый образ Николая Чудотворца. Лик был выписан зримо и ярко. Закатные лучи солнца освещали его. Также мне удалось разглядеть лицо пилота. Это был молодой темноволосый мужчина в кожаном реглане. На лице его я заметил аккуратные щеголеватые усики. Так носили усы до революции, подобные портреты модников той поры я видел в тех же старых журналах, что зачем-то хранились на чердаке нашего осваохимовского аэроклуба.

Пилот тоже пристально смотрел на меня. Наконец, он улыбнулся, усики взметнулись вверх, он приложил к виску два пальца и, отсалютовав мне, пошел на разворот. Мгновение, и его машина тоже растворилась в воздухе. Я хорошо запомнил это его лицо и добрую, чуть грустную улыбку.

Вернувшись на аэродром, мы с Витькой подробно отразили в рапортах, все, что произошло с нами в воздухе, не забыв упомянуть о сбитых неведомыми авиаторами вражеских самолетах. Комэска, ознакомившись с нашими рапортами,

расспросил нас о случившемся, выслушал очень внимательно и тут же доложил о странном происшествии в штаб полка. Туда же он отвез наши рапорта, которые сложил в специально заведенную для этого дела папку.

На следующий день нас отстранили от полетов, а еще через сутки на аэродроме появился моложавый стройный человек в отлично подогнанной по фигуре шинели без всяких знаков различия. В руках человек держал тонкую кожаную папку.

– Вахтанг Дадуа, начальник спецотдела при центральном аппарате НКВД СССР, – представился он.

– Младший лейтенант Манцев, – изрядно струхнув, доложил я.

Появление на аэродроме нквдешника ничего хорошего мне не сулило. Скорее всего, меня сейчас арестуют и обвинят в чем-нибудь страшном. Но дело вышло совсем иначе. Дадуа провел меня в пустовавшую в этот час палатку командира эскадрильи.

– Мы ознакомились с вашим рапортом, где вы подробно описали случившееся с вами, вы правильно сделали, что не скрыли сей весьма важный факт, – произнес Дадуа.

Я молчал, ожидая продолжения разговора. Гебист достал из тонкой кожаной паки пожелтевший от времени газетный лист и подал его мне.

– Прочтите, товарищ Манцев. Здесь сообщается о подвиге вашего деда, поручика Манцева. Ваш дедушка был авиа-

тором и погиб, прикрывая отход своих боевых товарищей. Дело было в первую империалистическую...

Дрожащими руками я принял старый номер «Военного Вестника». Газета оказалась за 1914 год. В небольшой заметке сообщалось, что поручик Манцев вступил в неравный бой сразу с тремя самолетами противника. Внизу прямо под выцветшими плохо различимыми строчками был помещен портрет молодого летчика в кожаном реглане. Щегольские усики, добрая немного грустная улыбка. Все это было мне знакомо, я сразу узнал моего спасителя.

– Товарищ Дадуа, – начал, было, я, но тут же замолчал.

Я был потрясен и просто не мог найти слов, чтобы выразить этому человеку свою искреннюю благодарность. Дадуа терпеливо ждал, когда мое волнение пройдет. Наконец я смог собраться с мыслями.

– Как же это? Как это стало возможным? Оказывается, это дед спас меня в том страшном бою, – растерянно пробормотал я.

– Вы что-нибудь слышали об ангелах-хранителях? – спросил Вахтанг Георгиевич, пронзая меня своим строгим проницательным взглядом.

– Да, – я покраснел, – но я комсомолец, и...

– Одно другому не мешает, – прервал меня Дадуа, – факты, товарищ младший лейтенант, вещь упрямая. Сообщения об ангельской эскадрильи приходят и из других источников. Я поднял сведения о вашем дед. На борту его боевой маши-

ны на самом деле был изображен лик Николая Чудотворца.

Я вслушивался в слова этого странного человека и вдруг поймал себя на мысли, что безоговорочно верю ему.

– Я ознакомился и с вашим делом, товарищ Манцев, – он вновь бросил на меня свой острый пытливый взгляд, – и предлагаю служить вам в моем отделе. Думаю, что вы сможете стать отличным чекистом. Ваш перевод в Москву уже согласован с комполка. Идите собирать вещи, отъезд через пятнадцать минут.

– Товарищ Дадуа, – я замялся, – сейчас война, очень тяжелый момент, а я военный летчик. Позвольте продолжить службу здесь, в полку. Сейчас каждый авиатор на счету.

– Вот как? Значит, отказываетесь? – в голосе Дадуа зазвучал металл.

– Так точно, здесь я нужнее. После войны обещаю прибыть на новое место службы, в возглавляемый вами спецотдел.

– А если убьют? – голос Дадуа несколько потеплел.

– С таким-то ангелом-хранителем? – я усмехнулся, – обещаю остаться в живых и прибыть к новому месту службы сразу после войны.

– Молодец, Сергей, я знал, что ты останешься в полку! Иного ответа, признаться, я от тебя и не ожидал, – Дадуа протянул мне руку, – но после войны я все же заберу тебя к себе. Помни, ты обещал мне остаться в живых!

– Так точно! – браво гаркнул я.

Мы обменялись рукопожатиями, и Дадуа быстро зашагал к ожидавшей его черной эмке. Полы шинели развивались за ним, он был похож на большую птицу и, казалось, вот-вот взлетит.

Я сдержал свое слово и остался жив. В июне сорок пятого на меня пришел запрос от Дадуа, и я отправился в Москву, где поступил на службу в «Бесогон». Рассказы об ангельской эскадрильи мне приходилось слышать еще не единожды. Авиаторы первой мировой появлялись в дни самых напряженных сражений, но я лично их больше не встречал. Номер «Военного Вестника», оставленный мне Вахтангом Дадуа, стал моим талисманом и постоянно сопровождал меня в боях.

«Тайна склепа поручика Лозницкого» (история, рассказанная лейтенантом МГБ Семеном Нечаевым)

Я Семен Нечаев, рожденный в 1922 году. Во мне течет русская и черкесская кровь. Моя мать черкешенка, урожденная княжна Тикеша Неруева, а отец красный командир Фрол Нечаев. Как познакомились и сошлись такие разные в социальном плане люди, как мать и отец, я толком не знаю. Я потерял их очень рано. Родители погибли от рук басмачей во время набега белобандитов на гарнизон красноармейцев, где мы жили. Мне же удалось спастись. Воспитывался я в детдоме под Самаркандом, там же проявился мой странный и страшный дар. Дело в том, что я обладаю уникальным умением слышать голоса умерших людей. Но происходит это не всегда по моей воле. Точнее, я не властен над этим своим даром. Порой он, подобно эпилептическому припадку, настигает меня совершенно неожиданно. Иной же раз я вхожу в общении с мертвыми добровольно. Конечно, я не бьюсь при этом в конвульсиях и не теряю рассудка, но, признаться, жить мне много сложнее, чем другим, обычным людям.

По выпуску из детдома я поступил в училище младшего

комсостава войск НКВД. Перед самым окончанием я поведал о своем уникальном даре начальнику курса, тот доложил по команде наверх. Вскоре я был вызван в Москву к Вахтангу Дадуа. Начальник спецотдела «Бесогон» предложил служить под его началом. С тех пор я офицер «Бесогона».

Мужчина средних лет в добротном сером костюме стоял на трамвайной остановке и наслаждался ярким июльским солнцем. Лето победного сорок пятого года выдалось не особо теплым. Сегодня был первый день, когда солнце стало припекать по-настоящему, радуя москвичей своим запоздальным теплом.

Мужчина ослабил узел галстука и даже расстегнул верхнюю пуговицу дорогой, явно купленной в коммерческом магазине сорочки. Нацепив на нос вошедшие в моду после войны солнцезащитные очки «янки», он насвистывал веселую песенку и лениво поиграл щегольским зонтиком-тростью. Зонтик был иностранным, скорее всего, трофейным, и заканчивался длинной блестящей спицей. Любуясь самим собой, пижон окидывал оценивающим взглядом стоявших неподалеку от него девушек. Созерцание стройных девичьих фигурок явно доставляли ему удовольствие, он одобрительно хмыкал, на его аристократически бледном лице поигрывала сальная улыбка.

Я же стоял напротив него, возле дощатой будки с криво намалеванной надписью «Киоск «Пиво-Воды». Осушив до

самого доньшка свою кружку, я намеренно громко икнул и полез в карман плаща за куревом. Дрожащей рукой я достал дешевый металлический портсигар и, открыв его, принялся доставать папиросу. В одной из половинок моего портсигара была помещена фотография человека с аккуратно зачесанными назад темными волосами. На бледном худом лице особо выделялась тщательно подстриженная бородка-эспаньолка. Франт был одет в модный в начале двадцатого века сюртучок и узенькие брючки. Высокие охотничьи сапоги, плотно охватывавшие несколько полноватые икры, добавляли ему романтизма, а редкая седина, едва пробивавшаяся в смоляных волосах, делала мужчину солидней и значимее.

Я мысленно сравнил изображенного на отлично отретушированном фото франта и стоявшего передо мной пижона в серой паре. Сходство было полным. Правда, заметил бы его не каждый. Узнать человека по фото своего рода искусство, особенно, если между сравниваемыми типажамы промежутки длинной в несколько десятилетий.

Я же был отлично тренирован и почти сразу определил, что аристократичный поручик Юрий Аристархович Лозницкий и хамоватый совслужащий в добротной серой паре – один и тот же человек, если можно назвать человеком это форменное исчадь ада, за которым я гонялся уже несколько недель.

Давно погибший поручик был прямо предо мною и выглядел «живее всех живых».

Что же делать? Одному мне ликвидировать, а тем более, взять его живым, будет крайне затруднительно. Тип этот очень опасен. Я проверил подвешенный к внутренней стороне моего плаща небольшой выточенный наподобие кинжала осиновый кол. Кол удобно лег в руку, окропленный святой водой, он было грозным оружием против упырей, к коим, без всякого сомнения, принадлежал мой поднадзорный.

Эх, вызвать бы сейчас помощь, ребят из отдела, но это нереально. Отлучишься позвонить, а этот мерзавец, фьють, и скроется. Куда же он едет? Скорее всего, на Ваганьковское кладбище. А если, нет?

Я поправил свою блатовскую кепку-восьмиклинку, докурил папиросу и, специально швырнув окурок мимо урны, топал к остановке. Не доходя нескольких шагов, я намеренно споткнулся и едва не снес субтильную молодящуюся из последних сил старушенцию в котиковом жакете.

– Шпана проклятая, нажрут, и давай народ толкать! – начала роптать старушенция, обиженно поджимая сухонькие губки и поправляя крашенные стрептоцидом заметно поредевшие волосенки.

– Ша, старая! – соорив зверскую рожу, рывкнул я.

Толпа на остановке моментально уставилась на меня, а я бросил быстрый взгляд на пижона, он брезгливо отвернулся, демонстрируя полное презрение. Очень хорошо, всерьез меня упырь не воспринимает, и это позволит мне беспрепятственно наблюдать за ним еще какое-то время. Потом он ме-

ня, конечно, вычислит...

Упыри, или, как их еще зовут на иностранный манер, вампиры, очень наблюдательны и хитры. Это племя весьма изворотливо и чует опасность за версту. Они довольно сильны физически, и мало похожи на растиражированные в дешевых романах сказочные образы. Никто из них не боится чеснока и уж тем более не спит в гробах, шарахаясь от дневного света. Да, эти особи имеют бледную кожу и не слишком сильно выступающие боковые зубы-резцы, но только и всего. Они и вправду предпочитают не смотреть на солнечные лучи, но могут наслаждаться загаром, спрятав глаза за стеклами затемненных очков. Впрочем, то же самое можно сказать и про великое множество обычных людей, не имеющих к упырям никакого отношения. Если б вычислить упыря было бы так просто, мы бы давно их всех перебили. А так, приходится действовать аккуратно, стремясь избежать жертв среди невиновных людей.

Единственное, что может остановить упыря – это старый добрый осиновый кол, в этом народные поверья не лгут. Но любой бесогон скажет вам, что перед тем, как всадить острую деревяшку в грудь нежити, придется провести серьезную оперативную работу.

Дело Лозницкого вновь было заведено два месяца назад. Я говорю «вновь», ибо известно, что этого мерзавца ловили уже наши предшественники бесогоны славного Жандармского Управления, но их усилия не увенчались успехом. То-

гда мерзавец успел уйти. Исчез. Испарился, будто провалился сквозь землю. Наш ветеран Савва Сорокин, было, думал, что тот сбежал от греха подальше в старушку-Европу, но тут нежить объявилась вновь.

Москву потрясла серия самоубийств молодых девушек. Студентка мединститута Клавдия Свешникова, парикмахер мужского зала Дина Боумгардт, библиотекарь Нинель Ивашкевич, кассир с Киевского вокзала Раиса Салыхова, модистка Таисия Чудко. Почти все эти девушки были найдены повешенными у себя дома. Лишь модистку Чудко нашли, висевшей на ветви дуба в подмосковном лесу. Тело несчастной девушки обнаружили грибники.

У всех жертв была одна характерная отметина, два следа от укуса зубов на шее. Не зажившие ранки уже не кровоточили, но еще не успели окончательно затянуться. Очень скоро наш судмедэксперт установил, что смерть наступала почти сразу после укуса. А характерный прикус позволил установить, что здесь работал один и тот же упырь. Но кто?

Наш судмедэксперт старик Мухоморов, служивший в отделе еще при царизме, утверждал, что раньше у них была специальная карта прикусов всех известных вампиров, но после победы Великого Октября, ее сожгли вместе со всей документацией отдела. Наш самый авторитетный бесогон Савва Сорокин согласен со стариком. Кстати, именно Сорокин надоумил Вахтанга Дадуа, начальника «Бесогонна», разыскать старика Мухоморова и вновь принять того на

службу. Дадуа прислушался к мудрому совету, теперь Мухоморов снова в срою. Кроме своих непосредственных обязанностей он выступает в роли своеобразного консультанта по нежити. Опыта старику не занимать!

Последний случай собрал нас всех вместе в глухом уголке подмосковного леса, где было обнаружено тело модистки. Собравшийся почти полностью отдел «Бесогогон» стоял по стойке смирно перед Лаврентием Павловичем Берией, прибывшим на место отдельно от нас. По случаю конспиративной встречи министр госбезопасности изменился до неузнаваемости. Вместо своего обычного двубортного костюма Берия облачился в сильно вытянутые на коленях шаровары и старый свитер-самовяз. Поверх вылинявшего от частых стирок свитера он накинул брезентовый рыбацкий плащ. На голове министра красовалась железнодорожная фуражка со сломанным посередине козырьком. Ноги были обуты в разношенные резиновые боты.

Свое знаменитое пенсне Берия сменил на большие роговые очки, а под нос наклеил усы, отчего напоминал мне старого мудрого филина из иллюстрированной детской книжки «Сказки леса». Вдалеке на лесной просеке стоял маленький фургончик с надписью «Сбор лекарственных трав». На нем министр прибыл на эту встречу. Секретарь министра капитан ГБ Тимур Кецбая, исполнявший роль охранника и водителя фургона, оставался сзади, предпочитая не слышать содержания разговора.

– До чего дошло, Вахтанг? – голос министра звучал очень тихо, что свидетельствовало о его гневе, – как вы охраняете советский народ? Какой-то кровосос убивает молодых девчат, а вы... – Берия выругался на мегрельском языке, что делал крайне редко.

Сейчас министр обращался к своему старинному другу Вахтангу Дадуа, но тот стоял, высоко подняв голову, и не опускал взгляда.

– Мы работаем. Отрабатываем версии. Мы найдем его, на сей раз не уйдет.

– Девушки сами сводили счеты с жизнью, или он убивал их, инсценируя самоубийство? – спросил вдруг министр.

– Убивал, – ответил Вахтанг, – исключение составляет лишь модистка Чудко. Возможно, она ушла из жизни добровольно. На ее теле нет явных следов насилия.

– Что толкнуло ее на этот шаг? – не отставал Берия.

– Пока не известно, труп эксперт Мухоморов только что увез в морг и еще не успел внимательно осмотреть. Все сведения пока лишь предварительные, но лично я думаю, что девушка не пожелала стать вампирессой. Думаю, тебе известно, что вампиризм крайне заразен. Укус вампира делает свою жертву подобной ему самому, – пояснил Дадуа.

– Слышал об этом. Думал, сказки. Воспринимал упырей как обычных убийц.

– Увы, товарищ министр, сказки оказались страшной явью, – голос Вахтанга звучал глухо.

Он сделал паузу. Молчал и министр.

– Поверьте, товарищ Берия, нами делается все, что только должно делаться в подобных ситуациях, – проговорил Вахтанг.

Ну да, ну да, – Берия взглянул на нас, застывших перед ним по стойке смирно, – простите, что обидел вас недоверием, товарищи. Верю, что вы выполните свой долг. Эта мразь не должна жить...

Он повернулся и зашагал к просеке. Тимур Кецбая, держа руку на кобуре ТТ, последовал за ним.

Мы тоже двинулись, но в другую сторону. Наш автобус стоял на опушке возле проселочной дороги. По приказу Дадуа я отправился в морг, где уже работал Мухоморов. Вахтанг Георгиевич поехал со мной.

Нашему отделу был выделен целый прозекторский зал. Старик разложил трупы девушек на длинном во всю стену мраморном столе. Зрелище это было жуткое, все покойницы лежали с одутловатыми почерневшими лицами и вывалившимися изо рта языками.

– Ну, что Семен, покажи свое уменье. Попытайся войти в контакт с душами умерших девушек. Может быть, кто-нибудь из них поможет нам в поимке упыря, – велел мне Дадуа.

Легко сказать «покажи умение». Дело это крайне деликатное и весьма специфическое. Вывести на откровенный разговор душу ушедшего в мир иной – величайшая удача, и заниматься этим с кондачка – занятие пустое. Но я все же по-

пробовал.

Я уселся на крашенный белой краской металлический табурет и закрыл глаза, мысленно представляя себе тех, кто еще совсем недавно радовались жизни, любили парней, ходили на работу, или на учебу в институт. Постепенно вокруг меня начала сгущаться темнота. Прозекторская куда-то делась. Я сам стал маленький, словно клоп, а темные круги стали неистово вращаться, будто, желая увлечь меня в свой стремительный водоворот. Вдруг я увидел Таисию Чудко, она стояла неподвижно совсем близко от меня, и я беспокоился, как бы эти круги не вовлекли ее в образовавшуюся воронку.

Но вот бешеный круговорот закончился, круги исчезли. Тая же осталась стоять. Девушка не была обезображена последствиями самоубийства. Лицо ее было красивым, но грустным.

– Мы ищем того, кто довел тебя до смерти. Помоги нам. Кроме тебя он убил еще четверых ни в чем не повинных девчат, – проговорил я и не узнал свой голос.

Так было всегда, когда я разговаривал с душами умерших. Голос был глухой и жил как бы отдельно от меня.

– Мама, она знает. Она знает, – на лице девушки появилась гримаса боли, – знает, знает, – как заведенная продолжала твердить она.

Я силился продолжить разговор, но Тая начала стремительно удаляться.

– Подожди. Стой, тебе говорят! – я устремился за ней в

появившийся опять водоворот черных кругов, – постой! – вновь крикнул я, но тут же почувствовал, как чья-то сильная рука схватила меня за плечо и с силой откинула от разверзшейся передо мной черной бездны.

– Довольно, Семен! – раздалось возле моего уха.

Я открыл глаза. Рядом стоял Вахтанг Дадуа.

– Нужно действовать осторожнее, так можно навсегда остаться там, где ты только что был.

– Мать Таисии Чудко, лишь она может кое-что рассказать. Другие души на связь не выходят, – смутившись, доложил я.

– Хватит и этих сведений. Я запрошу наших коллег, а ты, Семен, жди меня здесь, – приказал мне Дадуа.

Он вышел из прозекторской, а я остался сидеть на холодном металлическом табурете. Мое тело трясло, лишь сейчас я осознал, что мог бы запросто расстаться с жизнью, не возвратившись из того черного небытия, где только что беседовал с душой покойницы.

– На, выпей, иногда это помогает, – старик Мухоморов протянул мне стакан медицинского спирта.

– Не буду.

– Будешь, – он с силой ткнул стакан мне в руки.

– Правда, что Таисья повесилась сама? – спросил я судмедэксперта.

Старик утвердительно кивнул головой.

– Скажу больше, при тщательном осмотре выяснилось, что на ее теле нет следов укусов упыря, но она принадлежит

к их поганому роду. Это, несомненно!

Мухоморов говорил об этом так обыденно, словно речь шла о каком-нибудь ничего не значащем факте. Меня, признаться, это покорило. Вообще, этот молчаливый самоуверенный старикан мало кому нравился, лишь Савва Сорокин, знавший Мухоморова по предыдущему месту службы, поддерживал с ним дружеские отношения. Остальных раздражала его манера изъясняться какими-то недомолвками и насмешливыми репликами, словно он, считал нас, боевых офицеров, ничего не смыслящими в своем деле пригостишками.

– Послушайте, товарищ Мухоморов, отчего вы сделали вывод о том, что смерть Таи Чудко как-то связана со смертями остальных девушек? Какие – такие факты позволяют вам утверждать, что она сама имеет отношение к роду вампиров?

– Я никого не посвящаю в тайны своего ремесла, но сегодня сделаю исключение из правил, – бросил Мухоморов, отвлекаясь от созерцания очередного трупа.

Он подошел к шаткому обшарпанному шкафу, стоявшему в углу зала, и достал оттуда старинное зеркальце. Зеркало было обрамлено в бронзовую оправу, а поверхность его была немного надтреснута. Бережно протерев раритет полкой своего не первой свежести халата, Мухоморов шагнул к телу Таи Чудко.

– Смотри сюда, – он поманил меня своим кривым желтым от никотина пальцем.

Я послушно наклонил голову.

– Алле, оп! – Мухоморов занес зеркало над телом Таисии, тело в зеркале не отражалось.

Я мог бы в этом поклясться. До этого старик подобных фокусов мне не показывал.

– Что это за зеркало? – спросил я.

– Обыкновенное зеркало. У жены спер, для служебных, так сказать, целей. Тело Таисии необыкновенное, Семен. Вот, смотри, он поднес зеркало к другому трупу.

Зеркало исправно отразило черное одутловатое лицо другой покойницы.

– Здесь отражение присутствует. Думаю, эта девушка просто еще не успела стать вампирессой, хоть и была укушена мерзавцем. Какой напрашивается вывод?

– Времени после укуса прошло мало.

– Точно, – Мухоморов кивнул головой, – а еще из всего этого следует, что вампир сам убивал своих жертв, получив от них то, что хотел. Попросту говоря, он удовлетворял свои грязные вампирские желания. Он спал с девушками и «награждал» их своим укусом, изрядно напившись при этом молодой девичьей крови. Кстати, все девицы были до контакта с упырем девственны. Этот факт был для него особо притягателен. Кровь девственниц не только насыщает, но и омолаживает их паскудный организм. Вампиры, друг Сеня, тоже стареют, правда, гораздо медленнее, чем мы с тобой, обычные люди.

– Я думал, что они не стареют вовсе...

– Расхожее заблуждение, опровергать которое, напрасный труд. Многие древние манускрипты свидетельствуют об обратном, – буркнул старик.

– Где же эти труды? Почему нас не знакомят с ними? – недоуменно спросил я.

– Древние книги были сожжены сразу по смене строя, – Мухоморов пронзил меня острым словно лезвие клинка взглядом, будто это я лично сжигал древние труды, – они погибли в огне первых дней революции. И знаете, что Семен?

Голос его стал немного мягче.

– Что?

– Мне думается, что большевики не так уж и виноваты в этом. Многие из бесов весьма приветствуют различные революции и потрясения основ общества. Во время хаоса, присущего любой смене власти, так легко уничтожить то, что проливает свет на их гнусные личности. Держу пари, среди первых комиссаров были несколько тварей из бесовского элемента. Я лично видел одного беса. Осенью семнадцатого года, в кожаной тужурке с красным бантом на лацкане, он охотился за одним древним манускриптом, но я опередил его, похитив из разгромленного жандармского управления эту весьма забавную книжицу.

Мухоморов достал из шкафа внушительный фолиант в переплете из грубой кожи. Название книги засекречено до сих пор, и я не могу упоминать его в этом своем рассказе....

Старик вновь занялся изучением своих бумаг. Закончив разговор, он тут же забыл о моем существовании. Я тихонько сидел на своем табурете, боясь помешать старому судмедэксперту. Лишь сейчас после этого разговора сухарь и зануда Мухоморов открылся мне совершенно с другой стороны.

Мои размышления прервал приход Вахтанга Георгиевича Дадуа. Шеф «Бесогона» вошел, как всегда, бесшумно и стремительно.

– Едем, у меня на руках адрес матери Таисии Чудко. Она живет в подмосковной деревне. Здесь недалеко, – торжественно провозгласил он.

– Есть!

Я встал, попрощался с Мухоморовым и поспешил за начальником. До подмосковных Мытищ мы добрались довольно быстро, дальше шла грунтовая дорога, раскисшая от только что закончившегося ливня. Эмка Вахтанга, ревя своим форсированным мотором, летела вперед, выплевывая из-под колес целые фонтаны грязи. Над этой машиной работали настоящие мастера своего дела, лучшие механики всесильного МГБ превратили автомобиль шефа «Бесогона» в настоящий вездеход, способный пробираться там, где зачастую и пешком-то пройти непросто.

– Вот и деревня, где коротает своим дни мать Таисьи, – Дадуа кивнул головой в сторону нескольких покосившихся от времени избушек, – по нашим сведениям ей сейчас около сорока...

– Жалко бабу, одна-одинешенька теперь ведь осталась, – протянул я, с жалостью посматривая на серые крестьянские хаты

– Быть может, быть может, – протянул Дадуа, не очень-то прислушиваясь к моим словам.

Шеф остановил машину и, хлопнув дверцей, двинулся к первому попавшемуся дому.

– Вам кого, товарищи?

Прямо перед нами словно из-под земли вырос однорукий инвалид, на лацкане его старенького пиджачка блестела медаль «За отвагу».

– Вы, наверное, здешний председатель? – обратился к инвалиду Вахтанг.

– Так и есть, Филипп Торопов, – представился он, пожимая нам руки.

– Давно здесь проживаете, товарищ Торопов? – поинтересовался Вахтанг.

– Всю жизнь, пятьдесят годков уже! – гордо сообщил инвалид.

– Гражданку Чудко знаете?

– Машку-то? – Торопов презрительно усмехнулся, – на что она вам? Подстилка, она подстилка и есть. Говорить про нее не желаю.

Он сплюнул на дорогу, вытер тонкие бескровные губы рукавом пиджачка и повернулся уходить.

– Поясните, пожалуйста! – Вахтанг развернул перед пред-

седателем корочки служебного удостоверения, – мы офицеры спецотдела МГБ. Интересуемся матерью Таисии Чудко, не ради праздного любопытства, заметьте, интересуемся!

Сейчас в голосе Вахтанга звучал угроза, настолько явная, что председатель вновь развернулся к нам.

– Таисия – правильная девчонка. Как подросла малость, от матери в город и сбежала. Лучше у чужих людей угол снимать, чем с такой профурсеткой уживаться. В гражданскую Машка ее от белого офицера прижила, а в германскую войну беляк этот опять сюда пожаловал, в фашистской форме, в сапогах начищенных. Лютовал тут очень, зондеркомандой местной командовал, у фрицев в большом почете был этот гад. Об этом вам любой, кто здесь живет, скажет. Машка же с ним по второму разу сожительствовала, скрытно, тайком от людских глаз сожительствовала. А он ей за это пайки, да презенты всякие дарил. Мы, партизаны, этого гада к смерти приговорили, но ему удалось уйти. Стреляли мы в него, да все бес толку, пули наши цели не достигли. Словно заговоренный он был, одним словом, ушел от нас этот мерзавец! Так-то вот, товарищи офицеры!

Филипп Торопов говорил сбивчиво, вновь переживая события недавнего прошлого. Пустой рукав его пиджака, заправленный под солдатский ремень, выскользнул наружу и колыхался в такт движениям инвалида, будто единственное крыло огромной диковинной птицы.

– Он племянницу мою убил, снасильничал над нею и

убил, – наконец выдохнул председатель, – девчонкой ведь совсем была, семнадцать годков даже не исполнилось...

Торопов закрыл глаза и махнул рукой. На лице его застыла гримаса боли.

– Эх, вспоминать все это тяжко. Да что поделаешь? Вы спрашивайте, товарищи, спрашивайте, раз вам по службе знать это надобно.

– А как к отцу Таисия относилась? – осторожно поинтересовался Вахтанг.

– Не знаю, она тут давно уж не живет. Еще перед войной к бабке в Москву уехала, а с матерью не виделась. Лишь раз заезжала, совсем недавно, кстати. С неделю, может, назад.

Председатель полез в карман за кисетом. Вахтанг предупредительно открыл перед ним пачку «Казбека».

– Угощайтесь, товарищ Торопов.

– Не надо, я свой самосад курю, – председатель ловко скрутил козью ножку и, пыхнув едким сизым дымом, указал на стоявшую возле колодца избу, – вон Машкино жилище, торопитесь, продала она домишко-то, переезжать, видать, собралась.

Поблагодарив председателя Торопова, мы с Дадуа двинулись к дому Марии Чудко. Ветхий заборчик с шербатыми горшками, сушившимися прямо на палках изгороди, давно покосился. Старый дом, казалось, тоже готов был рассыпаться от малейшего дуновения ветра. Вероятно, заметив нас из маленького мутного оконца, Мария вышла на крыльцо. Ху-

денькая, как тростинка, она была похожа на балерину, если бы не ее большие руки, которыми Чудко беспрестанно поправляла то старую, заношенную до дыр кофту, то выбившуюся из-под цветастого платка прядь волос. Ее красивое, но порочное лицо казалось взволнованным, она очень нервничала, хоть и пыталась это скрыть

– По мою душу? – она бросила взгляд на мою гимнастерку с гебешными петличками.

– По вашу! – ответил Дадуа, – собирайтесь, гражданка Чудко! Поедете с нами, – бросил он.

– С чего бы это? – старательно изображая удивление, проговорила она.

– У нас плохие вести. Ваша дочь мертва, Таисия повесилась, а вы должны опознать тело, – глухо проронил я.

– Вот оно как вышло-то, – Мария уселась за стол и уронила голову на сложенные руки, – вот оно как вышло-то, – безостановочно повторяла она, всхлипывая все громче и громче, – не покорилась, значит, не покорилась Таисия-то. Не захотела такой жизни, не захотела...

Она зарыдала и принялась неистово биться головой о столешницу. Дадуа, словно, ждал этого момента, подскочил к ней и, схватив за волосы, властно развернул женщину к себе.

– Поздно лить слезы, гражданка Чудко! – голос Дадуа звучал грубо и хлестко, слова его вылетали наружу, будто пули из пистолета ТТ.

Я никогда прежде не видел своего начальника таким жест-

ким, но, невольно подивился его мастерству получать нужную информацию. Точно оценив психологическое состояние допрашиваемой, он хладнокровно делал свое дело.

– Расскажите нам о своем возлюбленном, белогвардейском, а позже и фашистском офицере. Ну же, мы ждем!

– А? – Мария беспомощно захлопала глазами, – про кого рассказать? Про какого белогвардейца? – она встрепенулась и принялась утирать заплаканные глаза, – не знаю никого. Наговаривают на меня...

– Врешь! – Дадау все еще крепко держал женщину за волосы, – говори! Где он прячется? Как его найти?

Он с силой швырнул Марию на стоявшую возле стены узенькую койку и выпихнул на середину комнаты два тючка, которые стояли под колченогим обеденным столом.

– Присмотри за ней! – крикнул он мне, а сам принялся потрошить объемистые, явно второпях вязанные тюки.

В одном из перетянутых грубой веревкой свертков оказались завернутые в чистую тряпицу старинные фотографии. На одной из них был изображен мужчина приятной наружности. Темноволосый красавец был облачен во фрак, еще на двух тот же человек позировал фотографу в белогвардейской форме и мундире капитана войск вермахта.

– Кто он?! – Дадау с силой ткнул женщине в лицо стопкой фотографий, – говори! Иначе, застрелю из этого самого пистолета! – он выхватил из кобуры ТТ и приставил его ко лбу Марии.

Та, и без того потерянная, испугалась еще больше. Губы ее дрожали, она пыталась унять дрожь, но, тщетно.

– В-все с-с-скажу, – наконец выдавила из себя она, – а не скажу, все одно под пытками узнали б вы правду. Это поручик Лозницкий, он же капитан германских войск Герман Корх, по крайней мере, он мне так представился, когда появился здесь вторично. Я любила этого человека и родила от него дочь. Он о ней, кстати, не знал сначала даже. Я уже стала про него забывать, но недавно он появился вновь. Все такой же молодой, как и прежде. Я, в первый раз встретившая его еще девчонкой, становилась старше, он же не старел...

Она замолчала и смотрела вдаль, куда-то мимо нас, но Вахтанг не собирался прекращать допроса.

– Ваш хахаль был упырем, Самым обычным кровососам. Не говорите только, что вы об этом не знали.

– Знала, – Мария вновь заплакала.

Она рыдала так горько, что мне стало искренне жаль несчастную, но взгляд Дадуа оставался суровым. Он молча смотрел на Марию, и женщина вновь начала говорить.

Выяснилось, что молодой офицер Лозницкий, служивший до революции где-то под Варшавой, был укушен как-то одной знатной польской панночкой. После этого он почувствовал себя будто заново рожденным. Новое состояние понравилось новоиспеченному вампиру. Все его чувства обострились, Лозницкий стал сильнее, выносливее и даже обрел некий новый лоск, которым очень гордился.

После революции Лозницкий примкнул к белогвардейцам. Именно тогда он впервые увидел молодую Марию Чудко. Той едва минуло семнадцать. История умалчивает, терзал ли вампир Лозницкий молоденьких девушек до встречи с Марией, но Машу Чудко он не тронул. Он любил девушку как обычный человек и ни разу не сделал ей больно. Ни разу он не укусил Марию, даря ей свои изысканные любовные ласки. Вскоре красные прогнали белогвардейцев, и Чудко исчез. Он звал Марию с собой, но та отказалась покидать отчий дом. Скорее всего, молоденькая Маша все-таки боялась своего кавалера, хоть и не хотела сознаться в этом даже себе самой. Блестящими манерами и галантным обхождением, вот то, чем прельстил Марию молодой вампир. В отличие от деревенских мужиков он был всегда вежлив, не распускал руки и даже называл возлюбленную на французский манер, Мари. Маша часто вспоминала своего ухажера, об истинном характере которого тогда и не подозревала. Вскоре после исчезновения Лозницкого Маша обнаружила, что беременна. Поручик был единственным ее мужчиной, и девушка решила рожать.

Однако после рождения дочери, молодая мама стала замечать некоторые странности. Маленькая Таисия не могла насытиться материнским молоком, она беспрестанно плакала, пока Мария не догадалась, подмешивать в молоко свежую кровь. Сначала это была кровь мелких домашних животных, позже аппетиты возросли. Не раз мать резала себе руки и

давала малютке лизать кровоточившую ранку. Только тогда девочка успокаивалась.

Позже Маша услала девочку в город, к своей матери, которая к тому времени работала на скотобойне. Там имелась возможность беспрепятственно доставать кровь. И мать, и бабка очень скоро догадались, кем родилась их маленькая Тая, но предпочитали молчать об этом. Страх за судьбу девочки сделал их изворотливыми и хитрыми. Когда Тая подросла, они сообщили ей, что та, де, больна редким заболеванием, о котором лучше никому не рассказывать. Мол, затаскают по больницам и лабораториям.

До поры до времени девчонка им верила, а начавшаяся война и вовсе отодвинула эту проблему на второй план. Не до этого стало. Вскоре умерла бабка, Тая же выучилась и стала работать швеей, работала она на дому, отбоя от клиенток не было. Девочка была способная и очень быстро стала популярна у модных барышень невысокого социального статуса, зато имеющих деньги. Подруги воров, бандитов, различные торговки стали заказчицами Таисии, не гнушавшейся никакой работой. На вырученные деньги девушка покупала иногда бычью кровь, но большей частью все-таки голодала. Во время войны ни у кого не вызывала подозрения вечно недоедающая модистка, едва крутившая колесо своего старенького «Зингера». Догадывалась ли девушка, что с ней происходит? Думаю, что до конца она не осознавала это в то нелегкое время.

Немецкие войска рвались к Москве, и вскоре к матери Таи появился бывший ухажер Лозницкий. Только теперь он был офицером Вермахта . Изменились и его повадки, со временем упыри становятся все ненасытнее, эта участь постигла и бывшего обходительного поручика. Теперь он жаждал крови и часто отлучался с постоя по ночам. Пропадали девушки, позже их тела находили возле леса, куда упырь таскал своих жертв. Знало ли немецкое командование о поведении своего офицера?

Берусь утверждать, что знало, но ни мало не мешало ему в этих занятиях. Позже мне приходилось ликвидировать еще нескольких бесов, находившихся на службе у фашистских захватчиков. Но об этом позже.

Лозницкий по-прежнему не трогал свою возлюбленную, но та уже не питала к нему прежних чувств. Теперь она боялась его все больше и больше. Однажды Мария рассказала ему о дочери, думая, что это смягчит сердце изувера. Тот и правда, малость присмирел, он захотел увидеть Таю, но та оставалась в Москве, куда фрицев не пустила Красная Армия. Она же вскоре прогнала их и с захваченных территорий. Лозницкий вновь исчез. За проявленную им жестокость партизаны приговорили его к смерти, но откуда им было знать об упыриной сущности мерзавца. Ему удалось уйти.

Объявился он после окончания войны. Лозницкий пришел как-то летней ночью и велел Марии организовать ему встречу с дочерью. Та дала ему московский адрес Таи. Поз-

же выяснилось, что Лозницкий рассказал Таисии тайну ее рождения, поведал о своей сущности и предложил девушке бежать с ним за границу. Та отказалась. Услышанное стало для нее настоящим ударом.

Она не нашла иного выхода, кроме, как уйти из жизни. Скорее всего, она хотела, чтобы ее тело не было обнаружено и не подвергалось бы исследованиям сведущих в своем деле спецов. Она боялась, что ее тайна будет раскрыта, и поэтому забралась в лесную глушь. Но все тайное становится явным, и тело Таи лежит теперь на прозекторском столе профессора Мухоморова. Она так и не приступила самой главной черты, не стала одной из кровососущих тварей, к коим принадлежит ее папаша...

Мария все еще говорила, а Вахтанг Дадуа изредка вставлял свои реплики в ее горестный рассказ. Я ждал, когда Дадуа спросит ее о самом важном, но Вахтанг все тянул, давая женщине выговориться. Наконец Мария умолкла, опустошенная она смотрела прямо перед собой, совсем не замечая нас с Дадуа. Пауза длилась с минуту, потом она вновь взглянула на нас, на сей раз, взгляд женщины сфокусировался на строгом настороженном лице Вахтанга. Безошибочно определив в нем главного, она спросила:

– Вы будите брать его живым?

– Как получится, скорее всего, он умрет на месте. Нам незачем его допрашивать, – честно ответил Вахтанг.

– Вы уже знаете, где его искать? – голос Марии звучал

тихо почти неслышно, но Дадуа все же услышал его.

– Думаю, вы сами укажете нам место пребывания вашего бывшего сожителя. Смерть Таисии на его совести, ровно, как и смерти всех других жертв...

– Ваганьковское кладбище, – одними губами произнесла женщина.

– Не понял, – Вахтанг подался вперед, думая, что ослышался.

– Ваганьковское кладбище, там есть склеп, принадлежащей семье Лозницких. Поручик Лозницкий участвовал в Первой Мировой Войне, на него ошибочно пришла похоронная бумага. Позже военные привезли его матери закрытый гроб, де, ее сын подорвался на mine, и от него остались лишь жалкие ошметки. У Лозницкого что-то связано с этим склепом. Он много раз упоминал о нем, когда пьяный от девичьей крови спал со мной после своих ночных походов. Ждите его возле этого склепа, скорее всего, он туда заявится.

– Мы не в праве просто ждать, он ходит где-то рядом. Его жертвами могут стать другие молодые девчата. Наша задача – обезвредить его как можно скорее...

Вахтанг поднялся из-за стола, за которым сидел, внимательно слушая Марию.

– Вы разве не заберете меня за пособничество упырю и сожительство с врагом советской страны?

Мария задала вопрос и, потупив взгляд, ждала ответа, тербя пальцами кончик косынки.

– Не заберем. Оставьте на свободе. Я слышал, вы продали избу...

– Мне здесь не жизнь! Люди презирают меня, даже Тая, в душе считала свою мать продажной женщиной. Я больше не могу здесь оставаться...

– Уезжайте, страна большая. У нас к вам вопросов больше нет.

Дадуа, не попрощавшись, шагнул за порог и пошел к машине. Я быстро кивнул головой и тоже поспешил выти из этой пропитавшейся людским горем избы. Я не хотел обращаться, но все-таки не вытерпел и бросил взгляд назад. Мария стояла на крыльце и смотрела нам в след.

– Жалко ее, – выдавил я из себя, кода мы ехали обратно в Москву.

– Каждый выбирает свою судьбу сам, – бросил Вахтанг, не отрывая взгляда от дороги.

Разговор этот случился почти месяц назад. С тех пор мы усиленно искали упыря Лозницкого, наша засада на Ваганьковском кладбище возле склепа ничего не дала. Людей не хватало, и Вахтанг распорядился снять ее, как полностью бесполезную. Мы вынуждены были обратиться за помощью в милицию, помогали нам и сотрудники МГБ. Каюсь, мы использовали коллег в темную. Разумеется, открыть им истинного лица Юрия Аристарховича Лозницкого мы не могли. Для непосвященных он был лишь одним из фашистских по-

собников, брать которого надлежало именно нам, офицером спецотдела, под кодовым названием «Бесогон». Берия рвал и метал, каждый день он просматривал сводки, с ужасом ожидая увидеть сообщения о смерти молодых девушек. Однако таких сообщений не поступало. Враг затаился и выжидал, несомненно, он чувствовал объявленную на него охоту и старался не высовываться.

На следующий день после нашего возвращения от Марии Чудко. К нам в отдел пришла печальная весть, мать Таисии покончила собой, повесившись в старой заброшенной бане на окраине села. Я долго считал отчасти и себя виновным в ее смерти. Мог ли я предотвратить ее уход? Вряд ли, конечно, но этот ее долгий пронзительный взгляд, которым провожала нас с Дадуа Мария... Этот взгляд и сейчас памятен мне...

«Каждый выбирает свою судьбу сам» – слова моего шефа Дадуа и сейчас звучат в моем сердце, не находя в нем ответного отклика. Всегда ли они верны? Ответа на этот вопрос я не знаю по сию пору, хоть и являюсь ныне глубоким стариком...

Однако я отвлекся.

Мой рассказ еще далеко не закончен, а меня уже потянуло на сентиментальное заключение повествования. Не рановато ли?

Итак, мы искали Лозницкого. Взяв под контроль женские

общежития, институты, фабрики и комбинаты, где трудился преимущественно слабый пол, мы старательно проверяли всех, кто мало-мальски подходил под описание упыря и вызывал хоть какое-то подозрение. Увы, все – тщетно. Было раскрыто много преступлений, найдено немало тех, кто скрывался от «органов», но Лозницкого среди них не было. Упырь пропал, исчез, или же ждал момента, чтобы бы продолжить свою мерзкую охоту.

Мы уже почти отчаялись, и вот я увидел этого мерзавца на трамвайной остановке. Как все просто, он решил знакомиться с девушками на остановках. Все эти трамваи ехали кто куда, какие-то на фабрики, какие-то к институтам, какие-то, к многочисленным женским общежитиям.

Я влез за ним в битком набитый трамвай. Лозницкий пробрался в самую середину и остановился рядом с невысокой красивой брюнеткой в яркой, алого цвета юбке и голубой блузке с драконом, явно купленной с рук у вертких спекулянтов, толкавших населению трофейные шмотки. Я примостился сзади, пропустив вперед себя дебелую домохозяйку с полной провизией авоськой.

– Покорен вашей красотой и хочу с вами познакомиться! – приятным баритоном не проговорил, а, скорее, пропел Лозницкий.

Брюнетка улыбнулась, окинув цепким взглядом дорогой костюм трамвайного ловеласа. От взгляда девушки не укрылись ни дорогая сорочка, ни модные солнцезащитные очки

– «янки». Поразмыслив и решив все-таки откликнуться, она улыбнулась:

– Меня зовут Мира, учусь в пединституте, еду на занятия. А вы кто такой будите?

– Пединститут? Это невыносимо скучно, – Лозницкий сделал нарочито кислое лицо, – я вот работаю ассистентом у самого Александра. Знаете такого режиссера?

– Конечно! «Веселые ребята», «Цирк»...

– Он ищет актрису, новую, юное дарование...

– А как же Любовь Орлова? – спросила Мира

– Любовь Орлова уже не та, – Лозницкий презрительно усмехнулся и продолжал, – нет обаяния молодости, а зрелая красота быстро приедается. Предлагаю вам кинопробы. Где мы можем встретиться и обсудить этот вопрос? Чтобы не утруждать такую красотку, готов прийти к вам домой, предварительно сводив вас в ресторан, конечно!

– Не знаю, я живу с родителями, – протянула девушка.

– Тогда идемте ко мне. Я занимаю отличную квартиру в центре города. Как раз сейчас моя остановка. Идемте на выход!

Лозницкий быстро схватил девушку за руку и, не давая той опомниться, потянул за собой. Я не успел уйти с дороги. Он наткнулся на меня, и вдруг лицо его изменилось, вместо дружелюбной улыбки на бледном тщательно выбритом лице показался волчий оскал.

– Выходите? – он настороженно смотрел на меня.

– Выходят замуж, а я тут слазию, – стараясь соответствовать своему образу уличного хулигана, грубо ответил я.

– Не смею задерживать, пройдите к выходу!

Он с силой толкнул меня на подножку, а сам стал пробираться вглубь трамвая, таща девчонку за собой.

– Оставьте меня! Помогите, товарищи! – поняв, что происходит что-то неладное, Мира пыталась вырваться из стальных лап упыря, но тот не отпускал ее. В его облике появилось нечто такое от чего, стоявшие вокруг пассажиры в страхе отступали, наседая друг на друга. Мира зарыдала.

– Что ж, ты сама выбрала так, что бы это все было некрасиво!

Упырь наклонился над девушкой и откинул ворот ее блузки. Я понял, что кровосос пошел ва-банк. Он все-таки вычислил меня, понял, что за ним следят, и решил ускорить процесс. Сейчас он вопьется ей в горло, нужно срочно спасти юную студентку педвуза.

– Отпусти девушку и медленно выходи из трамвая, – как можно спокойнее сказал я.

– А из тебя вышел дрянной актеришка, мусор! – Лозницкий оттолкнул от себя Миру и стал шарить по вагону трамвая затравленным взглядом.

Тут только до меня дошло: он думает, что я не один. Я решил подыграть мерзавцу.

– Ребята! Я возьму его сам, – громогласно провозгласил я, обращаясь к воображаемым товарищам по оружию.

– Суки! Обложили, красноперые!

Упырь оттолкнул девушку, рванул дверь на себя и спрыгнул на ходу. Я незамедлительно последовал за ним. Лазницкий бежал быстро и как-то неестественно размерено. Люди так не бегают, он был словно машина, которая работает на максимальной мощности. Я едва поспевал за ним. Упырь оказался выносливым, не сбавляя скорости, он несся по пустынным переулкам, петляя меж домами и легко перелезая через многочисленные заборчики, заборы и заборищи, которыми было перегорожено пространство послевоенных дворов. Пару раз он останавливался и, наскоро прицелившись, палил в меня из своего Вальтера. Однако стрелял кровосос препаршиво. Будь дело ночью, этот гад обязательно пристрелил бы меня, но дневной свет все-таки не сильно комфортен для глаз этих тварей, а свои солнцезащитные очки Лозницкий в суматохе потерял.

Теперь я отлично осознавал, упырь мчит к Ваганьковскому кладбищу. Вероятно, он возомнил, что на него объявлена настоящая охота. Так оно и было, только преследовал его сейчас всего один бесогон, не очень к тому же и опытный.

Вот и небольшая площадь пред крашенными в черный цвет кладбищенскими воротами. Тут несколько лоточниц с пирожками и будочка мороженщицы. Совсем рядом разбитные бабки продают какие-то плохонькие цветочки и венки из елового лапника. Тут же стоит обшарпанный автобус-каптафалк. Четверо кладбищенских служек вытаскивают отту-

да гроб с открытой крышкой. В нем тело пожилого мужчины. Возле гроба навзрыд плачет невысокая молодая женщина в темном платке. За полу ее жакета держится маленькая девочка в сереньком линялом платьице и шапочке с пуговкой на макушке.

– Дедуля, дедуля, дедуля, – скорбно потупив взгляд, повторяет малышка.

Все это я увидел в одно мгновенье. Лозницкий тоже.

«Быть беде!» – немедленно застучало у меня в голове.

Так оно и вышло. Вампир схватил маленькую девочку и приставил к ее виску свой Вальтер. Я отчетливо видел детское личико и заметил, как на шейке девочки начинает биться тоненькая синяя жилка.

– Подонок!

Я выхватываю из-под плаща осиновый кол и иду на упыря. Кровосос тяжело дышит, он молчит, лишь крепче сжимает рукоять своего пистолета.

– Оставь девочку. Я дам тебе уйти! Смотри!

Я наклоняюсь и осторожно кладу кол на асфальт.

Вампир озирается по сторонам. Он может стрелять, но народу вокруг много. Боковым зрением упырь видит, как к месту происшествия спешит, доставая из кобуры свой наган, постовой милиционер, дежуривший неподалеку от кладбищенской площади. На помощь постовому бежит с метлой наперевес здоровенный плечистый дворник в белом фартуке.

– Останови их, бесогон! – велит вампир.

– Всем стоять! Я сотрудник МГБ! – кричу я, вынимая из кармана красную книжицу служебного удостоверения.

Люди в нерешительности замирают. Вампир, не отпуская девочку, пятится вглубь кладбища. Я знаю, куда он идет. Склеп Лозницких на одной из отдаленных аллей кладбища. Недалеко от ограды, почти в самом конце.

Мы здесь одни. Я, гад Лозницкий и его маленькая пленница. До склепа несколько шагов. Почему он не выстрелит в меня? Может, кончились патроны? А, что если нет? Он стрелял всего три раза. Мысли роятся в моей голове, я впервые в такой ситуации и боюсь сделать что-нибудь не так. Главное, чтобы он не убил ребенка...

– Не ходи за мной. Слышишь? – голос его звучит уже громче, он уверен в своих силах и даже позволяет себе криво ухмыляться, – не послушаешь меня, и я прикончу девчонку, или просто укушу ее. Ам, и все! – он уже хохочет.

– Не делай этого. Уходи, черт с тобою.

– Лады, пусть пока живет!

Он с силой отбрасывает ребенка в сторону и рвет на себя скрипучую дверь склепа, секунда, и он там. Я бросаюсь за ним, но склеп пуст! Второй кол, который я на всякий случай имел с собой под плащом, выпадет у меня из рук. Все кончено, он ушел.

Не может быть. Тупое оцепенение навалилось на меня, я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, в изнеможении облокотился о стену и тут же упал на пол. Еле слышно звякнула

какая-то пружина, и узкий кусок стены медленно, натужно отъехал в сторону. На меня дохнуло могильным холодом и сыростью, от которой враз перехватило дыхание.

«Может, именно так и выглядят адовы врата» – подумалось мне в тот момент.

Некоторое время назад мы с товарищами по службе тщательно обследовали этот склеп, но не заметили потайного механизма. Кнопки, или какого-то рычажка не было, а тяжеленные покрытые зеленью грибка старые плиты казались плотно подогнанными друг к другу. Даже сейчас я не смог бы указать то место, нажатие на которое привело в движение это хитроумное устройство.

Мы так же обследовали серые от многолетней пыли усыпальницы родителей Лозницкого, но и там не оказалось ничего подозрительного. Прямоугольный с округлыми краями саркофаг самого поручика содержал в себе лишь землю и частицы изодранного в мелкие клочки обмундирования. Оно и понятно, вместо тела якобы погибшего офицера его матери прислали закрытый гроб, наполненный обычной землей с полей сражений. Усыпальницы стояли по периметру склепа, и мы даже пол под ними осматривали, а вот стены ускользнули от нашего пристального внимания.

Сейчас же вход в неведомое подземелье зиял передо мной, словно разверзшееся нечто, проникновение в которое могло грозить смертельной опасностью. И все же я вошел туда. Зачем я это сделал? Куда мог привести этот потайной

ход? Тогда я не мог ответить на эти вопросы, я преследовал того, кто не имел права находиться среди живых. Я просто поднял кол и шагнул вперед.

Войдя в проем, я тут же погрузился в кромешную тьму, я шел на ощупь по довольно широкому коридору. Я пытался чиркать зажигалкой, но огонь тут же гас, а маленький трофейный фонарик, который я всегда носил с собой, вдруг перегорел, едва сверкнув мертвенно желтым светом.

Время, которое я потратил на переход по подземному ходу, не поддавалось никакому определению. Мне казалось, что я брел не больше часа, но когда я наконец выбрался наружу, стояла глубокая ночь.

Выход из подземного хода должен был быть расположен неподалеку от кладбища, но, к моему удивлению, я оказался в совершенно незнакомом месте. Хоть окрестности Ваганьковского кладбища были мне хорошо известны, я стоял в каком-то странном проулке, но в то же время прекрасно видел силуэт знакомой кладбищенской церквушки и даже различал в темноте ограду погоста.

Где же я? Почему не знаю этого места? Оглядевшись, я увидел старую плохо выкрашенную будку, одну из тех, в которых раньше дежурили караульные солдаты и прятались от дождя неповоротливые, вечно сонные городовые. Луна, вышедшая из-за туч, осветила высокий массивный дом с вывеской «Номера купца второй гильдии Фоки Сабурова».

Дом я с большим трудом, но узнал. Это было общежи-

тие камвольного комбината «Красная Роза», только выглядел домишко гораздо новее. Напротив общежития расположилось трехэтажное здание с двуглавым орлом на крыше. «Банк «Капиталь» – было написано на строении. Красивые золоченые буквы таинственно блестели, залитые лунным светом.

Что за бред? Откуда здесь эти пережитки старого мира? Я шагнул в сторону и оглянулся, лаз из которого я только что выбрался, представлял собой колодец с ржавой решеткой вместо крышки. Вероятно, здесь проходили какие-то коммуникации.

Я перешел на другую сторону улицы. Откуда-то были слышны обрывки разговоров, пьяный смех, треньканье балалайки. За раскидистыми кустами белой сирени располагался приземистый, вросший в землю дом. «Кабак Пустовеева» было намалевано на покосившейся вывеске.

Я старался не думать о том, что со мной произошло. Раз я здесь, значит и тот, кто ушел от меня, скрывшись в склепе Лозницкого, тоже оказался здесь. И я найду его!

Я спрятался за кустами сирени. Я совсем не знал, куда теперь идти, но что-то, что в нашей профессии называется емким словом «интуиция», подсказывало мне, что нужно оставаться на месте. Я сел на лавку и поднял валявшуюся на ней газету. «Городские ведомости» за 1916 год. Тусклый свет фонаря осветил жирно выведенные заголовки. «Неудачи на фронте», «Забастовки рабочих», «Жертва сумела убежать от

своего мучителя».

Черт знает, что такое творится!. Напрягая зрение, я быстро пробежал глазами крошечную статейку криминального репортера. Какой-то ухарь пытался затащить в номера подвыпившую проститутку, с которой познакомился в кабаке. Та сначала согласилась, после решила отказаться от предложения, внезапно испугавшись своего нового знакомого. Чушь какая-то. Я сложил газету и сунул ее в карман плаща.

Я не знал, сколько времени прошло. Часы «Победа», что были на моей руке, отчего-то остановились. Я стоял и смотрел на плохо освещенное крыльцо кабака. Вдруг из двери показался Лозницкий, он несколько преобразился. Поверх своей серой пары он нацепил старорежимную крылатку, а на голову водрузил картуз, который по моде тех лет лихо заломил назад. Ни дать, ни взять подгулявший лавочник. Лозницкий был не один. Под ручку он вел невысокую ладную девицу в плохоньком пальтишке и шляпке-таблетке. Спутница Лозницкого была пьяна, громко хохоча, она висла на руке своего кавалера.

– Продолжим знакомство в номерах Сабурова? – осведомился Лозницкий.

Голос его дрожал от возбуждения. Он крепко держал девицу за руку. Она прекратила смеяться, остановилась, попыталась вырваться, взгляд ее скользнул по лицу поручика. Вероятно, что-то напугало девушку, что-то, что отличает упря от обычного человека.

– Пусти, мне нужно идти!

– Еще чего! – Лозгицкий рванул жертву к себе.

Пора! Я поднялся с лавки и шагнул вперед. Я не стал окликать его и действовать, как положено по правилам рыцарей из старых зачитанных до ветхого состояния романов. Оттолкнув в сторону подвыпившую девицу, я ударил Лозницкого в спину. Остро оточенный кол с металлическим наконечником очень грозное оружие. Упырь охнул и повернулся ко мне. Он не успел ничего понять, когда я ударил его вторично. На сей раз я бил вампира в грудь, четко, так как бил сотни раз в соломенные чучела на бесконечных тренировках оперсостава «Бесогона». Моим учителем был Савва Сорокин, и я его не посрамил. Удар получился, что надо! Упырь упал, на губах его появилась кровь.

Девица пошатнулась, но осталась стоять на ногах. Схватившись за голову, она наблюдала за происходящими.

– Пошла вон! – приказал я.

Она послушно побежала прочь. А я, взвалив на себя тело упыря, двинулся к колодцу. Вот и он. Я оттолкнул ногой ржавую решетку и неуклюже протиснулся внутрь, толкая вперед себя обмякшее тело кровососа. Вопреки рассказам сказочников, упырь не вспыхнул синеватым пламенем и не превратился в кучку пепла. Он был довольно тяжел и изрядно натер мне спину, пока я тащил его обратно по сырому и склизкому дну подземного хода.

Я сильно вымотался и почти терял сознание от усталости.

Мне казалось, что сзади меня что-то гремит и рушится, обваливая пласты земли, в которых и был проделан сей потайной ход. Я не помню, как я добрался до склепа, не помню, как свалил эту мерзкую тушу со своих плеч. Я помню лишь серые плиты стен и крепкие руки Саввы Сорокина.

– Ты молодец, справился с этим мерзавцем! – похвалил меня Савва.

Я хотел что-то сказать, но не смог, силы стремительно покидали меня. Я лишь вынул из кармана плаща старую газету и молча ткнул пальцем в заметку о жертве, сбежавшей от своего мучителя. Краем глаза я еще успел заметить старика Мухоморова. Опустившись на колени, он тщательно осматривал тело убитого мной вампира, констатируя его смерть.

Очнулся я в отдельной палате госпиталя от прикосновения нежных женских рук. Молоденькая медсестра вытирала мне со лба огромные, точно спелые виноградины капли пота.

– У больного жар. Он весь горит. Входите, но беседовать будите ровно пять минут, – строго приказала она кому-то, стоявшему в дверях.

– Я успею, – раздался голос Вахтанга Дадуа.

Сестра удалилась. На табурет возле моей койки уселся Вахтанг.

– Товарищ Дадуа, докладывает лейтенант Нечаев, – я попытался подняться, но Дадуа удержал меня.

– Мы все знаем. Ты герой, Семен, – Дадуа достал из сво-

его кожаного портфеля квадратную коробочку, – за героизм и мужество, проявленные во время задержания врага, ты награжден орденом Красной Звезды...

– Служу трудовому народу!

Я все-таки поднялся и сел на койке.

– Что стало с потайным ходом после моего возвращения Оттуда? – с замиранием сердца спросил я.

– Он обвалился, едва ты с телом вампира Лозницкого возвратился обратно. Мы пробовали вести раскопки. Пытались восстановить его, но тщетно, вдруг обнаружилось сильные грунтовые воды. В общем, принято решение остатки хода замуровать. Залить его бетоном, – Дадуа помедлил, но, решившись, продолжил, – склеп Лозницких тоже разобран. Во избежание, так сказать, нежелательных последствий. А если начистоту, то дело это предано для исследования ученым, они во всем разберутся. А мы свою работу сделали, так-то, Семен!

Дадуа встал, пожал мне руку и вышел из палаты. Вскоре вернулась сестра. Она рассказала, что я провел в госпитале почти два месяца. Не приходя в сознание, я лежал на койке, уставившись в одну точку. Все думали, что я сошел с ума. Однако, мне повезло, шок от произошедшего со мной прошел довольно быстро. Я еще с месяц находился на излечении, все это время у меня была повышенная температура и сильно болела голова. После выписки я вернулся в отдел и вновь приступил к своим служебным обязанностям.

Никогда больше я не посещал Ваганьковского кладбища, и если там хоронили моих друзей, прощался с ними перед воротами этого таинственного погоста.

«Скифский курган. Проклятье воеводы» (Рассказ лейтенанта МГБ Сергея Манцева)

Таинственная и жуткая смерть профессора Ильи Ивановича Лесневского всколыхнула всю научную Москву. Видный историк и исследователь древностей Лесневский был найден мертвым в своей палатке неподалеку от маленького приволжского городка, где он находился на студенческой практике вместе со своими подопечными.

Страшная весть пришла в Москву вечером того же дня, когда и нашли тело историка. Группа профессора присутствовала на раскопках древнего скифского кургана. Работы проводились прибывшими из столицы археологами, они и пригласили Лесневского принять участие в их изысканиях.

Тело профессора лежало на брезентовом полу палатки. Рядом с ним находился найденный накануне меч-акинак. Меч был найден во время раскопок, и не производил впечатления грозного оружия. Старый, заржавленный, он был настолько ветхим, что им и порезаться-то было чрезвычайно трудно. Однако на груди профессора зияла глубокая рана, по виду своему подходящая под ту, что мог оставить акинак, находишь он в боевом состоянии.

Вызванная на место милиция принялась за поиски пре-

ступников. В число подозреваемых попали не только люди, находившиеся в лагере археологов, но и местный ученый–краевед Василий Рыбкин. Он приходил к профессору Лесневскому накануне убийства. Рыбкин и Лесневский поспорили, краевед не советовал начинать работы, утверждая, что местный курган – есть место захоронения видного скифского воеводы по прозвищу Лисий Хвост. По преданию воевода был крайне удачлив в боях и получил свою кличку за коварство и необычайную хитрость, которые и помогли ему стать настоящим владыкой здешних мест.

Безжалостно истребляя враждебные племена, он всегда оставался непобедимым и даже не получил ни одной раны. Предводителей вражеских отрядов Хвост всегда казнил лично и только путем отсечения головы. Головы врагов воевода насаживал на кол и втыкал в землю. Со временем вокруг воеводского стана образовался страшный частокол, которым военачальник очень гордился.

При Хвосте даже состоял специальный человек, в обязанности которого входило подготовить головы к выставке на всеобщее обозрение. После этой процедуры зритель должен был следить за состоянием голов, исправно поддерживая «трофеи» в надлежащем виде. Хвост сам проверял состояние мумифицированных голов и при малейших признаках гниения нещадно сек «бальзамировщика».

Перед самой смертью Хвост, предчувствуя свой скорый уход в мир иной, повелел слугам озаботиться устройством

места своего захоронения. На счет голов было дано особое распоряжение. Хвост возжелал, чтобы они лежали неподалеку от него, и приказал захоронить «мумии» в курган, строго-настрого запретив кому бы то ни было вскрывать свою усыпальницу, грозя ослушникам страшными бедами. Кроме того, ходили слухи, что рядом с Хвостом спит вечным сном его возлюбленная, которую умертвили вслед за самим воеводой. Тут сведения рознятся, есть упоминания, что на этот шаг она пошла сугубо добровольно, другие источники уверены, что даму отправили к праотцам помимо ее воли. Известно, что возлюбленная хвоста имела звучное имя Лучеслава и была особой властной и дерзкой, под стать самому Хвосту, что неудивительно, разве могла б понравиться воеводе какая-нибудь заурядная бабенка? По древней легенде воевода захватил Лучеславу в полон, разгромив отряд ее отца, посмевшего покунуться на земли Хвоста.

Все эти «сведения» Рыбкин почерпнул частично из местных летописных источников, частично из рассказов здешнего населения, кои в своей основной массе были людьми суеверными и тоже слышали всевозможный предания от своих родственников. Словом, против раскопок поднялись почти все жители расположенной в непосредственной близости от кургана деревни.

Образовав вокруг кургана «живое кольцо», деревенские пытались не допустить туда группу копателей и примкнувших к ним студентов. К слову сказать, археологи, обычно на-

нимавшие рабочих из близлежащих к раскопкам деревень, не смогли завербовать здесь ни одного мужика. Именно этот факт вынудил их обратиться к студентам. Те согласились подработать, это их весьма устраивало, и практику зачтут, и деньжата лишними не будут.

Но последующие события оказались настолько страшными и не понятными, что вскоре делом этим пришлось заниматься мне офицеру «Бесогона» Сергею Манцеву.

Я прибыл в деревню через день после гибели профессора и сразу попал на приехавшего из райцентра начальника местной милиции. Майор Кузьма Дмитриевич Бровкин оказался тучным медлительным человеком с большой круглой и абсолютно лысой головой. Игнорируя шею, голова местного милицейского начальника покоилась прямо на жирных покатых плечах майора.

– Вы из Москвы? – спросил меня Бровкин, даже не поздравившись.

– Так точно, из столицы, – я приложил руку к козырьку фуражки, намереваясь представиться, но Бровкин лишь махнул рукой.

– Все про вас знаю, звонили уже, – буркнул майор.

– Может быть, введете в курс дела? – поинтересовался я

– Тутошний участковый Андрей Жуков не стал разгонять деревенских, которые мешали приезжим архитекторам. Он сказался больным, а сам второй день валяется на печи пья-

ным, – торопливо доложил мне Бровкин.

Я промолчал. Мы вместе с майором шли из деревни к месту раскопок. Бровкин, тщательнейшим образом изучивший мои документы, решил оставаться на вторых ролях, предоставив мне полную свободу действий. С одной стороны это было хорошо, с другой же – такой помощник мне был не нужен. С первого взгляда было ясно, что майор – записной перестраховщик. Не люблю таких людей, в работе от них один вред.

– Я уже арестовал местного краеведа Рыбкина! Именно он ссорился с погибшим профессором, – продолжал докладывать майор, едва поспевая за мной на своих полных, похожих на сардельки ножках.

– Не слишком ли ретиво вы взялись за дело, уважаемый Кузьма Дмитриевич?

– Ретиво? – не уловив иронии, Бровкин пожал плечами и уставился на меня своими узкими хитроватыми глазками, – наоборот, действовать нужно быстрее, круг подозреваемых растет. Все студенты под подозрением. Не знаю, куда их всех сажать. Камер-то у нас нет, околоток, и тот доброго слова не стоит.

Бровкин махнул рукой в сторону полуразвалившегося деревянного строения, где сейчас томился узник Рыбкин.

– Может, допросим краеведа вместе? – предложил Бровкин.

– Нет, – я замотал головой, – с Рыбкиным мы побеседуем

позже. Сейчас я хочу нанести визит вежливости археологам. Кто у них тут за главного?

– Еще один профессор из столицы. Павел Игоревич Петраков, друг и коллега убитого Лесневского.

– Очень хорошо. Думаю, навестить его немедленно.

Бровкин порывался пойти со мной, но я отказался от его компании, чем доставил майору величайшее удовольствие. Облегченно вздохнув, он отправился в избу, которую выбрал себе для поста. Вероятно, милицейский начальник прибыл сюда надолго и собирался оставаться в деревне до выяснения всех обстоятельств смерти заезжего ученого светила.

Петраков жил в просторной трофейной палатке, состоявший из двух секций, в одной стоял небольшой раздвижной рабочий стол, в другой половине находилась узкая походная раскладушка. Располагался сей шатер прямо в центре лагеря копателей, и был отмечен табличкой с надписью «Руководитель работ».

– Можно войти? – я откинул полог и, не дожидаясь ответа, вошел внутрь.

Павел Игоревич оказался крепким атлетически сложенным человеком лет шестидесяти. Ему можно было бы дать и меньше, но возраст выдавали глубокие морщины, буквально избородившие лицо профессора.

Он сидел за столом и, завидев меня, поднялся и протянул руку.

– Вы ко мне, товарищ?

– К вам.

Я подал Петракову свое служебное удостоверение, он взял его, словно зачетную книжку и принялся тщательно изучать.

– Зоя, у нас гости! – громко крикнул он куда-то на улицу.

– Сейчас, Павел Игоревич.

Полог тотчас откинулся, и на пороге показалась стройная девушка в аккуратном комбинезончике, словно нарочно сшитым на ее ладную фигурку.

– Два чая! – приказал Петраков.

Словно по мановению волшебной палочки на столе появились две кружки с ароматным чаем и тарелка с сушками.

– Угощайтесь, – не терпящим возражения тоном повелел профессор, возвращая мне мои документы, – вы ведь прибыли по поводу убийства Лесневского?

– Да.

– Я думал, что убийца найден и изобличен, – профессор вскинул вверх свои кустистые брови.

– Вы полагаете, Рыбкин способен убить?

– Почему нет?! – брови Петракова взлетели еще выше, – Лесневский обладал отвратительным характером, склочным, вздорным и заносчивым. Временами я тоже хотел его прикончить. Люди науки вспыльчивы и порой готовы доказывать свою точку зрения любыми способами. Хоть бы и кулаками!

Он поднял над столом свои внушительные кулачищи и громогласно расхохотался, да так, что все еще находившаяся

в палатке Зоя затряслась от страха, как осиновый лист.

– Ты все еще здесь? – профессор поднял на нее свой величественный взгляд, – иди, ты пока свободна. И позови ко мне Эйне, он мне понадобится.

Девушка кивнула и удалилась, а старик вновь уставился на меня. Он сидел молча, словно раздумывая, с чего бы начать разговор. Так продолжалось довольно долго.

– Я думал, вы были дружны с покойным, – нарушил я затянувшееся молчание.

– Хочу вам пояснить, мы с Лесневским действительно приятельствовали. Но это не мешало нам быть непримиримыми врагами в научном плане. Пояснить?

– Будьте добры.

– Извольте! – Петраков встал из-за стола, подошел к столу и задернул его. – Все дело в споре об этих местах. Тут очень много курганов, своеобразный край мертвецов. Я давно хотел исследовать его.

Профессор смотрел на меня, не мигая.

– Я уверен, что местный воевода исповедовал здесь культ черных сил. Он был своеобразным основателем этого культа. Хвост очень многого достиг на этом самом поприще! Кстати, также считает и Василий Рыбкин. Однако его мнение не имеет достаточного веса. Бывший научный работник средней руки, он был осужден, сослан и ныне учительствует в местной школе. Рыбкин тоже изучает историю этого таинственного края...

Я молчал, внимательно вслушиваясь в слова Петракова. Наблюдать за профессором было и жутко, и интересно одновременно. Он стал похож на одержимого. В его глазах горел какой-то дьявольский огонь, он сжимал и разжимал свои огромные кулаки, словно стараясь схватить разбежавшиеся в разные стороны мысли.

– Хвост спрятал тут свой акинак, скифский меч, на котором начертаны символы, их тайный смысл разъяснен на специальных глиняных табличках, их воевода спрятал тоже где-то здесь, совсем близко, – продолжал профессор.

– Скифы и глиняные таблички? Что-то не вяжется! – я пожал плечами, – подобные носители информации отродясь не использовались местными племенами. Здесь вам не древний Египет.

– Сразу видно, что вы, уважаемый, раб стереотипов, жалкий дилетант! Я же уверен в своих словах. Напомню, ваш покорный слуга – ученый с мировым именем и известен не менее чем погибший Лесневский. Хотя, откуда вам об этом знать, вы, товарищ лейтенант, не бывали на моих лекциях о древней культуре...

Петраков отодвинул в сторону кружку с чаем и смотрел на меня с явным превосходством. Я собирался достойно ответить ученому мужу, но тут в палатку заглянул студент. Высокий плечистый блондин в синей застиранной майке и старых армейских галифе, он откинул полог и приложил руку к козырьку кепки.

– Звали, Павел Игоревич? – спросил парень с легким прибалтийским акцентом.

– Заходи, Эйно, – приказал Петраков, – вот тебе задание, – профессор ткнул в меня длинным указательным пальцем, – проведешь этого приезжего товарища по расположению лагеря. Покажешь ему места раскопок. Ведь вы, товарищ лейтенант, наверняка станете тут все осматривать?

Петраков впился в меня пронзительным немигающим взглядом. Его глубоко посаженные глаза излучали странный почти ощутимый кожей холод, тонкие бескровные губы вытянулись в сплошную серую линию. И от этого казалось, что рот профессора зашит суровой нитью.

– Ведь вы захотите все осмотреть, не так ли? – вновь обратился он ко мне.

Я кивнул головой.

– Обязательно осмотрю.

– Эйно будет вашим проводником. А у меня, знаете ли, дел невпроворот. Пишу монографию...

Давая понять, что разговор окончен, Петраков подвинул к себе кипу густо исписанных листков и водрузил на нос очки в тоненькой золоченой оправе.

– Спасибо за чай и сушки.

Я поднялся и вышел из палатки. Эйно выскользнул вслед за мной.

– Не обижайтесь на Петракова. Он ученый, а всем ученым людям свойственна некая заносчивость...

– Не всем, – бросил я.

Сейчас на улице в свете яркого полуденного солнца я рассмотрел Эйно получше. Прибалту было под тридцать. Он тут же перехватил мой взгляд.

– Староват для студента? – спросил он с усмешкой.

– Как сказать...

– У нас многие студенты – фронтовики, – добавил Эйно с гордостью.

– Ты тоже воевал?

– Я был партизаном – подпольщиком, – бросил он.

Мы шли вдоль ряда серых от пыли студенческих палаток. Эйно достал из кармана галифе пачку «Спорта» и, тщательно размяв папиросу, закурил. Только сейчас я заметил, что на пальцах левой руки студента нет ногтей.

– Гестапо в Тарту отличалось особой жестокостью. Многие наши погибли в тех пропитанных кровью застенках. Меня спасла Красная Армия.

Эйно говорил отрывисто и быстро, выплевывая слова, словно они жгли ему язык. Острый кадык дергался, а кулаки были крепко сжаты. Он докурил папиросу и далеко отбросил окурок.

– С чего начнем осмотр? – спросил он, быстро справившись с минутной слабостью.

Прогнав прочь тяжелые воспоминания, он вновь улыбнулся.

– Где этот знаменитый курган, место последнего успокое-

ния Лисьего Хвоста? – спросил я.

– Ха! Если бы знать это точно, – Эйно повел рукой вокруг себя, – здесь много скифских захоронений. Какое из них сделано именно для воеводы непонятно. Цель раскопок – найти его погребальный приют.

– «Погребальный приют»? Звучит необычно.

– Именно так именовали скифы свои места захоронений, – Эйно помрачнел, – кстати, тут много так называемых «обманок». Хитрый Хвост велел изготовить ложные курганы. Мы уже наткнулись на пару таких. Черепки, оставшиеся от домашней утвари, и больше ничего.

– А что бы вы хотели найти? Профессор Петраков мечтает разыскать останки Лисьего Хвоста, обладающие по его разумению необычайной магической силой? – спросил я с иронией.

Эйно не ответил. Я видел, как дернулся его острый кадык, и заходили под загорелой кожей желваки.

Он двинулся вперед и жестом опытного экскурсовода указал на широкий лаз ведущий прямо в невысокий холм. Возле места раскопок были сложены довольно высокие пирамиды из округлых камней. Около полусотни студентов в выгоревших на солнце майках и шароварах аккуратно работали специальными лопатками с короткими рукоятями. Порой ребята откладывали лопатки в сторону и начинали скрести грунт круглыми щетками с грубым, похожим на металлические проволочки волосом. Некоторые орудовали небольшо-

ми кисточками. Рядом со студиязусами трудились еще с десятков вольнонаемных копателей. Профессор Петраков, покинувший свою палатку, внимательно наблюдал за работой.

– Курганы племени Лисьего Хоста отличаются от остальных собратьев, – Эйно многозначительно, явно подражая профессору Петракову, поднял вверх указательный палец, – некоторые здешние курганы отлично укреплены камнями и поэтому дошли до наших времен в довольно приличном состоянии. Это даже не курганы, а своеобразные ритуальные залы с типичными для той поры купольными сводами...

Заметив, что я внимательно рассматриваю копающихся в земле студентов, эстонец явно занервничал.

– Пойдемте дальше, я покажу вам одну из обманок, обычный земляной холм, ложное захоронение скифов, призванное пускать копателей по ложному следу. Это недалеко, в полукилometре отсюда...

Эйно настойчиво потянул меня за рукав.

– А где же Зоя? Ее нет среди ребят. Почему? Она не участвует в работах наравне со всеми, предпочитая ухаживать за ученым мужем?

Я взглянул на Эйно, но тот быстро отвел взгляд в сторону. Едва заметная усмешка тронула его губы.

– Зоя занимается организационными вопросами. Помогает профессору Петракову, – нехотя пояснил он.

– Ясно.

– Будите еще что-нибудь смотреть? – от бывшего располо-

жения эстонца не осталось и следа.

Сейчас он взглянул на меня почти враждебно. Упоминание о девушке явно вывело парня из себя. Очень интересно. Хотя, вряд ли это имеет отношение к делу. Наверняка, красавица студентка пришлась по душе и импозантному старику Петракову, и студенту из Эстонии Эйно. Скорее всего, девица отдала предпочтение ученому мужу, оставив более молодого соискателя с носом. У Петракова, ясное дело, и московская квартира, и приличный оклад. А что имеется у Эйно? Койка в общежитии, да неясные перспективы карьерного роста...

– Скажите, Петраков женат? – невинно поинтересовался я.

– Вдов, профессор один как перст. Его жена давно умерла. А почему вы интересуетесь?

– Так просто, – я пожал плечами, – для вдовца он слишком ухожен. Даже сейчас во время раскопок на Петракове чистая, аккуратно выглаженная рубашка и брюки со стрелками, о которые можно порезаться. Сам о себе заботится?

– Не знаю. Не обращаю внимания на подобные мелочи. Для меня важен человек, а не его одежда, – Эйно повернулся и собрался уходить, – я вам еще нужен? – бросил он через плечо.

– Пока нет, спасибо за экскурсию. Вероятно, побеспокою вас несколько позже.

Я протянул руку, студент вяло пожал ее и торопливо заша-

гал обратно в лагерь. Я же двинулся к деревне. Пару раз Эйно оборачивался и смотрел мне вслед. Я явственно чувствовал спиной его напряженный взгляд. Обогнув неглубокую поросшую осинной балку, я остановился. Вечерело. Очень хотелось есть, но идти в деревню было рановато.

Я огляделся по сторонам. Впереди располагался довольно высокий, словно, выросший в землю холм. С него было прекрасно видно, все, что происходило в лагере. Отличный наблюдательный пункт. Не про этот ли холм-обманку вел разговор студент Эйно.

Я без труда взошел на него. Странное дело, вершина холма была вся изрыта глубокими идущими вниз лазами. Тут же были сложены в пирамиду несколько небольших округлых камней, рядом лежало кайло с заржавленным наконечником. Я сбросил с плеча офицерскую сумку-планшет и, улегшись на живот, заглянул в лаз. Оттуда пахло сыростью и гнилью. Светить фонариком было бесполезно, тоненький луч терялся в кромешной тьме курганного чрева. Ямы были выкопаны недавно, горки сырой земли еще не успели окончательно высохнуть. Земля на валунах тоже была свежей. Я хотел лучше рассмотреть следы, которые виднелись на глинистой почве, но стало темнеть.

Вечерняя мгла опустилась внезапно и решительно. В небе зажглись большие яркие светляки звезд. Вскоре показалась красноватая, круглая как сковородка луна. Со стороны расположенного неподалеку лагеря копателей отчетливо потя-

нуло дымом костра и аппетитной гороховой кашей с тушеной. Я достал из сумки трофейный бинокль и припал к окулярам.

Ребята ужинали, разбившись на стайки и группки, они звенели ложками и весело переговаривались между собой. Слышны были переборы гитарных струн и обрывки песен. Я нашел палатку Петракова, полог ее был открыт. Через минуту в палатку проскользнула девичья фигурка с подносом.

«Зоя пошла кормить своего научного руководителя, – подумал я, – интересно, почему этим работам уделяется такое повышенное внимание? Сразу два столичных профессора почтили своим присутствием раскопки кургана Лисьего Хвоста. Правда, один из них теперь мертв....»

Меж тем Зоя не выходила из палатки Петракова довольно долго. Прошло не меньше часа, но девушка продолжала оставаться внутри. Кашевары давно затушили костер и принялись мыть посуду, остальные, допев песни, разбрелись по палаткам. Дневная усталость давала о себе знать, и вскоре лагерь заснул. Последними улеглись бородатые вольнонаемные мужики, они занимали большую отдельную палатку, стоявшую в отдалении от расположения студентов. Караульных Петраков не выставил. Лагерь никто не охранял. Что это, преступная беспечность, или профессору не нужны чужие глаза?

Я продолжал наблюдения. Скоро полог палатки Петракова откинули. Наружу выглянула нагая Зоя. Девушка была

действительно прекрасна. Ее длинные волосы были распущены и струились, переливаясь дивным лунным светом, точно серебром. Она посмотрела на небо и вновь вернулась в палатку. Вскоре наружу выбрался сам Петраков, на профессоре была плотная серая куртка и высокие, заправленные в армейские галифе сапоги. В руках он сжимал длинную суковатую палку. Положив ее на плечо, он резво зашагал прочь от лагеря.

Куда это направляется ученый муж? Вероятно, на место сегодняшних раскопок. К моему удивлению, Петраков не пошел туда, где днем работала группа копателей, его путь лежал на курган, где притаился я. Откатившись под сень дикорастущего кизила, я замер в ожидании. Минут через сорок Петраков добрался до вершины холма. Я отлично видел его отрешенное лицо и горящие, словно у безумца глаза. С его тонких бескоровных губ слетали лишь отрывистые приглушенные восклицания, сменившиеся нечленораздельным бормотанием. Слов было не разобрать, да и были ли это слова?

Петраков пустился вдруг в странный непонятный танец. Он то подскакивал вверх, то падал на колени и простирался ниц, принимаясь неистово биться головой оземь. Так продолжалось почти полчаса. Профессор не замечал ничего вокруг, он схватил лежавшую на земле суковатую палку и принялся тыкать ею в землю. Каждый удар он сопровождал каркающим ритуальным хрипом. Слово древний язычник он

исполнял какой-то обряд, смысл которого был понятен лишь ему одному.

Уже начало светать, а профессор все бился в своей сумасшедшей пляске. Каждое движение давалось ему с трудом, но он продолжал скакать на месте, исторгая из себя страшные хрипы и нечленораздельное бормотание. В один из моментов он словно спичку преломил в руках толстую суковатую палку-посох и в бешенстве отбросил прочь ее половинки.

Я оставался в своем укрытии. Будто зачарованный смотрел я на пляску профессора и не сразу услышал звук подъехавшей к лагерю копателей полуторки.

– Где Петраков?! – раздался хорошо слышный в предутренней тишине голос майора Бровкина.

Кузьма Дмитриевич соскочил с подножки машины и, резво пробежавшись по лагерю, рванул на себя полог профессорской палатки. Его грузное тело колыхалось под мешковатым милицейским кителем. Круглое лицо было залито потом, который он старательно вытирал большим, похожим на полотенце платком.

– В чем дело? – к милиционеру вышла Зоя.

На сей раз, девушка накинула на себя короткий халатик, мало скрывавший, впрочем, ее прелести.

– Что вам угодно? – холодно произнесла она.

– Вы кто такая? Что это вы делаете в палатке профессора? – опешил Бровкин.

– Это вас не касается. А профессор на утренней пробежке. Некоторые люди следят за своей фигурой, – она смерила толстяка-майора презрительным взглядом.

Я внимательно наблюдал за происходящим в лагере. Нужно срочно спуститься вниз, разузнать в чем там дело. Но как не попасть при этом на глаза профессору Петракову? Он уже начал приходить в себя. Усевшись на землю, профессор трогал разбитую в кровь голову и с изумлением оглядывал исцарапанные руки. Выйди я сейчас из своего укрытия, он заметит меня, что было бы крайне нежелательно.

Противоположный склон холма уходил вниз и кончался крутым спуском в заросшую осинником балку. Прыгать вниз рискованно, можно запросто переломать себе ноги, но другого выхода нет. Осторожно переместившись в сторону от места своего укрытия, я оттолкнулся ногами от поверхности холма и полетел вниз. Приземление было удачным, я сильно ударился плечом, но кости были целы. Теперь путь в лагерь займет немного времени. Я стал, было, выбираться из оврага, но заметил группу людей. Густой туман, стелящейся по дну балки, скрывал их, они бесшумно двигались по направлению к холму.

Сколько их пятеро, или больше? Нет, не понятно. Кто они? Крестьяне из близлежащей деревни?

– Стой! Стрелять буду!

Я рванул из кобуры ТТ, но фигуры не остановились. Лишь один из идущих взмахнул чем-то похожим на изогнутый в

виде серпа меч, и они испарились.

Я выстрелил наугад, туда, где только что мелькали таинственные смутные очертания неизвестных, выстрел с треском разорвал зыбкую тишину утра.

– Кто здесь?

Раздался хруст веток и на меня вышли двое вооруженных наганями людей. Оба в милицейской форме. Один из них грузный неповоротливый майор Бровкин, другой, статный седовласый капитан в лихо сдвинутой на затылок фуражке.

– Манцев? – удивленно и, как мне показалось, разочарованно протянул майор.

– Так точно, – кивнул я, – почему вы здесь? Случилось что?

– Копателей вольнонаемных порезали, – вместо Бровкина ответил крепкий седовласый капитан, – все они заколоты, как и приезжий профессор Лесневский. Раны на телах имеются, а само орудие преступления отсутствует. След похож на след скифского меча – акинака.

– Вы очевидно местный участковый Андрей Жуков, – догадался я.

– Точно, – согласно кивнул головой капитан, – говорил я этим археологам столичным, чтобы не копались здесь, да разве москвичам втолкуешь что-нибудь? Места здесь прокляты, самим Лисьим Хвостом закляты они от пришлых....

– Брось бабкины сказки пересказывать, – прервал капитана Бровкин, – преступников искать нужно. Убийцы следы

должны были оставить. Не по воздуху же они летели.

Вместе с Бровкиным и Жуковым прибыло еще отделение милиционеров, которые в данный момент прочесывали местность вокруг палатки вольнонаемных. Никаких подозрительных следов они не нашли. Тела погибших обнаружил один из студентов, который ходил к копателям за самосадом. У парня кончились папиросы, и он решил одолжить у мужиков ядреного «вырви-глаза».

– Я вошел, а они посечены в капусту, – в который раз повторял он, дрожа от страха.

Тела несчастных осматривал сельский фельдшер, в ожидании судебного медика он зафиксировал смерть копателей.

– Никого к палатке не подпускать, сейчас из райцентра спец группа приедет, – суетился Бровкин.

Милиционеры взяли место преступления в плотное кольцо, отгоняя местных. Прознав про случившееся, деревенские принялись ломиться сквозь оцепление.

– Дайте хоть одним глазком на них поглядеть, – верещала худая востроносая бабка в сбившемся набок платке.

Остальные местные жители молчали, не расходились и бросали враждебные взгляды на лагерь столичных археологов.

– Они во всем виноваты, разбудили Хвоста, теперь добра не жди, – сокрушенно кивал головой осанистый старикан в старом со сломанным козырьком картузе.

Я отошел от толпы и двинулся к одиноко стоявшему са-

райчику, возле которого нес караул маленький полный милиционер с заброшенным за спину автоматом.

– Краевода местного стережешь? – поинтересовался я, демонстрируя караульному удостоверение личности.

– Его, – согласно кивнул головой милиционер, принимая у меня корочки.

– Мне с ним поговорить нужно.

– Входите, пожалуйста. Старик Рыбки не опасен. Особые меры предосторожности не требуются.

Я вошел в сарай. На койке возле забранного решеткой оконца лежал худой старик с седой неприбранной головой. Впалые щеки его были покрыты недельной щетиной. Тощие худые руки выглядывали из коротких рукавов его порванной на локтях фуфайки.

– Василий Гаврилович Рыбкин. Бывший приват-доцент, а ныне политически осужденный и сосланный враг народа, обвиненный в убийстве профессора Лесневского – пробормотал он, едва завидев меня.

– Верю, что в убийстве Лесневского вас обвинили зря. Бегусь доказать вашу невиновность, если и вы поможете мне, – проговорил я.

– Что я должен делать? – в потухших глазах старика забрезжила надежда.

– Расскажите мне все, что знаете о Лисьем Хвосте. Мне интересны любые подробности, готов выслушать ваши версии...

– О скифском воеводе?! – Рыбкин смотрел на меня во все глаза, – вы не будите считать меня душевнобольным и отнесетесь к моим рассказам серьезно?

– Точно так, – кивнул я.

– Хвост поклонялся темным силам и частично рекрутировал свое воинство из страны мертвых. О его несметных ордах ходили легенды. Его враги принимали смерть от рук воеводы. Он лично казнил каждого из вождей вражеских племен и тут же обретал силу поверженного воителя. Сейчас эти безумцы – археологи разбудили его, нарушили погребальный покой Хвоста и теперь пожинают плоды своей беспечности.

Все это Рыбкин выпалил на одном дыхании, его всклокоченные седые лохмы воинственно торчали в разные стороны, а тощие руки с длинными пальцами простирались вперед, словно атакуя неведомого врага. Он заметался по комнате, и мне пришлось силой усадить его обратно на койку. Старик нехотя повиновался.

Я с жалостью смотрел на него. «Сумасшедший, жалкий обезумевший от страха и одиночества дед. Я напрасно трачу с ним свое время, – подумалось мне.

Словно прочитав мои мысли, Рыбкин поднял на меня пристальный, немигающий взгляд.

– Я не душевнобольной. Моим словам можно верить, – с достоинством изрек он.

– Будем надеяться, – я постарался, чтобы мой голос звучал

уверенно.

– Спрашивайте же меня обо всем, что вам хотелось бы узнать! – великодушно разрешил краевед.

– О чем вы говорили с Лесневским накануне его гибели?

– Я предупреждал его об опасности. Просил не начинать раскопки. Умолял, доказывал, предупреждал. Все тщетно!

Рыбкин в запале стукнул сухоньким кулачком по стене сарая и, застонав от боли, откинулся на своей арестантской койке. Прошло не меньше минуты прежде, чем старикан вновь овладел собой.

– Старый надутый индюк не послушал меня. Он смеялся надо мной, – обиженно проговорил краевед, – я дал ему посмотреть глиняную дощечку. На ней была карта древних захоронений. Это бесценная реликвия. Поверьте, я знаю о чем говорю...

Рыбкин замолчал, в каком-то благоговейном экстазе он поднял вверх руки и так застыл, словно окаменев.

– Дощечка? Как она у вас оказалась. Василий Гаврилович? При осмотре трупа профессора никакой дощечки-карты найдено не было. Лишь какой-то ветхий меч.

– Меч подкинули, а дощечку украл убийца, – Рыбкин наклонился ко мне и понизил голос до свистящего шепота, – карта у убийцы, и он вскоре обретет силу и сокровища Хвоста. На дощечке обозначен курган, где они хранятся. Помешайте ему! Слышите?

Рыбкин тяжело дышал, лоб его покрылся испариной, ноги

и руки дрожали. Он молчал, искоса поглядывая на меня.

– Откуда у вас глиняная доска-карта? Вы так и не ответили мне на этот вопрос. Вы нашли ее?

– Н-н-нет, – Рыбкин еле говорил, – она осталась от немецкого офицера, который искал этот курган во время оккупации. Здесь же были немецкие войска. Один из немцев не был похож на остальных фашистов. Симпатичный спортивного вида блондин с очень приятным лицом. Он не зверствовал, не стрелял пленных. Он искал сокровища Хвоста. На этого человека работали несколько солдат. Они не подчинялись никому, только этому немцу. Он ходил в штатском. На пальце у него был перстень с какими-то таинственными буквами. Он искал курган, а я...

– А вы ему помогали, уважаемый Василий Гаврилович? – холодно осведомился я.

– Да, помогал, я был вынужден рассказать этому немцу все, что знал сам. Иначе этот немец престал бы быть таким добрячком, – Рыбкин тряхнул головой и резко повернулся ко мне, – я не военный, а всего лишь немощный старик и вовсе не обязан гибнуть под вражескими пулями. Я не герой, не храбрый рыцарь! Однажды люди немца выкопали из земли эту дощечку, а я лишь помог ее расшифровать, под страхом смерти, замечу...

– Что было дальше? – прервал я Рыбкина.

– Немец ушел к тому кургану и не вернулся. Командир гарнизона очень лютовал, видать, пропавший фриц был важ-

ной персоной, но вскоре пришли войска красной Армии, и стало не до искателя сокровищ.

– Больше никому не рассказывали о том немце?

– Только Лесневскому.

Последние слова дались краеведу с трудом. Голос старика дрожал. Рыбкин устало взглянул на меня и умолк. Держась за стену, он встал, шагнул в сторону, но обессиленный вновь уселся на койку, поджав острые колени к давно небритому подбородку. Я вслушивался в его тяжелое с присвистом дыхание, вскоре старик уснул, а я тихонько вышел за дверь.

– Глаз с него не спускай, – наказал я вытянувшемуся в струнку милиционеру.

– Так точно, не спущу, будьте спокойны! – козырнул караульный.

Смеркалось, вечерняя синь еще только заволакивала небо. Расплывчатые очертания холмов маячили зыбкими миражами. Город мертвых, или живых, которые лишь притворяются мертвыми?

Вечер был полон самыми различными звуками. Здесь все было слышно далеко, разносились по угрюмой равнине обрывки песен, отрывистые команды прибывших бригадировцев. Пару раз раздался гнусавый сигнал милицейской полуторки. Я двинулся к лагерю, работы на раскопках уже закончились, но студенты не расходились. Бровкин, обосновавшись в одной из палаток, проводил допросы. Два милиционера с автоматами наперевес поочередно водили туда при-

тихших от страха ребят. Многие девушки плакали.

– Где участковый местный? – заглянул я в палатку к Бровкину.

– Жуков? А черт знает, где его носит, – оторвавшись от очередного протокола, майор поднял на меня полный растерянности взгляд, – вроде, здесь был недавно...

– Давно его знаете?

– Вообще не знаю, – пожал покатыми плечами Бровкин, – Жуков сюда прибыл по разнарядке пару месяцев назад. Говорил, что дальние родичи его из этих мест были. Одинокий он, семьи нет, а больше мне про него ничего не известно...

– Ясно.

Я вышел на улицу. Темнота уже опустилась на лагерь, но никто не готовил ужин. Костровые не разжигали костров. Тусклый огонек фонаря «летучая мышь» был виден лишь в маленьком оконце профессорской палатки. Я подкрался к ней, полог был плотно задернут, изнутри доносились приглушенные голоса.

– Ты останешься со мной. Это решено. Могущество Хвоста – это миф, миф. Пойми это, глупая девчонка. Старик Лесневский – просто старый маразматик и авантюрист. Будешь держаться меня, закончишь институт, останешься на кафедре, поступишь в аспирантуру...

– У тебя ничего не вышло, и не выйдет, – голос Зои звучал презрительно и жестко.

Она рванулась к выходу. Петраков попытался ее задер-

жать, но тут же отскочил назад, получив мощный удар в лицо. В оконце было видно, как он морщится от боли.

– Не забывай, кто я такая! – бросила девушка.

Выскользнув из палатки, она бросилась к оврагу, а я едва успел отскочить под крону раскидистого дуба, росшего рядом с «резиденцией» Петракова.

– Вернись! – профессор выскочил вслед за Зоей, но тут же упал на пороге палатки.

Тело его дернулось, он вытянулся в струну и затих. Темная фигура метнулась в сторону и, отпрыгнув темноту, бросилась бежать. Злоумышленник, как и я, прятался неподалеку от палатки и внимательно следил за происходящим внутри. Улучив момент, он ударил профессора чем-то острым и бросился бежать.

Гнаться за ним, или попытаться помочь ученому? Я метнулся к Петракову.

– Павел Игоревич? Вы живы?!

Я рванул куртку на груди профессора, под ней была белая майка, на груди профессора расплывалось большое темно-красное пятно. Петраков хрипел, на губах выступила кровавая пена, газа закатились. Он умирал, я попытался сделать перевязку, но кровь продолжала вытекать из раны судорожными толчками. Убийца сработал профессионально, не оставив несчастному ни единого шанса выжить! В один из моментов Петраков рванулся вперед, сдернул с груди повязку и простер руки ко мне.

– Хвост, Хвост, он, он проснется. . . , – прошептал профессор, его тело содрогнулась в последний раз, и Петраков умер.

Я бросился за убийцей, доставая из кобуры ТТ, но время было упущено. Впереди было пусто, враг успел скрыться, пока я находился возле умирающего.

«Куда мог подеваться злодей?!» – пульсировало в моей голове.

Раскопки остались позади, бандит, похоже, бежал к кургану, на котором прошлой ночью исполнял свой страшный танец мертвый теперь уже профессор Петраков.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул я на всякий случай, почти не надеясь на успех.

Ответом мне был крик какой-то ночной птицы. Все вокруг смолкло. Тишина стояла такая, что я слышал, как учащенно бьется мое сердце. Я осторожно двинулся к вершине холма. Вот и кустарник, дикорастущий кизил. А вот и таинственные лазы, которые выкопала чья-то недобрая рука. Я шагну к одному из них, но тут же споткнулся и полетел куда-то вниз. Паденье продолжалось, казалось, вечность. Я даже потерял сознание, но тут же пришел в себя от дикой боли в ноге.

Оглядевшись, я увидел себя как бы со стороны, жалкая скорчившаяся от боли фигурка лежала в освещенном тусклым светом чадящих факелов круглом сводчатом зале. Я лежал в самом центре, на своеобразном жертвенном алтаре, представлявшим собой огромный плоский камень с торча-

щими из него узкими наконечниками каменных же копий. Рядом покоилось тело какого-то эсесовца. Молодой блондин в черной кожаной шинели с одним витым погоном был проткнут острыми копьями сразу в нескольких местах. Вероятно, он попал сюда таким же путем что и я, просто провалившись в недра кургана сверху.

Скорее всего, это было обычной ловушкой для ослушников, пытавшихся тем или иным способом проникнуть в усыпальницу Лисьего Хвоста. Кулаки фашиста судорожно сжаты, пальцы едва не пробили кожу ладоней, на одном из пальцев эсесмана большой массивный перстень с витой монограммой ANNRB. Все ясно, парень был посланцем нацистского института Аннонербэ. Что он здесь искал? Несложно догадаться, рассчитывал узнать тайну скифского воеводы, а он возьми и накажи немца даже после своей смерти.

Я попытался пошевелиться, но боль была нестерпимой, кое-как поднявшись на руках, я обнаружил, что попал на каменное острие, бедро сломано и, скорее всего, раздроблено. Из рваной раны течет кровь, обильно орошая и без того бурый от предыдущих жертвоприношений камень.

Нереальность происходящего давит на сознание. Кто хозяйничает здесь сейчас, после кончины Хвоста? Кто зажег тлеющие без усталости факела? Почему воздух этого странного царства смерти полон каких-то смрадных запахов, коих и сравнить-то не с чем. Наверное, так пахнет сама Смерть... Наверное, именно ее власть не дает телу эсесовца разложиться-

ся, он и сейчас как живой, кожа совсем не подверглась гниению.

– Вот ты где? Что ж, я рад приветствовать тебя в моих владениях. Как раз я смогу закончить экскурсию, ведь ты хотел докопаться до правды?

Раздавшийся голос едва не порвал мне барабанные перепонки. Он был знакомым и звучал громко, торжественно и, чего греха таить, жутковато.

Из тьмы показалась человеческая фигура, в неясном свете факелов я узнал говорившего. Студент Эйно выглядел сейчас так же дружелюбно, как и при первой нашей встрече. Он улыбался, в руках его был изогнутый скифский меч.

– Дайте огня! Мой гость хочет видеть всю экспозицию нашего древнего музея! – крикнул он куда-то во тьму.

Несколько фигур в темных звериных шкурах неслышно заскользили по залу. Факелов прибавилось, теперь все странное помещение было освещено словно днем. Я увидел помост из округлых валунов, на нем возлежал высокий пожилой мужчина в кожаных латах. Глаза его были плотно закрыты, сухие коричневые руки сложены на груди. Казалось, он спит. Рядом стоял помост пониже. Он был пуст. Возле него лежали богато отделанный камнями женский наряд и высокий головной убор с большим горящим в свете факелов изумрудом.

– Лисий Хвост? – догадался я, указывая на лежащего на помосте человека.

– Именно он, – с улыбкой кивнул головой Эйно.

– А где же его благоверная? – я указал на пустовавший рядом с ложем воеводы помост.

– Лучеслава! – властно позвал эстонец.

Передо мной предстала Зоя в длинных до пят белых одеждах.

– На ней похоронное платье скифских женщин, – охотно пояснил Эйно, – но сегодня она снимет его, скорби нет места. Сегодня великий день. Я унаследовал силу воеводы, его армию и даже женщина Хвоста станет нынче моей!

– А это, что за жмурик? – кивнул я на тело эсесовца, – один из бывших претендентов на сокровища скифского воеводы?

– Это мой брат Хайнс фон Тиме, – голос лже-Эйно задрожал от бешенства, обуявшего его, – я пришел вслед за ним, чтобы завершить то, что не удалось Хайнсу. Надеюсь, ты уже понял, что я лишь прикрывался именем этого несчастного парня-подпольщика. Я лично убил его вот этой вот рукой.

Фриц потряс предо мной кулаком с зажатым в нем мечом.

– Сделать липовые документы для ребят из нашего ведомства пара пустяков. Так офицер СС Юрген фон Тиме превратился в героя-подпольщика Эйно Мянне. По документам Мянне я и поступил в университет, где встретился с Петраковым. Профессор был одержим поисками скифских сокровищ, он знал от своего коллеги Лесневского о магической силе скифского воеводы и задумал забрать эту силу себе. Он,

как одержимый, пытался разгадать тайну города мертвых и почти преуспел в этом деле. Однако сила воеводы не перешла в его старчески немощные руки. Я убрал его с пути. Как устранил перед этим и самого Лесневского. Теперь умрешь и ты!

Юрген ткнул в меня пальцем и радостно захохотал.

– Ты отдашь свою жизненную силу моему брату Хайнсу, а сам навеки останешься лежать в этом музее смерти, – он повел рукой вокруг себя, – ведь ты хотел разгадать тайну скифского воеводы. Ты разгадал ее, ценой собственной жизни!

Он смотрел на меня безумными глазами, пот тек с лица немца ручьем. Я отвернулся от него, всматриваясь в поросшие мхом каменные стены. Как странно, если б не знал про курган, думал бы, что Хвост устроил свою усыпальницу в какой-нибудь пещере. Только сейчас я заметил стоявшие по окружности копья с насаженными на них мумифицированными головами. Вероятно, это были головы врагов могущественного воеводы. Длинноусые и заросшие бородами лица были полны отчаяния, словно в последний момент пред казнью, они молили своего мучителя о пощаде, но тот был глух к их мольбам.

– Подойдите ко мне! Отныне и навеки я ваш повелитель! – крикнул Юрген фон Тиме куда-то в темноту.

Из глубины зала к жертвеннику стали подбираться странные тени. Часть из них была в шкурах животных, часть в мерцавших в свете факелов ослепительно белых одеждах.

Бородатые лица были мертвенно бледны, а пустые глазницы смотрелись жутко и, словно источали мертвый могильный холод, от которого стыла кровь. На поясах у них болтались мечи-акинаки, наподобие того, что держал в руках их ново-явленный предводитель.

– На первый взгляд фантомы, но я уже успел проверить их в деле. Настоящие убийцы. Они уже лишили жизни копателей, – Юрген поднял надо мной свой меч, – смотрите, как я умерщвлю своего врага, – крикнул он своему мертвому воинству.

Тени тесно обступили жертвенный камень, из их уст потекли струи холодного ветра. Они стояли плечо к плечу, образовав собой жуткий мерно раскачивающийся круг.

– Не делай этого. Отпусти его, и ваши дороги больше не пересекутся, он просто забудет все, что видел этой ночью, – прошелестел тихий шепот Зои.

Она прошла сквозь стой мертвых теней и властно потянулась к мечу, что сжимал в своих руках фашист. Но Юрген не слышал ее, он был весь во власти мести и грезил предстоящей расправой.

– Я посею здесь страх и хаос, пусть в ваших городах и селах все будут дрожать от ужаса и ожидания скорой смерти. Ее принесут вам те, кого нельзя убить, ибо мертвые бессмертны! Страх – вот то, что станет мстью вам, поправшим власть великого рейха! – визгливо кричал он, брызгая слюной.

– У тебя ничего не выйдет, безумец. Ты просто параноик, место которого в психушке! – бросил я, стараясь отвлечь внимание фашиста.

Боковым зрением я видел, что Зоя отошла в сторону и двинулась к мумии Лисьего Хвоста. Только теперь я заметил стоявший в ногах тела воеводы внушительный глиняный кувшин. Зоя наклонилась к нему, подняла и, что есть силы, бросила его об пол. Гроыхнул гром, блеснула серебристая молния, факелы, освещавшие помещение мгновенно потухли, наполнив зал страшным удушливым чадом.

Тело Лисьего Хвоста подскочило на своем возвышении из валунов и принялось судорожно трястись, распадаясь на мелкие кусочки, оборачивавшиеся сероватым, похожим на пыль пеплом. Молнии продолжали сверкать, гром гремел, сонм теней смешался и стал растворяться в разрываемой вспышками темноте усыпальницы.

– Негодная! Ты предала меня! Тварь!

Юрген, брызгая слюной, бросился к побелевшей от страха девушке, но я собрал последние силы и, преодолевая боль, подкатился ему в ноги. Подняться я не мог, но мой прием удался, фашист завалился на спину и попытался поразить меня мечом. Однако я оказался проворнее и со всей силы саданул его по затылку увесистой рукоятью ТТ. Фриц охнул и потерял сознание.

Молнии продолжали сверкать, удушающий чад, быстро заполнявший зал, проникал в легкие.

– Зоя, Лучеслава! Как тебя там! Помоги мне вытащить этого гада, – прохрипел я, теряя сознание.

Чья–то неожиданно сильная рука помогла мне подняться и потащила куда-то кверху. Обоими руками я держал за ворот рубахи обмякшее тело фрица. Казалось, прошла целая вечность, пока я сумел вдохнуть свежего воздуха. Он показался мне пьянее вина. Я окончательно потерял остатки сил и рухнул на траву. Мы втроем были у подножия холма, внутри которого только что находились. Я, Зоя-Лучеслава и злополучный фашист с кровоточащей башкой.

На моих глазах холм стал оседать. Я слышал глухой стук бьющихся друг о друга камней и видел поднимающуюся огромным серым веером пыль.

– Мне пора, – девушка шагнула к осыпавшемуся кургану.

– Кто ты? Не ходи туда! Остайся здесь! – я кричал, но вместо крика наружу вырывались лишь глухие, похожие на рыдания хрипы, но она услышала меня.

– Живым место среди живых, а мертвые пусть остаются в царстве мертвых, – бросила девушка.

Мгновенье, и Зоя-Лучеслава исчезла, будто ее и не было.

Гроыхание смолкло, пыль рассеялась, я полз веред, таща фашиста за собой. Заслышав вдалеке голоса, я хотел выстрелить из своего ГТ, чтобы привлечь внимание, но обнаружил, что в суматохе потерял оружие.

– Ко мне! Сюда! – захрипел я.

Теперь шаги слышались уже близко. Кусты раздвинулись.

Передо мной вырос участковый Андрей Жуков.

– Жив, лейтенант?

Он с изумлением смотрел на меня.

– Ты весь седой! Что случилось?

– Не спрашивай, лучше помоги дотащить до наших преступника. Он – убийца!

Я указал на фашиста. Жуков наклонился к лежащему без движения Эйно-Юргену.

– Да твой преступник мертв, лейтенант. Отчего он кони двинул?

– От злости, очень злой был, вот и сдох...

Мной вдруг овладела полная апатия. Я сидел на траве не в силах двинуться.

– Идти можешь? – голос Жукова звучал будто издалека.

Я помотал головой. Странно, боль не чувствовалась, лишь усталость и грусть, которая заполнила собой мой мозг. О чем я думал? Не знаю. О чем жалел тогда? Тоже, не смогу сказать.

– Ночью было страшное землетрясение, курганы превратились в жалкие кучки земли и горки камней. Странное дело, но крестьянские избы и другие строения не пострадали, – рассказывал мне участковый.

Он тащил меня на себе, оставив тело лже-Эйно лежать в кустах.

– Какое землетрясение? О чем ты, капитан?

– Говорю тебе, этой ночью курганы разрушились, осели,

превратились в пыль. Ясно? Мы ищем тебя с вечера, думали ты погиб, – повернулся ко мне Жуков.

Я молчал. Теперь боль вернулась ко мне. Я закрыл глаза и погрузился в странное забытие. Я видел себя как бы со стороны. Отчетливо наблюдал, как мое тело завернули в какую-то рогожу и погрузили в кузов полуторки.

– Умер парень, не донес ты его, Андрей – устало пророчил тучный майор Бровкин, с укоризной глядя на и без того расстроенного участкового Жукова.

– Умер, – согласно кивнул седой головой капитан.

– К лейтенанту этому два часа назад сослуживец приехал. Не успел увидеться с ним, так вот бывает. Проворонили мы москвича, нам теперь всем за это по шапке из Москвы отвесят, – сокрушенно вещал майор.

– Не спешите его хоронить, – услышал я хорошо знакомый голос.

К полуторке шел Вахтанг Дадуа, полы его шинели развивались. Фуражка была сбита на затылок. За ним едва поспевал краевед Рыбкин. Дадуа вскочил в кузов и уселся рядом со мной. Несколько дюжих бригадмиловцев посадили наверх и старика Рыбкина.

– Поехали! – Дадуа стукнул рукой по крыше кабины, и шофер тронул машину с места.

Мы летели с бешеной скоростью, Дадуа размотал рогожу и подложил мне под голову свою шинель. Старик Рыбкин взял меня за руку и, странное дело, жизнь начала возвращаться

ко мне. Я перестал ощущать себя отдельно от своего лежащего на дне кузова тела. Небывалая легкость бесследно исчезла, на смену ей пришла боль, страшная, испепеляющая все своим невиданным жаром. Я застонал, чем очень обрадовал Рыбкина и Дадуа. Они переглянулись, и оба вздохнули с облегчением.

– Наконец-то, – Дадуа улыбнулся.

И это было последнее, что я увидел перед тем, как провалиться в черную бездну тяжелого сна.

Из госпиталя я вышел через три с половиной месяца. За все это время меня лишь однажды навестил Вахтанг Дадуа. О его визите меня заранее оповестил врач. К приходу начальника отдела я подготовил подробный рапорт, четко описав все, чему стал свидетелем. Дадуа внимательно прочитал бумагу и беседовал со мной несколько часов кряду, задавая все новые и новые вопросы, на которые я не всегда мог дать исчерпывающие ответы. Я ведь и сам не понимал до конца, что же произошло на тех страшных раскопках.

Однако Дадуа остался доволен моими ответами. В очередной раз своего начальника я увидел в тот день, когда наконец-то покидал ведомственный госпиталь. По выписке Вахтанг Георгиевич встретил меня в больничном коридоре.

– Манцев! Как дела? – радостно окликнул меня начальник.

– Здравия желаю, товарищ Дадуа, – я замялся.

– Хочешь что-нибудь спросить? Спрашивай, – начотдела смотрел на меня с интересом.

– Кто такая студентка Зоя и краевед Рыбкин? – выпалил я. Дадуа промолчал. Он достал из кожаного портфеля папку и раскрыл ее передо мной. Внутри были фотографии выполненных на каком-то полотне рисунков. Наброски были выписаны с поразительной четкостью. На них были изображены Зоя-Лучеслава, сам воевода Лисий Хвост и пожилой мужчина, очень сильно похожий на старика Рыбкина.

– Берусь предположить, что Зоя и старик Рыбкин – люди из окружения Хвоста. Зоя – жена воеводы Лучеслава. Кстати, студентки Зои никогда не существовало, она познакомилась с Петраковым на раскопках, недалеко от кургана. Студенты считали ее местной жительницей, а местные – студенткой из Москвы.

– А сам Рыбкин?

– Ну, а сам Рыбкин сильно смахивает на чудо-бальзамировщика, доверенное лицо воеводы Хвоста. Он изготавливал для хозяина головы поверженных им врагов. Думаю, это было не единственным его умением. Что если бальзамировщик умел заново вдохнуть жизнь в умерших?

– Познал тайну бессмертия? Не может быть, – вырвалось у меня.

Дадуа пожал плечами. Мы вместе вышли из здания госпиталя и прошли к его служебному Мерседесу. Вахтанг сел за руль, жестом пригласил меня садиться рядом и, запустив

мотор, тут же рванул машину с места.

– Где же сейчас Рыбкин? – нарушил я затянувшееся молчание.

– Под наблюдением наших ученых, – неохотно ответил Вахтанг.

– Незавидная участь быть подопытным кроликом, – проворкотал я.

Вахтанг не ответил. Он неотрывно смотрел прямо перед собой на серую нескончаемую ленту асфальта. Остановившись около моего дома, он приоткрыл дверцу авто. Я вышел, и мы обменялись рукопожатиями.

– Завтра на службу, – бросил он на прощание.

– Так точно! – козырнул я.

О деле воеводы мы больше никогда не вспоминали. Прошли годы, я давно вышел в отставку и состарился. Как-то мне довелось вновь побывать в тех местах, где некогда властвовал Лисий Хвост. На месте бывшего кургана сейчас открылся краеведческий музей. Я посетил его. Меч воеводы, который сжимал в руках фашист Юрген Тиме, лежит под толстым прозрачным стеклом. О делах коварного воеводы рассказывает экскурсантам дряхлый старик-смотритель, как две капли воды, похожий на краеведа Рыбкина. Он ничуть не изменился. Завидев меня, дед лишь на мгновение запнулся и вновь продолжил экскурсию. Думаю, старикан узнал меня, но я не подошел к нему.

К чему ворошить прошлое?

«Тайна Пропавшей Экспедиции» (Рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)

В комнате нас было трое: пожилой, круглый, словно мячик, ученый-геолог Иван Владимирович Кузин, начальник спецотдела МГБ Вахтанг Дадуа и я, в ту пору старший лейтенант МГБ Савва Сорокин.

Вахтанг Дадуа в своем неизменном кителе без всяких знаков различия восседал в кожаном кресле с папиросой в зубах. Профессор курил большую причудливо изогнутую трубку, я же стоял у открытого окна, вдыхая чистый воздух, который бывает только в Москве, и только в начале мая. Воздух пах сиренью парков, свежее политым асфальтом и еще чем-то неуловимым, тем, что присуще лишь моему самому любимому городу. В этом запахе был намешан аромат пирожков с мясом, которыми торгует лоточница возле нашего здания на Лубянской площади, здесь присутствовал немного кисловатый дух пива из близлежащего кафе «Ветерок» и щекочущий, сшибающий в ноздри, казалось, даже осязаемый на язык восхитительный привкус газ-воды «Лимонад Особый».

– Савва, товарищ Сорокин! – властный оклик шефа вернул меня с улицы в прокуренное нутро кабинета, который

занимал шеф «Бесогона» Вахтанг Георгиевич Дадуа.

– Я! – я шагнул к столу и уселся на жесткий стул с высокой сделанной из массива дуба спинкой.

За время моей службы в отделе у нас с Дадуа установились ровные дружеские отношения, Вахтанг доверял моему опыту и прислушивался к моим словам. Я уже понял, что дело, которое принес нам этот чудаковатый и неуклюжий профессор будет очень трудным и опасным. У меня нюх на такие дела, особенно на те, что случились еще до революции. Сейчас профессор Кузин повествовал именно о тех временах. Его грамотная речь звучала плавно, но в то же время значительно, словно он читал лекцию в своем университете. Пропустив самое начало, я вслушивался в его слова, а он вещал:

– ...и вот в 1914 году я, в ту пору действительный член российского географического общества при академии наук его императорского величества, распорядился о том, чтобы в эти труднодоступные места Хакассии была направлена экспедиция. Люди были отлично оснащены, но, увы, никто из них не вернулся обратно. Они погибли при весьма странных обстоятельствах...

Профессор закончил говорить, снял очки и принялся протирать их концом своего мятого давно не стираного галстука.

– Послушайте, товарищ Кузин, – Дадуа казался раздраженным, что бывало с ним крайне редко, – мы вам не Поганели и не Афанасии Никитины. Что вы от нас хотите? Повашему, мы должны пройти маршрутом снаряженной вами

экспедиции и выяснить обстоятельства гибели ее членов? Говорю сразу, это не по нашей части. У нас других забот хватает! Пусть на поиски следов вашей экспедиции отправляются ученые, или путешественники. Мы – чекисты. Думаю, вы пришли к нам не по адресу.

Вахтанг встал и протянул Кузину руку, давая понять, что разговор окончен. Но профессор и не думал уходить. Вместо этого он полез в карман своего старомодного пиджака и достал оттуда сложенный вчетверо лист бумаги.

– Прошу ознакомиться. Как сами понимаете, я явился к вам не с улицы. Я в курсе дела, и отлично осведомлен, что к вам в отдел случайные люди не попадают!

Он подал бумагу Дадуа. Тот развернул ее и сразу узнал летящий почерк министра госбезопасности.

«Тов. Дадуа, разобраться с делом профессора Кузина необходимо незамедлительно! Л Берия» – было написано на листе.

– Ясно. Вы были на приеме у министра, – Дадуа скомкал лист и, бросив его в большую хрустальную пепельницу, чиркнул спичкой, – и все же, вы, уважаемый товарищ Кузин, что-то недоговариваете. Учтите, недомолвки рожают подозрения.

– Вы правы, – Кузин зябко передернул плечами, словно на него дохнуло январской стужей, – я не сказал вам, что из той экспедиции вернулся всего один человек, наш геолог, университетский приват-доцент Вадим Стрельников. Он был

безумен, при нем не оказалось ни лабораторных журналов, ни образцов пород, которые он собирал в экспедиции. Вадим был в изодранной одежде, на его теле были многочисленные раны. Он заговаривался, был крайне возбужден и сообщил мне, что все остальные члены экспедиции мертвы. Якобы, они то ли убили друг друга, то ли все вместе стали жертвами некоего существа, которому и названия-то нет. Твердил, что те места обладают какой-то странной аурой смерти, вроде как, прокляты.

Профессор умолк, губы его дрожали, на лбу выступил мелкими капельками пот, но Кузин даже не попытался вытереть его носовым платком, который он бесцельно вертел в руках.

– Где сейчас Стрельников? – поинтересовался я.

– Умер в психиатрической лечебнице в том же 1914 году, – ответил Кузин, – родных у него не было, – поспешно добавил он, поразительнейшим образом предупреждая мой следующий вопрос.

– С тех пор много воды утекло. Почему вы пришли сюда только сейчас? – спросил Дадуа.

– Была первая германская война, – Кузин стал загибать пальцы на руке, – после случилась революция, после нее – голод тиф, Гражданская, а затем и Отечественная война. Не до экспедиций...

– А перед Отечественной войной? – не отставал дотошный Дадуа.

– Ничего от вас не скроешь, – грустно усмехнулся ученый, – я в лагере сидел довольно долго. Лишь недавно признан ошибочно осужденным, освобожден и восстановлен в должности. Так-то вот, господа чекисты...

– Вот оно как бывает, – Дадуа немного смутился.

Вахтанг походил по кабинету, потом вновь уселся за стол и принялся писать. Закончив, он взглянул на молчавшего профессора.

– Мы приступаем к расследованию дела о гибели ваших товарищей, профессор. Наши люди выдвинутся в указанный вами район завтра с утра. Нам нужен маршрут, по которому шла экспедиция в 1914 году. Кроме того, нам понадобятся сведения о тех, кто участвовал в этом путешествии...

– А можно с вами пойдет мой племянник Федор Кузин? Он тоже ученый-географ. Сильный, еще довольно молодой человек. Я-то немного староват для подобных приключений, семьдесят лет не шутки, – профессор виновато развел руками, – я и в молодости особым здоровьем похвастаться не мог. Из-за врожденного плоскостопия мне пришлось отказаться от участия в той самой злополучной экспедиции. Видите, порой хворь бывает весьма кстати. Благодаря ей, я не погиб, а остался в живых.

Вахтанг молчал, по его лицу я ясно видел, что он не в восторге ни от поручения министра, ни от самого профессора.

– Так как насчет моего племянника? – вновь напомнил о себе Кузин.

– Вообще-то не положено, но в виде исключения разрешить могу, – Дадуа пожал профессору руку, мягко выпроводил его за дверь и взглянул на меня, – поручу это дело тебе, Савва. Ты у нас самый опытный. Возьми помощника, и вперед!

Говоря начистоту, я сразу понял, что дело о хакасской экспедиции придется вести мне. И скажу вам откровенно, радости по этому поводу я не испытал. Как я уже упоминал, не нравятся мне дела с длинным временным шлейфом. Как правило, все они опасные и трудные, а заканчиваются порой отнюдь не счастливым концом. Но, что делать? Служба есть служба, и я принялся собираться в дорогу. Взять с собой я решил лейтенанта Семена Нечаева. Он имеет довольно редкий дар, вызывать на разговор души умерших. Может стать в том деле, что мне поручено, это его умение придется как нельзя кстати. Хотя, кто его знает, прошло очень много времени...

А все-таки интересно, почему это делу о какой-то затерянной во времени и пространстве экспедиции уделяется так много внимания? Держу пари, что речь идет о поиске какого-нибудь золотого или алмазного месторождения. Сам министр Берия взял это расследование под личный контроль и даже предоставил свой личный самолет. Наверняка, профессор Кузин рассказал нам с Дадуа далеко не все...

Так думал я, сидя на жестком откидном сидении в самолет

министра. Рядом со мной дремал Нечаев, чуть поодаль расположился худощавый мужчина с редкой проседью в торчащих во все стороны каштановых волосах. Племянник профессора геолог Федор Кузин был личностью странной во всех отношениях.

Хорошо за сорок, с изборожденным морщинами лицом и неухоженной клочковатой бородой он мало походил на ученого, а больше смахивал на бандита с большой дороги. На спецэродром Кузин прибыл за два часа до означенного ему срока, и все время ожидания борта нервно прохаживался по взлетке, поминутно поглядывая на большие круглые часы Буре, которые прятал в потайном кармане старой заношенной до дыр телогрейки.

Знакомясь с нами, Федор испуганно озирался по сторонам, словно надеялся в последний момент сбежать с аэродрома домой. Загрузившись в самолет, он принялся осматривать салон, поминутно причмокивая языком. Салон самолета министра поражал аскетической обстановкой.

Стоявшие в ряд три привинченных к полу кресла с откидывающимися сидениями, стул и письменный стол с намертво закрепленной на нем электролампой. Это все, что располагалось в просторном салоне.

Ученый педантично осмотрел каждый предмет, уселся за стол и достал из тощего вещмешка карту. За несколько часов, что мы летели, он не произнес ни слова. Наконец, убрав карту в карман телогрейки, он повернулся ко мне.

– Сейчас мы подлетаем к месту, откуда начала свой путь экспедиция, – словно заправский экскурсовод объявил он.

– Очень хорошо, – отлично выспавшийся в полете Нечаев излучал оптимизм, – сейчас приземлимся на местном аэродроме. Тут стоит воинская часть. И это последнее место, где можно встретить «человека разумного». Дальше сплошное безлюдье...

Федор и я промолчали. Борт успешно приземлился на разбитой и местами поросшей жесткой травой бетонке. Личный пилот Берии был настоящим ассом. Кривая с выбоинами и ямками дорожка военного аэродрома была в плачевном состоянии.

Нас встретил начальник аэродрома седой обрюзгший от постоянного пьянства летный майор. Дрожа от страха, он козырнул мне.

– С приземлением, товарищ старший лейтенант госбезопасности. Как долетели? Я – майор Лысаков, самый главный тут!

– Долетели великолепно, товарищ Лысаков – я благодушно пожал протянутую летуном вялую потную ладонь.

Самолет министра заправили керосином, и он тут же улетел обратно в столицу. Мы же с майором пошли отобедать в местную солдатскую столовую. Весь личный состав подразделения уже принял положенную ему по рации пищу, и мы с комфортом расположились за покрытым свежей скатертью столом.

– Места тут глухие и страшные. Селений почти нет, – грустно поглядывая на быстро пустеющую бутылку со спиртом произнес майор.

– Отчего так? – поинтересовался я.

– Местные кочевники болтают о каком-то племени Белых Волков и их предводителе Черном Шамане. Еще поговаривают о затерянном в этих местах Городе Мертвых. Раньше, еще при царизме, власти мыслили хорошенько исследовать и заселить эти места, но по какой-то причине бросили это занятие...

– Вы видели людей из племени Белых Волков? – насторожился Кузин.

– Нет, не видал. Врать не стану.

– А кто их видел? – не отставал ученый.

– Не знаю...

Лысаков старательно продул папиросу и, закурив, пустил дым колечками. Кузин внимательно наблюдал за тем, как кольца тихонько уплывают вверх к потолку, где ломаются, превращаясь в обычный сизый чад. Майор отвернулся в сторону. Допив спирт, он вдруг погрузился, сделался скучным и безучастно смотрел в окно столовой на чахлые причудливо искривленные деревца, что росли вдоль посыпанной красноватой кирпичной крошкой дорожки.

– Спасибо за угощение. Мы пойдем спать, – я поднялся из-за стола, – завтра рано утром выступаем.

– Да, да, – засуетился майор, – мне велено снабдить вас

провиантом и оружием. Может быть, возьмете ездовых собак?

– Нет, – отказался я от заманчивого предложения, – мы будем сплавливать по реке Аюгре.

– Как и участники той самой экспедиции, – брякнул изрядно захмелевший от авиационного спирта Федор Кузин.

Я смерил его своим строгим взглядом, и ученый враз осекся. Рассказывать кому-либо об экспедиции, и о нашем расследовании было строжайше запрещено приказом Дадуа. Майор, услышав о том, что мы предпочли суше водный путь, посмотрел на нас словно на умалишенных.

– Аюгра в переводе с местного наречия – смерть, река эта очень коварна, и совсем не предусмотрена для лодочных прогулок, – проронил он, с сомнением глядя на выгруженную из самолета кожаную лодку и теплую армейскую палатку, наш багаж, который мы намеревались взять с собой.

– Не надо драматизировать ситуацию, – вновь встрял захмелевший Федор Кузин, – мы все неробкого десятка. Кроме того, у нас есть карта, оставшаяся от предыдущего похода. Наши предшественники отметили на ней наиболее опасные места своего маршрута.

Майор скептически усмехнулся:

– Гораздо легче было нанести на карту места, которые не представляют собой опасности. Здесь опасно все! Даже воздух, которым дышат люди, может ни с того, ни с сего вызывать то панический ужас, то странную эйфорию. В этих ме-

стах люди часто бредят наяву. Вот недавно один наш карательный высадил в воздух целый автоматный диск, на полном серьезе утверждая, что его атакуют какие-то гигантские птицы. Так-то вот!

Майор поднялся из-за стола и, сильно шатаясь, двинулся к выходу из столовой. После его ухода мы все почти сразу прошли в отведенную для нашего постоя комнату и улеглись спать. Наутро мы встали рано и еще затемно направились со всем своим снаряжением к реке Аюгре, крутые берега, которой были едва видны в плотном предутреннем тумане. Провожал нас лишь майор Лысаков

– Удачи вам, товарищи. Может, и свидимся когда, – проговорил он, пожимая нам руки.

– Обязательно свидимся, товарищ майор – я хлопнул по плечу старого служаку и стал первым спускаться вниз, к воде, таща на себе легкую трофейную лодку.

Нечаев и Кузин последовали за мной. Спустя минут десять мы уже плыли вниз по течению Аюгры.

– Вот все и начинается вновь, нынче нам придется несладко, – угрюмо пробурчал Кузин, и я не узнал голос подвыпившего накануне ученого мужа. Хмель прошел, вместе с ним исчезла и напускная бравада.

Теперь и без того немногословный Федор говорил лишь по делу, стараясь все больше молчать. Он озабоченно смотрел вверх на серое от набухших дождем туч небо. Мы с Нечаевым тоже помалкивали, старательно работая веслами.

Так продолжалось несколько дней. Кузин тоже активно помогал нам, показав себя отличным спортсменом. Спали мы по очереди, прямо тут на лодке. Было жутко неудобно, но Кузин не давал разрешения причалить к берегу и сделать хотя бы кратковременный привал, мотивируя это тем, что вокруг полно дикого зверья.

Наконец устав от недосыпа и сухомятки мы с Нечаевым решили приступить к решительным действиям.

– Пора остановиться и немного отдохнуть. Иначе мы долго не протянем. Одними галетами и холодной тушенкой сыт не будешь. Нужна горячая пища, берусь приготовить на костре отличную кашу из концентратов, – заявил я.

– Это пойдет всем на пользу, – поддержал меня Нечаев.

Федор затравленно молчал, старательно отводя взгляд в сторону. Он спрятал в карман телогрейки план маршрута и вытер дрожащей рукой выступивший на лбу пот.

– Сейчас никак нельзя останавливаться, – наконец выдал он из себя

– Отчего же? – поинтересовался Нечаев.

– Зверье. По моим сведениям несколько членов той экспедиции нашли свою смерть от когтей здешних волков. Несчастные были даже не съедены, а просто растерзаны дикими хищными тварями. Хотите разделить их участь?

Кузин усмехнулся и тут же пожалел об этом. Семен схватил его за ворот телогрейки и, что есть силы, рванул ученого на себя.

– Послушай, умник! Мне кажется, ты что-то недоговариваешь...

– Отпусти! – мгновенно свирепея, прохрипел Федор.

Стараясь высвободиться, он попытался толкнуть Семена в грудь. Они сцепились прямо тут, на борту лодки. Ученый был сильнее, но Нечаев служил в МГБ, занимался боксом и был подготовлен не в пример лучше географа. Увернувшись от прямого удара, Семен врезал противнику в челюсть. Федор охнул от боли, но продолжал борьбу. Выбрасывая вперед себя длинные сильные руки, он пару раз поразил Нечаева, попав тому в плечо.

– Стойте! Прекратить немедленно!

Я попытался вклинить между ними, но, получив мощный удар в голову, тут же полетел в воду. Лодка перевернулась. Мешки с провизией и весла понеслись вниз по стремительному течению Аюгры. Наши карабины пошли ко дну, а мне стоило немалых усилий выплыть к спасительному берегу. Ухватившись за свисавшую к воде ветку какого-то колючего кустарника, я перевел дыхание и оглянулся. Семен и Федор все еще отчаянно боролись. Течение относило их все дальше. Они то появлялись над водой, то вновь уходили с головой вниз под мутный поток коварной Аюгры.

Я никогда прежде не видел своего товарища по службе таким взбешенным и озлобленным, ровный, выдержанный раньше, сейчас он был похож на дикого зверя. Не лучшим образом выглядел и географ Кузин. Оба они потеряли чело-

веческое достоинство, утратили казенное имущество, забыли о важном задании и, что хуже всего, перешли на личности. Я ужасно разозлился на обоих. Двигаясь вниз по берегу, я внимательно высматривал драчунов, но берега Аюгры были пусты.

Неширокая, не более двухсот метров, Аюгра была стремительна. Неужели моим товарищам суждено было погибнуть в ее мутных водах по собственной глупости? От этой нелепой мысли становилось не по себе, но, пройдя еще с километр, я престал надеяться на счастливый исход. Вероятно, бурное течение унесло тела драчунов вниз по реке...

Что было делать? Повернуть обратно, или продолжать происки? Я огляделся, вокруг стремительно темнело. Несмотря на майское тепло, царившее в этой местности днем, ночью было еще очень холодно. Дующий с гор пронизывающий ветер пробирал до костей, а на мне была мокрая, липнущая к телу одежда. Разжечь бы костер да обсушиться, но спички остались в унесенных Аюгрой рюкзаках, а моя зажигалка была потеряна во время падения с лодки.

Все из-за этой проклятой стычки, именно из-за нее все и случилось, попадись бы мне сейчас географ и лейтенант Нечаев, ни минуты не раздумывая, порвал бы их в клочья собственными руками, тем более, что свой личный пистолет ТТ я тоже утратил, когда из последних сил греб к берегу.

Проклинаая богатый страшными событиями сегодняшней день, я все более удалялся от реки. Где лучше ночевать?

Маячивший вдалеке лес не обещал ничего хорошего. Встретиться с медведем или волком не входило в мои планы, и я решил идти меж покрытым редким кустарником берегом Аюгры и перелеском, состоявшим из странного вида причудливых безлистных деревьев, казавшихся в кромешной тьме извилистыми телами таинственных сказочных чудовищ.

Под одним из деревьев я и остановился на ночлег. Присев на кочку, я попытался вздремнуть, но едва погрузился в некое подобие сна, раздался гром. Раскат был такой силы, что я на мгновенье оглох, а яркий всполох молнии озарил все, словно белым днем. К своему удивлению, я увидел, что нахожусь неподалеку от какого-то куполообразного сооружения, возле которого была воткнута длинная суковатая палка с почти истлевшим куском белой материи.

Я двинулся вперед, держа ориентир на этот странный флаг, и вскоре достиг некоего подобия входа в эту непонятную каменную палату. Холодные тугие струи дождя хлынули решительно, и сразу стали стеной, ни секунды, не раздумывая, я прошмыгнул внутрь и тут же на пороге споткнулся о какой-то длинный продолговатый сверток. Следующий всполох был еще ярче прежнего, гром больше не гремел, но зарницы все еще продолжали рвать в клочья темное ночное небо. В свете их я лучше рассмотрел то, что принял за сверток и отшатнулся от неожиданности.

Свертком оказалось мертвое человеческое тело, вернее, останки человека. Мертвец был одет в темный плотный буш-

лат, из-под которого выглядывала полуистлевшая тельняшка, на покрытом остатками кожи черепе красовался рваный картуз, из-под которого торчали вихры тронутых сединой темных волос. Череп ощерился в жуткой предсмертной ухмылке, обнажив желтые пораженные цингой зубы.

Все это я увидел в одно мгновение, в тот же миг отблеск молнии погас, и вновь воцарилась кромешная тьма. Я двинулся в глубь этой своеобразной пещеры. К моему удивлению здесь было сухо. У неровной, словно сложенной из поросших мхом камней стены был привален стол, наскоро сбитый из пустых деревянных ящиков. Один из таких же ящиков стоял рядом, застеленный брезентовой курткой. Я уселся на него и принялся шарить вокруг себя руками. Вскоре я отыскал маленький свечной огарок и пустой кожаный кисет. Пройдя чуть вправо, я обнаружил еще один человеческий скелет. Несчастный сидел, привалившись спиной к большому валуну, рядом валялся охотничий карабин. Я передернул затвор. Оружие было исправным и даже снаряженным к бою.

Переведя дух, я приблизился к мертвецу и стал ощупывать карманы его непромокаемой куртки, неплохо сохранившейся до сего времени. К моей радости я обнаружил полупустой коробок шведских спичек и тут же зажег огарок свечи. Неверный трепещущий огонек выхватил из тьмы высокие шнурованные ботинки и заправленные в них кожаные бриджи, в которые был облачен второй покойник.

Зажав в руке свечу, я тщательно обследовал помещение.

Вскоре я обнаружил лампу «Летучая Мышь», в которой оставался достаточный запас керосина. Зажечь фитиль удалось не сразу, но, изрядно повозившись, я все-таки заставил керосинку светить. При свете я обнаружил, что сидевший у стены был застрелен, в черепе трупа зияло отверстие от пули. Наган же лежал рядом с тем, кто находился у входа. Вероятно, он застрелил своего товарища, тот не ожидал нападения, и даже не успел схватиться за свой карабин.

Странное дело, понятно, что я обнаружил стоянку участников той самой экспедиции. Но что произошло в этом таинственном сооружении, которое, скорее всего, было творением рук человеческих?

Я еще раз приблизился к телу привалившегося к валуну путешественника. Короткая небрежно запахнутая на груди меховая куртка, кожаные биджи шапка с завязанными над головой ушами. Я едва коснулся тела, как, куртка распахнулась, на шее мертвеца была цепочка белого металла с тронутой ржавчиной биркой. Грудь была пробита навывлет, а тельняшка, испачканная кровью, рассыпалась в прах, едва я коснулся ее.

«Павел Кавале...», – сумел разобрать я выбитые на именном медальоне буквы.

Я присел на перевернутый ящик и стал светить лампой возле стола, среди пустых жестянок и мусора я обнаружил консервную банку. «Греча с мясомъ. Изготовлено фабрикой купца П. Кукина», – значилось на чудом уцелевшей этикет-

ке. Тут же лежала толстая тетрадь в плотном кожаном переплете, простреленном пулей из нагана. Именно этот добротный переплет и спас часть тетрадных листов от тлена времени. Несмотря на то, что многое из записей были безвозвратно испорчены, кое-что прочитать было все же можно. Я жадно впился глазами в эти торопливо писанные карандашом строчки. Они были отрывисты, страницы, на которых один из участников экспедиции писал свои заметки, были залиты водой и повреждены следами пороховой гари. Вернее всего, владелец этого дневника держал тетрадь на груди, куда попала пуля убившего его злодея.

«...они, несомненно, мудрее нас, хоть и кажутся примитивными животными... теперь можно... сказать с уверенностью... племя белых волков почти рассеяно выстрелами наших людей... и волки, и люди спасаются бегством... стыдно, что мы в этом участвуем... кто додумался набирать в экспедицию бывших уголовников... Федор Кузин самый младший из нас, дядя взял его с собой, что бы он стал настоящим мужчиной, мужчиной, но не убийцей. Теперь... мы пожинаем плоды собственной жестокости, мы и сами стали зверьми, способными убивать друг друга...»

Я оторвался от чтения, дальше тетрадь была испорчена еще больше. Листая ее, я нашел затертую до дыр самодельную карту, на ней хорошо сохранился лишь один участок плана местности, поименованный картографом как «Город Мертвых». Маршрут к нему был проложен именно от стоян-

ки экспедиции. На полях были сделаны пометки и какие-то отрывочные записи на немецком языке. Из всего написанного я разобрал лишь словосочетание «месторождение алмазов» и сумел различить бледный оттиск печати с названием немецкой фирмы «Горное дело семьи Веберов».

Покончив с чтением, я принялся осматривать пещеру дальше и вскоре обнаружил довольно вместительный ящик. Оттиск печати Веберов был замечен и на нем. Боковые доски сгнили, и наружу торчала рукоять небольшого походного кайла, какими обычно пользуются геологи. За ящиком лежали полуистлевшие от времени одеяла, и рваная брезентовая сумка с образцами горных пород. Тут же был небрежно брошен добротный кожаный рюкзак, кожаная же шнуровка его была туго затянута.

Что же внутри баула? Я с трудом развязал хитрый, похожий на морской узел и обнаружил новенький комплект одежды с фирменными ярлыками все той же семьи Веберов. Комплект представлял собой теплый комбинезон и куртку с вылезшим от времени кроличьим мехом. Прекрасная находка, будет во что переодеться. Я скинул свою мокрую одежду и положил ее на камень, рядом я обнаружил пару поленьев и некое подобие очага. Нужно срочно развести костер и обогреться!

Вскоре занялось и разгорелось пламя, дым от костра уходил куда-то вверх. Вероятно, где-то там находилось искусно сделанное дымовое отверстие, чудесным образом увеличи-

вавшее естественную тягу. В пещере стало теплее, и я решил немного отдохнуть. Из кучи лежавших на полу одеял я выбрал пару что поцелее, потянул их на себя и в который раз за сегодняшний день едва не вскрикнул от ужаса. Под кучей полуистлевшего тряпья лежал скелет, одетый точно в такую же униформу, что и обнаруженная мной в бауле. Вся одежда несчастного была изодрана в клочья и заляпана бурыми пятнами крови. Похоже, смертельно раненый, он прятался здесь от врага, но раны оказались слишком тяжелыми. Именно от них он и умер.

Кто преследовал его? Что за драма произошла здесь? Отчего имя Федора Кузина упоминается среди участников экспедиции? Почему он скрыл от нас, что в молодости участвовал в походе, да еще вместе со своим дядей, который утверждал, что сам в экспедиции не был? Отчего вместе с русскими учеными в поход отправились какие-то немцы и уголовники, стрелявшие в мифических белых волков? Ответов на эти вопросы я не знал, но ясно чувствовал опасность, исходившую от всего, что было связано с этой погибшей экспедицией. Я мог бы держать пари, что приват-доцент Вадим Стрельников, единственный из официально оставшихся в живых свидетелей тех событий, умер не своей смертью, а был убит. За что? Вероятно, за то, что не хотел держать язык за зубами....Почему мы все поверили этому ученому, дяде Федора Кузина? Отчего не проверили его слова? Неужели опытный чекист Дадуа не смог раскусить этого лжеца? А

что, если Дадуа знал истинное положение вещей и просто послал нас сюда в качестве подопытных кроликов, преследуя какие-то свои, неизвестные нам цели, которые некоторые умники в погонах именуют «государственными интересами»?

Липкое недоверие, круто замешанное на ненависти к Вахтангу, вытеснило все остальные чувства и заполнило собой клетки моего измученного мозга. Я упал на рваные одеяла и погрузился в сон, если можно было назвать сном, то болезненное тягучее состояние, которое овладело мною. Я словно провалился в зыбкое небытие, из которого меня вывел протяжный волчий вой.

Я не мог сказать, сколько времени я проспал. Была ночь. Вой вдруг сменился каким-то отдаленным криком. Человек зывал о помощи. Кто это мог быть? Федор Кузин, или мой товарищ Семен Нечаев? Определенно, кто-то из них. Других персоналий здесь просто не могло быть! Ну, и пусть орут, это они во всем виноваты. Это из-за них я едва не погиб в быстрых водах Аюгры в то время, когда они были заняты банальной дракой. Компаньоны и не думали меня спасти. Да они даже не заметили, что мне нужна их помощь! Мерзавцы! Пусть теперь гибнут в когтях какого-нибудь местного волка, а я буду спать!

Я повернулся на другой бок, но тут же вскочил на ноги, устыдившись своих мыслей. Как я мог так подумать? Прав летный майор Лысаков, здесь все располагает к тому, что бы

стать отпетым негодяем и перестать быть человеком. Нет, мне следует немедленно отправиться на помощь своим товарищам!

Я шагнул в глубь пещеры и схватил карабин. Вот и патроны, в свете костра их видно особенно четко. Они лежат на полу небольшой кучкой, очень непохожие на своих обычных собратьев. Я взял один из патронов в руки и стал рассматривать его с величайшим вниманием. Он был отлит из серебра. Что ж, мне хорошо известно в кого стреляют подобными зарядами. Снарядив обойму карабина серебряными пулями, я тихонько выскользнул из пещеры.

Из-за туч вышла большая круглая луна, и все, что было вокруг, серебрилось сейчас в лучах необычайно яркого здесь ночного светила. Видимость была, как белым днем. Я достал из кармана карту, которую нашел у одного из мертвецов, и двинулся вперед. Где-то здесь должен был располагаться этот странный Город Мертвых, отмеченный на плане жирным черным крестом. Крик повторился, теперь он слышался ближе.

Я остановился, вскинул карабин и вдруг увидел раскинувшийся чуть поодаль от меня Город Мертвых. Да, передо мной простирался именно он, величественный и жуткий Город Ушедших в Мир Иной. Небольшие сооружения-пирамидки из плоских камней, обточенных временем и ветрами, возвышались то тут, то там, насколько хватало глаз. Меж пирамидками были проложены аккуратные дорожки, вымо-

ценные камнями и местами поросшие травой. Прямо тут же, рядом с низкими непонятного предназначения домишками располагались небольшие площадки, представлявшие собой прямоугольные насыпи из гладких камней. На камнях лежали тела умерших, некоторые из которых давным-давно превратились в скелеты или мумии, некоторые еще служили кормом прожорливым птицам-могильщикам. Несмотря на ночь, эти твари были сейчас весьма активны и летали над местами последнего успокоения, клацая, будто ружейными затворами, своими длинными горбатыми клювами.

Малейшее дуновение ветерка отзывалось звоном маленьких погребальных колокольчиков, развешанных вокруг этих своеобразных могил. Звон то и дело прерывался жутким волчьим воем. Дикое зверье, окружившее этот гигантский погост, выло надсадно и нудно, мороз пробежал по коже от этих звуков, но я решился идти вперед. Не знаю, зачем я шел туда, и если бы кто-нибудь спросил меня, что же я хочу увидеть в этом городе, я б не смог ответить. Словно под гипнозом я двигался между странных башенок, представлявших собой причудливые не выше человеческого роста пирамидки. Верхняя часть этих сооружений имела сквозные отверстия, проходя через которые порывы ветра отзывались заунывным воем, созвучным вою живых существ, прятавшихся неподалеку.

Я шел, внимательно посматривая по сторонам, и с удивлением замечал не только тела людей, на некоторых камен-

ных помостах покоились скелеты животных, по виду волков или собак. Один труп был совсем свежим, странное существо, похожее на волка необычного серебристого окраса, было умерщвлено совсем недавно. Ярко алая кровь, выступившая тоненькой струйкой на боку животного, не успела еще засохнуть. Я тронул ее пальцем, кровь была совсем теплой, почти горячей.

Сердце мое бешено колотилось, руки начали дрожать. Нехорошее предчувствие, появившееся уже давно, стало перерастать в панику. Я повернулся и едва не вскрикнул от ужаса. Неподалеку, в нескольких метрах от меня, был еще один насыпной помост. Аккуратная прямоугольная площадка не пустовала, на ней покоилось тело моего сослуживца Семена Нечаева. Семен лежал на спине, глаза его были закрыты двумя плоскими камешками. По уложенному под голову камню текла алая кровь.

– Лейтенант!

Я бросился к товарищу, но споткнулся и больно ударился о камни головой. В следующий момент я попытался вскочить на ноги, но что-то крепкое и упругое ударило меня в спину. Покатившись кубарем, я успел заметить вытянутое в струну серебристое тело волка, которое пролетело надо мною подобно молнии.

Я вскинул карабин, намереваясь выстрелить вслед этой твари, как вдруг кто-то толкнул меня под руку. Невысокий худощавый парень в домотканых портах и рубахе, словно вы-

рос из-под земли и стоял передо мною, выставив вперед руки.

– Ты кто? – опешил я.

Он не ответил, вместо этого парень отскочил в сторону и бросился бежать. Бежал он в сторону противоположную той, куда только что исчез волк странного серебристого окраса, но я уже пришел в себя и бросился за незнакомцем.

– Стоять! Стреляю! – задыхаясь от быстрого бега, прокричал я, но парень и не думал останавливаться.

Он бежал по направлению к черневшим в темноте горам. Бежал он быстро, но и я не отставал. Собрав последние силы, я преследовал беглеца, единственного представителя разумного человеческого племени, явившегося мне в этих жутких местах. В тот момент я не думал, кто он, и что произойдет, если мы встретимся с ним лицом к лицу. Схватка не пугала меня. Я знал, что буду биться до конца, если он посмеет противостоять мне!

Парень постепенно сбавлял темп, он даже оглянулся назад, лицо его было искажено гримасой жуткой ненависти. Я попытался настичь его в броске, но противник оказался хитрее. Развернувшись, он сам ринулся на меня, упав в ноги, он сшиб меня на влажную от росы траву. Упал я неудачно, навзничь, сильно ударившись плечом. Парень вскочил на меня и принялся душить. Стальные пальцы неотвратимо сдавливали мне горло. Я задыхался, но продолжал бороться.

Мне даже удалось ослабить хватку нападавшего. Чув-

ствуя, что силы покидают его, парень наклонился ко мне и, злобно рыча, впился мне в горло острыми, словно иглы, зубами. Страшная боль всколыхнула во мне дикую, неведомую доселе ярость. Никогда, ни до, ни после этого поединка, я не испытывал ничего подобного.

– Ну, сука, держись!

Я плюнул в лицо нападавшего. Он инстинктивно потянулся утереться и тут же пожалел об этом. Старый подсмотренный мною у бывалых зеков прием сработал на все сто. Парень утратил контроль над ситуацией, а небольшой вес противника был мне на руку. Хрипя и судорожно хватая ртом воздух, я все-таки изловчился и, что есть силы, ударил его в живот. Парень охнул, я схватил оброненный в схватке карабин и ударил его прикладом в голову.

Противник громко взвыл, вскочил на четвереньки, метнулся в сторону и побежал по узкой гряде острых камней, ведущих к какой-то расщелине. Я ринулся следом. Черный глубокий лаз зиял в обрамлении огромных гладких валунов и являл собой некое подобие потайного хода. Парень нырнул туда, я за ним.

Ход представлял собой низкий и узкий прокопанный в земле лабиринт, расходившийся на все четыре стороны. Передвигаться по нему можно было лишь ползком. Парень, верткий и юркий словно уж, казалось, вворачивается в эту каменистую почву, по которой приходилось ползти. Он быстро удалялся. Я заметно отстал, но не прекращал погони,

надеясь, что противник скоро ослабеет.

Однако парень и не думал сдаваться, мы ползли в крошечной темноте, чувствуя друг друга по резкому прерывистому дыханию. Лаз сузился еще больше. Я протискивался дальше с огромнейшим трудом. Вдруг руки нащупали что-то мягкое и склизкое. Испачканная в глине, рубаха беглеца. Самого парня не было.

Где же он? Исчез? Испарился? Проскользнул словно фокусник в игольное ушко сузившегося донельзя хода?

Вопросы остались без ответов. Продвигаться дальше было невозможно, и я двинулся обратно, пятясь по узкому жерлу этого чертова хода. Я потерял больше двух часов, а когда выбрался наружу, едва мог идти, ноги и спину нещадно ломило, будто были пройдены многие десятки километров.

Хорошенько отдышавшись, я двинулся к каменной насыпи, на которой оставалось лежать тело моего товарища Семена Нечаева. К моему удивлению Нечаев сам шел мне навстречу. Я заметил его издалека. Испачканная кровью куртка была изодрана в клочья. Лицо дергалось, будто Семена поразил нервный тик.

– Что с тобой? Как ты здесь оказался? Где Кузин? Объяснись! – набросился я на товарища.

– Н-н-незнаю, – еле слышно проронил Семен.

– Это я, Савва! Узнаешь меня? – я почти кричал.

– Н-н-не з-знаю, н-н-не п-помню, – он пожал плечами.

Кровь из головы продолжала сочиться, крупная дрожь

нещадно била его, заставляя содрогаться всем телом.

– Да очнись ты, тряпка! Мне нужна твоя помощь!

Я ударил Семена по щеке. Прием был на удивление прост и тут же привел моего товарища в чувства.

– Не понимаю, что со мною, – Семен смотрел на меня, словно увидел впервые, – помню, нас было двое, но тот человек, что был со мною, ушел, убежал. Он бросил меня... Потом на меня кто-то напал, какое-то животное. Потом я упал и сильно ударился головой...

– Соберись, Сеня! – прервал я бессвязную речь товарища, – сейчас нам нужно уходить отсюда. Идти ты можешь?

– Могу!

– И то, хорошо! – облегченно вздохнул я.

Мы двинулись по направлению к горам, наш путь лежал через Город Мертвых. Петляя меж бесконечных башенок и могильных насыпей с лежащими на них останками, мы продвигались вперед, но горы не приближались. Мой взгляд упал на странное захоронение. На аккуратно сложенных камнях лежало тело, мумия женщины. Тело было обернуто в шкуру белого волка, а длинные черные волосы заплетены в многочисленные тонкие косички. На голове мертвой покоился странный головной убор. Высокий, похожий на корону шлем был сделан из кожи и украшен большими прозрачными камнями, блестевшими в лунном свете. Ноги мумии были обуты в высокие кожаные сапоги с острыми металлическими шпорами. Рядом с телом лежали маленький корот-

кий меч и искусно отделанный камнями рог, похожий на те, в которые трубили удалые охотники на полотнах старых мастеров.

– Алмазы! – возбужденно выдохнул Нечаев, указывая на камни, – они обработаны кустарным способом. При качественной огранке затмят лучшие образцы.

– Неужели и вправду алмазы! – Я протянул руку к короне, желая получше рассмотреть большой, похожий на куриное яйцо камень, расположенный на самой верхушке головного убора мумии.

– Не вздумай трогать! – Семен неожиданно сильно оттолкнул меня в сторону, – я слышу голоса мертвых. Они предостерегают нас. Их много, великое множество, и все они велят нам убираться восвояси.

Нечаев лег на землю лицом вниз. С минуту он лежал неподвижно, потом вдруг изогнулся дугой, перекатился на сторону и заговорил. Голос его дрожал, глаза были закрыты, а по лицу текли слезы.

– Я оплакиваю вашу судьбу, о люди. Вы сами не ведаете, что творите. Второй раз вы нарушаете наш покой, вторгаясь в неведомый вам мир. Вы никогда не постигните нашей тайны. Это говорю вам я, дочь черного шамана Амирна. Я все вижу, хоть и мертва уже несколько десятков лун.

Семен замолчал, тело его вновь сильно дернулось, глаза открылись. Губы, ставшие вдруг тонкими и бескровными, стянулись в одну линию. Он встал на ноги и потрогал заты-

лок. Кровь остановилась и не текла.

Не говоря ни слова, он двинулся вперед, периодически останавливаясь и хватаясь за голову.

– Кто такая эта Амирна? – спросил я.

– Дочь шамана, что-то вроде здешней принцессы. Я увидел ее живой, девушка неопишуемой красоты. Мне кажется, она хочет спасти нас, хоть мы этого не заслуживаем. Слишком много бед принесла ее подданным первая экспедиция в эти места.

– Что ты можешь сказать о первом десанте, что здесь высадился? – мигом насторожился я.

– Я вижу много крови, – Нечаев передернул плечами, – кровь, кровь. Те, кто пришли сюда проливали ее, не щадя никого. И знаешь, что?

Семен повернулся ко мне всем телом и ожег меня горячим, словно стальной расплав взглядом.

– Что же? – я выдержал его взгляд и не отвел глаза.

– Те, кто приходили сюда до нас, не были похожи на членов простой географической экспедиции. Именно поэтому они нашли здесь свою смерть...

– К черту твои домыслы. У нас есть приказ, и мы доведем дело до конца. Пока все не разузнаем, не уйдем! – я решительно рубанул рукой воздух и приказал, – вперед! В горы. Там скрывается один из местных жителей, о существовании которых мы могли лишь догадываться. Найдем его и допросим, не будет говорить, возьмем с собой. В Москве ему быст-

ренько язык развяжут!

– Как скажешь.

Семен пожал плечами. Видно было, что он не разделял моих мыслей, но вынужденный подчиняться, выполнял приказ. Дальше мы шли молча, лишь изредка обменивались ключими взглядами. Спустя некоторое время, мы вновь оказались возле того места, где покоилось тело дочери шамана.

– Не может быть. Мы шли все время прямо! – в раздражении бросил я.

– Она не дает нам уйти, – голос Семена звучал глухо.

– Поговори с ней, – приказал я, – поясни, что мы не причиним никому вреда. Сделаем свое дело и уйдем, откуда пришли...

– Попробую,

Семен уселся на землю и закрыл глаза. Со стороны казалось, что он спит, но это было не так. Любому из посвященных в тонкости нашей службы было понятно, что именно сейчас Нечаев напряженно работает. Общение с душами умерших – дело трудное и опасное.

Семен молчал примерно полчаса, по прошествии этого времени он поднялся на ноги и махнул мне рукой.

– Пошли.

Я устремился за ним. Расспрашивать, чем закончился «сеанс связи» я не решился, мой товарищ выглядел осунувшимся и усталым. Случившееся с нами за прошедшие сутки не укладывалось в голове и не поддавалась никаким объ-

яснениям. Характер моей службы давно научил меня ничему не удивляться и не искать в происходящих вокруг меня событиях общепринятой логики. Мы живем в пограничном с реальностью мире и вынуждены существовать по законам этого самого пограничья. Не знаю, что говорил Семен мятежной душе Амирны. Но та отпустила нас. Мы беспрепятственно двигались вперед, пока не достигли заросших низкорослым ельником предгорий. Деревья были изогнутыми и почти стелились по земле. Жесткая колючая трава, едва пробивавшаяся на поверхность каменистой почвы, разила больно, словно тысячи игл. Маленькие острые обломки камней были ощутимы даже через подошвы наших сапог.

– Смотри! – Нечаев толкнул меня в бок.

В иссиня черной мгле ночи мелькнул маленький оранжевый огонек. Едва видимый язычок пламени передвигался, поднимаясь все выше в горы. Кто-то нес факел, освещая себе путь. Огонь метался, резко менял направление и тут же возвращался назад, замирал и снова начинал двигаться.

– За ним! Бегом! – скомандовал я, сжимая в руках, добытый в пещере карабин.

Я бежал первый, Семен за мной. Путь был неблизкий и, пропади огонь, мы просто заблудились бы, сбились бы с пути, но огонек продолжал мерцать, служа нам прекрасным ориентиром. Прошло больше трех часов, пока свет факела стал ярче. Мы совсем выбились из сил, перешли с бега на шаг, но о привале не могло быть и речи. Спустя еще час, свет

факела внезапно исчез, но мы увидели еще один огонь, потянуло дымом.

– Стой! Кажется, они близко, а, Савва? – прошептал Нечаев, вытирая пот рукавом изодранной в клочья куртки.

Я не ответил. Сквозь кривые, спутанные меж собой, ветви горного кизила была едва различима поляна с горевшим посередине костром. Костер был разложен возле пещеры. На гладком круглом камне примостилась маленькая девочка лет семи в курточке из дубленой кожи. Ноги малышки были босы. Блестящие черные волосы, заплетенные в длинные тоненькие косички, струились на плечи, спадая вниз из-под островерхой шапки, сшитой из куска волчьей шкуры. Рядом с девочкой прямо на земле восседал высокий костистый старикан в драном армяке и вытертых меховых портах. Старик был без сапог. Его израненные, все в царапинах ноги, были обвязаны толстыми кожаными ремнями наподобие древнеримских сандалий. Морщинистое скуластое лицо со слезящимися от старости раскосыми глазами было непроницаемо и отрешенно. Откинув назад седые неприбранные космы, старик устремил свой взор на трепещущее от ночного ветра пламя костра.

– Что это за люди? – недоуменно глянул на меня Нечаев.
– Сейчас выясним.

Я встал во весь рост и, больше не таясь, пошел к костру. Семен следовал за мной. И старик, и девочка заметили нас почти одновременно. Они смотрели на нас без всякого удив-

ления, словно ожидали нашего прихода.

– Кто такие будете, граждане? – спросил я.

– Староверы, живем здесь, – еле слышно отвечал старик.

– В пещере обретаетесь?

– В пещере...

– А документы у вас имеются? – поинтересовался я.

Дед закрыл лицо руками, тонкие длинные пальцы старика были высохшими, словно стебли увядшей травы. С минуту он так и сидел, словно заслоняясь от нас сомкнутыми пальцами темных от солнца ладоней.

– Документы имеются?! – повторил за мной Семен.

Старик молча помотал головой. Девочка зябко передернула плечиками и вдруг уставилась на нас с Нечаевым. Большие темные глаза малышки жгли насквозь, и сейчас, спустя столько лет, я отлично помню этот пронизательный взгляд, в котором смешалось, казалось бы, несовместимое. Ненависть и жалось к нам, нарушившим их покой, сквозили в тех маленьких лучах, что бросало на нас это почти первобытное создание. Слившись воедино, два этих противоположных чувства жгли нас словно огнем. Взгляд жил отдельно от своей маленькой хозяйки и был осязаем, как может быть осязаемой боль от страшного ожога. Тогда я отмахнулся от этого взгляда...

– В пещеру, шагом марш! Посмотрим, кого вы там прячете! – гаркнул я, сам ужасаясь лающего звука своего голоса.

Взяв карабин наизготовку, я толкнул мыском сапога под-

нявшего с земли старика. Тот, взяв девочку на руки, торопливо посеменил к черневшему, словно беззубый рот, входу в пещеру.

– Быстрее! – я еще раз пхнул старика, на сей раз дулом ружья, – торопись. У нас мало времени!

– Девчонку, дед, отдай мне! А сам иди вперед! – приказал Нечаев.

Старик повиновался, при входе он споткнулся, но все-таки устоял на ногах. Тяжело дыша, старик прошел внутрь пещеры и засветил небольшой факел, который лежал возле стены.

При свете стала видна старая, изодранная в клочья шкура волка. На ней, сжавшись в комок, лежал модой парень. Его тело было сплошь покрыто страшными кровоподтеками и ранами, на которых были наложены собранные пучками травы. Рядом с ложем страдальца стояла выдолбленная из дерева миска с питьем и сделанный из древесной коры ковш. Парень еле слышно стонал. Время от времени стоны прерывались страшными приступами лающего кашля. Худое израненное тело несчастного сводило страшными судорогами, от одного созерцания которых делалось дурно.

– Кто это, старик? – я указал на лежащего на шкуре человека.

– Мой сын, – был ответ.

– Кто его ранил?

Старик молчал. Опустив почти лишённые ресниц веки,

он, казалось, уснул. Уголки тонких губ опустились вниз, а сморщенные, словно печеные яблоки, щеки слегка подергивались, когда старик тяжело выдыхал воздух.

Я наклонился над парнем и откинул с его горячего, открытого крупными каплями пота лба мокрую прядь волос. Лицо раненого было мне незнакомо. Тот, с кем дрался я, был крепче и много старше. Этот же выглядел совсем юнцом, лет семнадцати, не больше.

– Выйдите, дайте ему умереть, он уже не жилец, – не открывая глаз, проронил вдруг старик.

Не сговариваясь, мы с Нечаевым двинулись к выходу. Костер воле пещеры почти потух, и мне стоило немалых трудов раздуть угасающие угли. Усевшись возле огня, мы ждали появления старика и девочки, но к нам никто не выходил. Прошло полчаса. Мы все еще слышали страшные, надсадные хрипы умиравшего, теперь они стали еще громче.

– Проверь, как там дела, – приказал я Семену.

– Слушаюсь, – Нечаев пошел к пещере, но, едва войдя внутрь, бросился обратно, – там никого нет!

– Не может быть! – я кинулся в пещеру и остановился, пораженный увиденным внутри.

На старой затертой до дыр шкуре лежал белый волк. Шкура его была в крови, пасть широко открыта, а длинный язык вывалился наружу.

– Откуда взялась здесь эта тварь? – Нечаев брезгливо ткнул в морду хищника носком сапога.

– Не глупи, Семен! Забыл, где служишь? Это тот парень, что стонал здесь менее получаса назад. Теперь он мертв и вернулся в свое естественное состояние. Старик и девчонка сбежали, обведя нас вокруг пальца. Держу пари, где-то здесь имеется подкоп, или потайной лаз.

– Оборотни? – Семен опустился рядом с телом зверя и внимательно осмотрел черные, вылезшие из орбит глаза волка.

– Они самые, – кивнул я.

Я принялся внимательно осматривать стены пещеры. По всему периметру они были завалены полусгнившими шкурами, наброшенными вперемешку с увядшей травой. Задышавшись от омерзения и, зажимая нос от страшного удушливого запаха псины, я принялся отбрасывать шкуры в сторону. Семен стал помогать мне. В одном месте обнаружился узкий черный ход, уходящий куда-то вниз. Земля, наваленная рядом с неровным лазом, была свежей. Вероятно, тут старик выбирал осыпавшуюся в узкий проход землю.

– Вот он, их путь отступления, у них тут потайной лаз! – бросил я, – человеку не пройти, а волк прошмыгнет запросто.

– Где же их теперь искать? – хмуро поинтересовался Семен.

– Не знаю...

Я устало присел на корточки и привалился спиной к холодной влажной стене пещеры. Мои ноги дрожали, а тело

болело так, будто его долго ломали на самой страшной дыбе. Веки отяжелели, а дыхание стало прерывистым и свистящим, словно легкие уменьшились в размерах и перестали справляться со своими обязанностями.

– Семен, – окликнул я товарища, – не понимаю, что со мной творится. Кажется, у меня жар, испанка! Наверное, я простыл...

– С тобой что-то неладное. Откуда у тебя этот странный шрам на шее? – Семен с тревогой смотрел на меня.

– Шрам? – я провел рукой по заросшей щетиной коже, – не знаю. Кажется, меня укусила одна из этих тварей.

Я отвернулся к стене. Мое тело ходило ходуном от страшных судорог. Озноб! Озноб, мне стало очень холодно!

– Семен, – пробормотал я, едва ворочая языком, – уйди отсюда, товарищ Нечаев. Мне плохо, Сеня, не смотри на меня сейчас.

– Ты в своем уме? – Нечаев взглянул на меня, как на сумасшедшего, – я не стану бросать тебя тут одного.

– Уйди отсюда! – прорычал я, теряя терпение, – прошу, послушайся.

– Ладно, ладно. Как скажешь. Можно, я возьму с собой ружье? – Нечаев попятился к выходу.

– Не тронь карабин, – я потянул оружие к себе, – я отлежусь немного и найду тебя сам. Будь неподалеку.

– Как скажешь...

Семен кивнул головой и вышел. С минуту я лежал без

движения, но вдруг выгнулся дугой и стал сучить ногами. Никогда не думал, что сам когда-нибудь стану оборотнем. Проклятая тварь сделала меня себе подобной. Ее мерзкий укус не прошел даром. Я вспомнил, как во время схватки противник пытался впиться мне в горло. Царапина оказалась роковой, слюна твари проникла в мою кровь, и теперь мне хана! Нет больше бесогона Сорокина! Вместо старлея МГБ на свет родилось новое существо, нежить, место которому среди нормальных людей просто нет! И выход из этой тупиковой ситуации только один!

Я стянул ставший вдруг тесным сапог и размотал мокрую от крови портянку. Ногти на ноге заострились и стали похожи на страшные когтищи лесного чудища. Нужно успеть. Я приставил ружье к сердцу и сунул палец ноги в холодную металлическую скобу, к курку.

Может быть, лучше стреляться в голову? Смерть придет мгновенно. Правда, тогда серебряная пуля омерзительно размажет мозги по стене пещеры. Будет страшно некрасиво и неловко перед Нечаевым, который обязательно обнаружит меня лежащего на этих вонючих шкурах с развороченной головой...

Нет, лучше пустить заряд в сердце! Давай, Савва! Чего ты ждешь? Я закрыл глаза и тут же отлетел к стене, отброшенный непонятной силой. Такого мощного удара я не получал никогда.

Страшная боль, вошла в меня грубо и властно, заполнив

собой весь мозг и, обездвигив тело. Словно в забытьи я увидел рядом с собой старика с тлеющей головней в высохших руках. Склонившись ко мне, старик смотрел, будто, сквозь меня. Рядом стояла закутанная в шкуру волка черноглазая девочка. Вытянув маленькие ручки, она протягивала ко мне выдолбленную из дерева миску с каким-то дымящимся варевом.

– Рано! – старик сделал ей знак отойти.

Девочка повиновалась. Она не сводила с меня своих черных глазенок и тревожно шевелила губами, словно читала какую-то свою, одной ей известную молитву. Старик опустился на колени рядом со мной и принялся водить по моему телу тлеющей головней. К моему удивлению головня разгорелась странным зеленоватым пламенем. Время от времени она вспыхивала острыми длинными языками и, наконец, потухла, пыхнув напоследок чадящим черным облаком.

Старик устало опустил голову и в изнеможении пал на землю. Ко мне подошла девочка и поставила предо мной все еще дымящуюся миску.

– Пей, – еле слышно произнесла она.

– Что это, малышка? – едва разлепляя ссохшиеся губы, произнес я.

– Кровь, – был ответ девочки.

– Чья кровь? – не понял я.

– Теперь твоя, – она осторожно подвинула ко мне миску, – пей. Это поможет тебе, ведь ты не хочешь стать одним из

нас, – грустно улыбаясь, прошептала она.

Я принял у нее из рук миску и с ужасом увидел в ней бурю жидкость с характерным запахом. Ошибки быть не могло. Это действительно была кровь. Я осторожно наклонился к миске и, затаив дыхание, сделал первый глоток. Питье было горячее и необычайно терпкое. У меня даже захватило дух, но я не отрывался от миски, пока не выпил все до капли.

Девочка молча взяла пустую миску и повернулась уходить, старик, поднявшись с пола пещеры, устремился за ней.

– Стойте! – почувствовав себя значительно лучше, я вскочил на ноги, – объясните мне, кто вы такие, и что тут происходит?

– Мы долго жили здесь. Это была наша земля, – выдохнул старик, утирая струящийся по морщинистому лбу пот, – люди, пришедшие сюда, отняли у нас сначала землю, а теперь еще и саму жизнь. Она не похожа на вашу, но все-таки это жизнь...

Он двинулся в глубь пещеры, старый, немощный и жалкий. Я не мог поверить, что он выбил у меня из рук тяжелый карабин. Девочка молчала, она сделала маленький шаг назад и зябко передернула плечиками под старой вытертой шкурой.

– Ты будешь жить, – вымолвила она.

– Оставь ребенка нам. Мы отправим девчущку на большую землю. Что ты сможешь дать ей в этой жалкой дыре? У нас есть школы и больницы, – крикнул я старику, но тот

даже не повернулся ко мне.

– Дай нам уйти, – проронил он глухо, – уходи, и не смотри на то, что будет здесь происходить.

– Дай сказать слово своей малышке, – не сдавался я.

– Она нема от рождения, – старческий голос дрогнул.

– Может быть, ты когда-нибудь и увидишь меня, – вдруг тихо проговорила девочка.

Я с удивлением глянул на нее. Крохотное создание, похожее на маленькую грустную куклу, она не произнесла ни слова, рот девочки оставался закрытым, но я четко слышал ее голос и даже чувствовал, что она слегка заикается.

– Будь по-вашему, – сдался я.

Повернувшись, я пошел к выходу, оставив старика и девочку одних. Подобрал по пути карабин, я выбрался из пещеры и удивленно присвистнул. Ночь прошла. На улице был день. Сумрачный и хмурый, хотя другой погоды я здесь никогда не видел. Всегда нависшие над головой свинцовые дождевые тучи. Не выходящее из-за них тусклое солнце лишь обозначало свое присутствие блеклым расплывчатым пятном, терявшимся там, в серой бесконечности небесного свода.

Нечаева рядом с пещерой не было, я нашел его в нескольких километрах, неподалеку от Города Мертвых. Семен пробирался по тропинке, ведущей к лагерю пропавшей экспедиции. Увидев меня, он остановился и вскинул руку с зажатым в ней ТТ.

– Грабли в гору! – процедил он сквозь зубы.

– Ты что, Семен, ошалел?! Убери ствол! Это ж я, Савва.

– Сорокин мертв. Я сам видел его тело! Кто ты, мне неведомо.

– Брось дурить. Помнишь, как на мой день рождения гуляли в «Астории»? А блондинку в норковой горжетке, за которой ты увивался, помнишь? Ты еще схватился с ее ухажем, каким-то шишкарем из министерства торговли...

Пистолет в руках Нечаева слегка дрогнул.

– Савва? Я сам видел тебя мертвым. Ты остался лежать на полу пещеры. С тех пор прошло уже больше суток...

– Не верь всему, что видишь здесь, – только и смог вымолвить я.

Мы пошли вниз вместе. Я забросил ружье за спину, но Семен все еще держал в руке пистолет.

– Откуда у тебя оружие, Сеня? Ведь ты уронил его в воду, когда дрался с Кузиным.

– Он дал, Кузин, – нехотя ответил Семен.

– Где кстати, этот ученый червь? Он с тобой? – повернувшись к другу, спросил я.

– Федор тут, неподалеку. Он обходит Город Мертвых с другой стороны. Эти твари здесь. Старик и девочка – натуральные оборотни, которых мы с тобой так позорно упустили. Мы их непременно возьмем и доставим на большую землю. Пусть послужат науке...

Я похолодел. Старик оказался прав. Пришедшие на эту

таинственную землю приносили ее обитателям лишь беды и страдания. Теперь я и сам убедился в этом.

– Брось, Семен, – попытался я урезонить товарища, – от старика и девчонки нет никакого вреда. Они никого не убивают, а живут тут тихо и уединенно. Пусть остаются здесь, а мы уйдем. Я лично доложу Дадуа, что в здешних местах ничего демонического нет.

– А погибшая экспедиция? А сокровища, что таятся где-то тут? А полудикие аборигены с их тайнами? – не унимался Семен, – кто раскроет все, что скрыто тут?

Его взгляд стал похож на взгляд сумасшедшего. Глаза, вылезшие из орбит, сверкали нечеловеческим блеском, от которого становилось страшно даже мне потомственному бесогону.

– Не узнаю тебя, Семен, – вырвалось у меня.

– А я вот вас не узнаю, товарищ Сорокин, – раздалось откуда-то со стороны.

Голос был мне смутно знаком, но интонации говорившего были чужими, непривычными. Я медленно оглянулся, на меня смотрел ученый муж Федор Кузин. Но это был другой Федор, не тот безобидный чудак, что отправлялся с нами со спецэродрома. На меня смотрел уверенный в себе человек, статный, сильный и безжалостный. Его цепкий колючий взгляд был слегка насмешливым. Кузин держал в руках карабин, ствол которого глядел прямо мне в грудь.

– Положи ружье на землю, Савва. Ствол теперь бесполе-

зен, твари, в руках которых ты только что побывал, успели разрядить карабин, – бросил ученый.

Черт, Кузин не ошибся, оружие было действительно разряжено. Обойма была пуста. Серебряные пули исчезли.

– Убедился, старлей?

Кузин вскинул свое ружье и передернул затвор.

– Собрался стрелять? Хочешь меня убить? – поинтересовался я.

– Пока нет, – отмахнулся Кузин, – твоя жизнь мне не нужна. Мне нужны эти твари. Живые, или мертвые. Лучше, конечно, живые.

– Будешь проводить над ними научные эксперименты? Вряд ли тебе это удастся.

– Не твое дело. Ты, я вижу, попал под влияние мерзких оборотней. Что ж, внушать мысли эти твари умеют. Только они просчитались. Со мной у них этот фокус не пройдет, – взгляд Кузина стал серьезным, – Семен, – окликнул он своего сослуживца, – помоги связать своего бывшего командира. Он болен и не пригоден для выполнения поставленных перед нами задач.

Семен молчал. Он переводил затравленный взгляд с меня на Кузина и не знал, как ему поступить.

– Не подчиняйся ему, Сеня! Он задумал что-то плохое, – отчаянно крикнул я.

– Делай, как я говорю. Мы все выполняем одну задачу, тот, кто идет против нас – предатель, – голос Кузина был

спокойным и даже немного скучным, словно он читал давно набившую оскомину лекцию.

Семен неуверенно двинулся ко мне. Кузин кинул ему веревку, и Сеня ловко поймал ее на лету.

Я прикинул расстояние. Нет, Кузин стоял достаточно далеко от меня. Достать его в прыжке и выбить карабин не получится, Семен тоже не слабак, чемпион Москвы по самбо, драться с таким себе дороже. Я протянул к нему руки.

– На, вяжи, вяжи, Семен, своего сослуживца, – бросил я.

Нечаев не ответил, он даже не смотрел на меня. Сжав зубы, он начал скручивать мне руки.

– Полегче! – я дернулся всем телом и сильно толкнул Семена, тот выругался.

– Помоги! – бросил он Кузину, спокойно курившему в сторонке, тот отбросил папиросу и неспешно подошел ко мне.

– Дай веревку! – Кузин легко вырвал моток из рук Семени, – смотри, как это делается!

Федор подошел ко мне с улыбкой. Походка ученого стала несколько иной, нельзя сказать, что она сильно изменилась, но стала уверенней и легче.

Теперь Кузин уже не походил на неуклюжего медведя, которым представлялся мне в самом начале знакомства. Да и от его чудаковатого образа остались одни воспоминания. До конца сыграв свою роль, он перестал претворяться и стал самим собой, властным, расчетливым и жестоким.

– Будет немного больно, – обнажая в улыбке крепкие прокуренные до самых корней зубы, пробормотал ученый.

Старался Федор на славу. Путы больно резали руки, впиваясь в кожу, они оставляли на ней глубокие рубцы. Руки немели и престаивали слушаться. Этот вяз был сильным и особенно болезненным, таким, что наручники по сравнению с ним казались легкомысленными дамскими браслетами. Покончив с руками, Кузин умело и быстро связал мне щиколотки, теперь передвигаться можно было лишь небольшими шажками. Такое умение ученого Федора Кузина было настолько неожиданным, что я не удержался.

– Подобным Макаром вязали пленных красноармейцев матерые эсесовцы. Ты не у них ли научился? – я взглянул на раскрасневшегося от усердия Кузина.

– Заткнись, – он толкнул меня ногой, – вставай и топай вперед, – приказал он мне.

Я молча поднялся с земли и поковылял по узкой усеянной острыми камешками тропе. Я едва шел, неловко переставляя непослушные, ставшие вдруг такими тяжелыми ноги. Кузин время от времени толкал меня прикладом карабина, а Семен шагал рядом, отрешенно глядя прямо перед собой. Не проронив ни слова, мы шли часа четыре. Местность вокруг казалась мне знакомой, вскоре я увидел воткнутую в землю жердь. На вершине ее виднелся полуистлевший белый флаг. Становище предыдущей экспедиции. Зачем Кузин привел нас сюда? И почему мой сослуживец Семен Нечаев

слушается его, будто этот странный человек является его командиром? Что происходит здесь, и от чего все это кажется нереальным и страшным?

– Останемся здесь до утра! – распорядился Кузин.

Семен лишь кивнул головой. Мы прошли внутрь этого странного сооружения. До сих пор, по прошествии стольких лет, я не могу точно сказать, что же это было...

Каменный шатер с необычным сводчатым потолком? Или некое подобие рукотворной пещеры, в котором одно время жили странные, мало похожие на нас существа, за которыми охотились те, кто нашел здесь свою смерть? Может быть, это их обиталище, или здесь находилось место, где эти полу-люди – полу-звери творили свои молитвы и приносили жертвы своим таинственным богам? Я не могу дать ответа на этот вопрос.

Серые закопченные огнями многолетних очагов камни нависали над нами, словно тяжелые грозовые тучи. А не погребенные мертвецы смотрели прямо перед собой темными пустыми глазницами. Вдалеке раздался протяжный волчий вой, ему ответил другой, этот зверь был гораздо ближе, может быть, рядом с нашим жутким убежищем...

– Стереги его, Семен! Я скоро вернусь! – Кузин махнул в мою сторону дулом ружья и бросился к выходу.

Семен привалился спиной к гладкому сырому валуну, лежавшему возле большого разрушенного самим временем жертвенника. Плоская каменная плита была запачкана дав-

ным-давно засохшей кровью.

– Это ты написал на меня донос? Тогда, полгода назад? – вдруг спросил Семен.

Я едва не лишился дара речи. С минуту я не мог ответить, лишь хватал ртом воздух, выпучив глаза, словно выброшенная на берег рыба.

– Лишь сейчас я понял, что это сделал ты, Сорокин! Больше никому...

Семен бросил на меня острый, ненавидящий взгляд, от которого у меня пошли мурашки по телу.

Нечаев нес абсолютную чушь. Полгода назад он и еще один офицер – новичок нашего отдела отправились в пригород покоренного Берлина. Там погиб майор интендантской службы, его нашли задушенным в одном старинном замке. Хранительница замка, пожилая немецкая фрау утверждала, что офицера задушила старая рыцарская перчатка. Она хранилась в замке, как семейная реликвия и, де, отомстила за погибшего от советских пуль хозяина дома, молодого аристократа, который состоял адъютантом у одного фашистского генерала.

Командировка обернулась новой трагедией. Напарник Нечаева был также задушен, правда перчатка оказалась тут не причем. Выяснилось, что под маской хранительницы замка скрывалась мать погибшего немецкого аристократа, которая таким образом мстила за сына.

Нечаев быстро докопался до истины, но сообщать ре-

зультаты своего расследования тамошнему командованию не стал. Он поступил проще, самолично пустил в расход мстительную бабку и отбыл восвояси.

О происшедшем он рассказал лишь мне. Я смолчал, но нашего шефа обмануть весьма не просто. Вахтанг Дадуа, быстро догадался о самосуде и, рассвирепев, едва не отдал подчиненного под трибунал. Спасло Нечаева то, что офицеры нашего отдела – товар штучный, и быстрой замены ему найти не удалось бы. Тогда Дадуа лишь припугнул Семена, сообщив тому, что правда вскрылась, и о его проступке отлично известно на самом верху..

Теперь Семен обвинял в доносительстве меня. Он не шутил, а был серьезен, как никогда, но, обозвав меня доносчиком, Нечаев поступил крайне неосмотрительно. Подобные обвинения нужно предъявлять лишь в том случае, если ты точно уверен в том, что твой сослуживец – стукач. Я же стукачом не был!

– Я не писал на тебя, Сеня! – стараясь не потерять остатков самообладания, сообщил я

– Писал. Только здесь я понял это! Если б ты не был сейчас связан, я б вызвал бы тебя на дуэль, – Семен вновь обжег меня своим презрительным взглядом, – на смертельную дуэль, до последнего вздоха!

Он сжал кулаки, я видел, как ему хочется ударить меня, но теперь я и сам жаждал поквитаться с ним за оскорбление.

– Если ты не трус, развяжи меня, – тихо попросил я.

– Развязать? – Семен криво усмехнулся и достал из-за голенища сапога трофейный нож, – что ж, воля твоя, пожалуйста!

Он резанул обвивавшие меня, словно змеи, веревки. Я, растирая онемевшие руки, встал перед ним в боевую стойку.

– Начинай! – приказал я.

– Я ведь самбист, мигом уделаю тебя!

В глазах Семена появилось что-то отдаленно напоминающее жалость. Нечаев отступил на шаг назад, но теперь волна непонятно откуда взявшейся ярости накрыла меня с головой. Руки сами сжались в кулаки.

– Тогда начну я! Берегись!

Я рванулся вперед и со всей силы ударил Семена в правое плечо. Во время войны Нечаев был ранен именно в правое плечо, я отлично знал это и бил соперника именно туда. Семен охнул и отступил назад. Я воспользовался этим и тут же провел серию ударов в голову. Пара из них оказалась очень болезненными. Нечаев рухнул на колени, и я тут же ударил его ногой в корпус, а затем и в лицо. Теперь Семен, не проведший ни одного приема, лежал на полу этого первобытного обиталища, а я, не помня себя от ярости, бил соперника по лицу, раз за разом превращая его в кровавое месиво.

– Какого черта ты слушаешь этого мерзавца Федора Кузина? Неужели не видишь, он не тот, за кого себя выдает? Ты ж бесогон, Сеня.

Я занес руку для очередного удара и вдруг остановился,

пораженный страшным зрелищем. Семен лежал ничком и не подал признаков жизни, алая кровь медленно стекала с уголков его губ.

– Семен!

Только сейчас я пришел в себя, вид избитого до полусмерти товарища миготом отрезвил меня. Кто мог так изуродовать моего сослуживца? Неужели это был я, или тот, кто безраздельно властвовал надо мною еще минуту назад? Ужас и отчаяние заполнили собой все мое сознание, вытеснив из него все остальные мысли, казавшиеся теперь совсем мелкими и никчемными.

– Сеня, – я опустил перед другом на колени и вытер с его лба липкую горячую кровь.

– Савва, – голос моего напарника был едва слышен, словно он говорил сквозь толстый слой ваты, – Савва, здесь что-то не так! Мы не мы, мы сами становимся тут зверьми, Савва...

– Пойдем отсюда, здешние места прокляты. Теперь мы и сами убедились в этом.

– Я не могу идти, я почти ничего не вижу, вокруг одни тени. Давай дождемся утра, – попросил Нечаев.

– Нет, двинемся сейчас, пока мы с тобой друг друга не поубивали, – решил я.

Я помог Семену подняться и повел его вниз, к бешено катящейся по своему руслу Аюгре. Ее неумолчный грохот был слышен в ночи особенно хорошо, казалась, воды не обегали с

невероятной быстротой огромные гладкие валуны, попадавшие им на пути, а со страшной силой толкали эти каменюки перед собой.

– Давай отдохнем, – предложил Семен.

– Привал, – согласился я.

Я уселся возле высокого трухлявого пня, усеянного крупными яркими светляками. Семен лег на сырую от ночной росы траву.

Шум речных перекатов заглушал остальные звуки ночи. Начал накрапывать мелкий колючий дождь. К неумолчному реву Аюгры присоединился грохот грозových раскатов. Сверкнула молния.

– А где же сейчас Федор Кузин? – спросил вдруг Семен, – ты прав, этот тип не тот, за кого себя выдает. Он преследует какие-то свои, лишь ему известные цели. Нужно доставить его в Москву, пусть там с ним разбираются!

Семен взглянул на меня, но я молчал. Сейчас я хотел лишь одного: оказаться подальше от здешних мест.

– Ты чего? Язык проглотил? – Семен посмотрел на меня с удивлением.

– Послушай, Сеня, – я старался говорить спокойно, – нам нужно немедленно уходить отсюда. Как можно быстрее, и как можно дальше. Убираться отсюда ко всем чертям. Неужели ты не чувствуешь гибельную ауру этих мест? Находящиеся здесь гибнут, или теряют рассудок. Я не хочу умирать, и не желаю становиться безумцем.

– А как же Кузин?

– Кузин сдохнет здесь. Он – псих, и никогда не выберется отсюда.

– Мы чекисты, а Кузин – враг! – Семен смерил меня презрительным взглядом, – я пойду за ним один, а ты делай, что хочешь.

– Далеко ли собрался? Ты ж едва на ногах держишься, – грустно усмехнулся я.

– Не твое дело, все равно пойду, – огрызнулся Нечаев.

– Иди. Кто тебя держит? – буркнул я.

Семен поднялся с земли и, медленно ступая, двинулся вперед. Я смотрел ему вслед и почти физически ощущал, как ему тяжело идти. Сейчас, в крошечную темень, усугубленную дождем и грозой искать Кузина было сущим самоубийством. Рядом ощерилось узким злобным оскалом глубокое ущелье. Кузин бывал здесь раньше и знал эти места лучше нас. Я отлично понимал это, но не мог отпустить Семена одного! Стыд, который накрыл меня с головой, ел мне глаза и медленно, но верно выжигал на покрытом испариной лбу слово «предатель». Тот, кто испытывал подобные чувства, знает, как они нестерпимо горьки и тяжелы.

– Стой!

Я поднялся догнать Семена. Я даже окликнул его, но мой голос заглушил звук выстрела. Хлесткий, словно удар хлыста, он нагло ворвался в сонм ночных звуков, заглушив на мгновенье даже грохот Аюгры.

– Стреляли совсем рядом, чуть южнее, у ущелья – с ходу определил Семен.

Вслед за первым выстрелом грянул второй, не успело смолкнуть его эхо, как раздался долгий, звериный вой, перешедший в надсадный кашель, который сменился громким с присвистом хрипом.

– Дай сюда ствол! – я выхватил у Семена пистолет, – я пойду и возьму этого Кузина. Будь он человек, или самая поганая нежить, я возьму его!

– Пистолет не заряжен! – предупредил Семен, – я сам разрядил его и выбросил патроны, боялся, что застрелю тебя во время ссоры. Не совладаю с собой и...

Он не договорил, но я и так понял его. Сейчас было не до слов. Я помчался на звук выстрелов. Громовые раскаты смолкли, зато молнии продолжали сверкать, разрывая низкое темное небо, сверкающие стрелы освещали все вокруг мертвым белым светом. Дождь усилился и больно бил по лицу, словно тысячи иголок впивались в кожу, оставляя на ней свои саднящие отметины.

Я бежал, скользя по раскисшей от ливня тропе, бежал к ущелью. Именно там происходило сейчас нечто страшное и непоправимое. Очередная зарница полыхнула так ярко, что я едва не ослеп. В следующую секунду я заметил лежащего возле самого края пропасти старика. Я сразу узнал его, это был он, тот, кто спас меня от неведомой напасти в ту страшную ночь, когда я корчился в муках на каменистом полу пе-

щеры.

Сейчас старик лежал на спине, широко раскинув в стороны длинные худые руки. Старая затертая до дыр волчья шкура, которая служила ему одеждой, была мокра от крови. На груди чернела страшная с обугленными краями рана от пули. Старик еще жил, голова несчастного мелко дрожала, из горла вырывался страшный предсмертный хрип. Федор Кузин застыл в нескольких шагах от своей жертвы, взгляд его был устремлен на гору, поросшую тонкоствольным низеньким ельником. Маленькие кривые, словно скрученные рукой неведомого великана деревья пригибались к земле от поднявшегося вдруг ветра. Я залег за поваленным грозой деревом.

– Позови ее! Слышишь, старик?! – прорычал Кузин.

Старик молчал, тогда Кузин шагнул к горе, сложил руку рупором и прокричал:

– Иди сюда! Его еще можно спасти! Слышишь?!

Эхо многократно усилило его крик, Старик дернулся, и из последних сил попытался подняться, но Кузин ударил его прикладом своего карабина. Несчастный упал навзничь.

– Руки в гору! – я вышел из тени и наставил на ученого пустой пистолет.

Кузин отскочил в сторону и выстрелил, острая боль пронзила руку, кисть больше не слушалась меня. Пистолет, жалобно звякнув, упал на камни. Стрелял Федор отменно.

– Ты еще жив? – он подошел ко мне, ухмыляясь во весь

рот, – вы со своим сослуживцем еще не поубивали друг друга? Очень жаль, теперь мне придется выполнять черную работу самому.

Он вскинул карабин и нацелил ствол мне в грудь.

– Жаль, что ты подохнешь, так ничего и не поняв, – процедил он сквозь зубы.

Я молчал, не дам ему радости увидеть меня растерянным, или, что еще хуже, напуганным.

– Стреляй, – проронил я.

Кузин целился тщательно и, как мне показалось, с удовольствием.

– Хочу, чтоб ты умирал в муках, – криво усмехнулся он.

Я понял, что это конец и бросился на врага, намереваясь умереть в бою. Грянул выстрел, но Кузин промахнулся. Краем глаза я успел заметить, как маленькая серебристого окраса волчица, словно молния, вылетела из ельника и бросилась на моего врага.

– Ты звал меня, и вот я пришла! – отчетливо услышал я девичий голос.

Кузин тоже его слышал и, хоть не было сказано ни слова, он даже попытался ответить ей.

– Чертовка! Ты все-таки привела меня, – прохрипел он, медленно заваливаясь на бок.

Я тоже отскочил назад, остановилась и волчица. Ее морда была в крови. Волчица внимательно наблюдала за корчившимся от боли врагом. Впрочем, его мучения длились

недолго, вскоре Федор затих. Кузин лежал на земле, свернувшись калачиком. Казалось, он спит невинным сном младенца. Я подошел к нему и осторожно перевернул тело на спину. Глаза мертвеца вылезли из орбит, а в уголках рта запеклась кровь. Горло Федора было растерзано, и я накрыл рану своей кепкой.

– Он мертв? – сзади меня раздался голос подоспевшего Семена.

– Кто бы он ни был, теперь он мертв, – подтвердил я.

– Это ты его, так? – Семен замялся, во все глаза рассматривая большую лужу крови, которая уже успела вытечь из растерзанного тела Федора.

– Нет, это она, – я указал на лежащую возле трупа волчицу.

– Что будем делать? – спросил Семен.

– Уходить отсюда!

– Прямо сейчас, ночью?

– Да, прямо сейчас...

Я пошел к реке, Семен неуверенно двинулся за мной. Волчица поднялась со своего места и, обогнав нас, тихо пошла впереди. Мы двинулись за ней. Так продолжалось несколько часов. Наконец стало светать. Мы остановились на привал. Волчица, тоже. Мы устроились прямо на сыром мху и тут же провалились в сон. Проснувшись, мы увидели ее, лежащей подле нас. Так продолжалось несколько дней. Днем мы шли за нашей молчаливой провожатой, ночью останавливались,

делая привал. Она охраняла нас и даже приносила пищу. Раз, пробудившись поутру, мы нашли в ногах тушку зайца и тут же зажарили его на костре. Мы привыкли к такой спутнице и даже стали считать ее членом нашего малочисленного отряда. Несколько раз я тайно наблюдал за ней ночью, но волчица вела себя так же, как и днем. Чего я ждал от нее? Пожалуй, я и сам не смог бы ответить на этот вопрос.

Я усиленно вслушивался в окружающие звуки, пытаюсь уловить тихий, словно, идущий из небытия девичий голос, но голос молчал. Прошло больше недели, как мы пустились в обратный путь. Мы шли вдоль русла Аюгры, и я прикидывал, сколько километров отделяют нас от аэродрома майора Лысакова, за которым начиналась другая, привычная для нас жизнь, как вдруг...

– Ты ничего не слышишь, Савва? – спросил Семен.

– Нет, разве что шум вод Аюгры,

– Люди, они где-то неподалеку, – Семен прислушался, – слух у меня отменный, никогда не подводит...

– Брось, – недоверчиво усмехнулся я, – до владений Лысакова еще очень далеко.

– Посмотри на нее, она тоже их чувствует, – Нечаев указал на волчицу.

Она и вправду сильно занервничала, наострила уши, и даже начала бегать вокруг нас, словно ища защиты от неизвестных ей врагов.

– Может, она чувствует медведя? – предположил я.

– Это люди. Она чует людей, – отрезал Семен.

Мы двинулись вперед, волчица неуверенно двинулась следом. Теперь она держалась позади, то и дело поворачивала назад, но, как бы поразмыслив, вновь догоняла нас.

Примерно через час мы заметили цепь людей в синих шинелях. Синие же фуражки с красным околышем. Сомнений быть не могло, это был отряд войск МГБ. В руках бойцов были автоматы. Прямо за цепью медленно полз зеленый, похожий на большого неуклюжего жука вездеход. Трофейная машина тащила за собой черный фургон, напоминающий по виду огромную клетку, в которой свободно уместился бы небольшой слон.

– Что это за цирк-шапито? – присвистнул от удивления Семен, – они что, там с ума все посходили что ли?

Он выскочил из-за большущего валуна, за которым мы скрывались, и, сняв с головы шапку, подкинул ее вверх.

– Это мы! Старший лейтенант Сорокин и лейтенант Нечев! – прокричал Семен.

Ответом ему была автоматная очередь, стреляли явно для острастки, пули летели веером высоко над нашими головами. Одна из них срезала ветку стоящего рядом граба, и та упала вниз прямо к моим ногам.

– Что за черт?! – вне себя от злости прорычал Семен. – Мы – свои. Прекратите огонь! Как тебе нравится такая встреча?

Он повернулся ко мне, ожидая ответа, но я молчал, мной овладела вдруг такая усталость, что я не мог вымолвить ни

слова.

– Товарищи офицеры! – раздался вдруг усиленный рупором голос Вахтанга Дадуа, – немедленно бросайте оружие и подходите к вездеходу, подняв руки вверх.

– Час от часу не легче, – пробормотал Семен, – чего с ней-то делать будем? – он мотнул головой в сторону тревожно поскуливавшей волчицы.

– Может, из-за нее и весь сыр-бор? – неуверенно предположил я. – Уходи! Иди восвояси. Здесь тебе будет плохо!

Я замахал на волчицу руками, но она не двинулась с места.

– Что ж, делай, как знаешь, – устало бросил я ей.

Мы с Семеном подняли руки вверх и медленно двинулись к машине. Ребята-автоматчики остановились и, не стесняясь, пялились на нас. Я заметил на их лицах странное выражение. Так смотрят на больных или убогих. Смесь жалости и брезгливости, от таких взглядов хочется провалиться сквозь землю, так они неприятны.

Я оглянулся посмотреть на волчицу, маленькая и жалкая, она все еще понуро брела за нами.

– Вот она! Стреляйте! – раздался голос Дадуа.

Из цепи выступил вперед один из бойцов, вооруженный странным длинноствольным ружьем. Парень прицелился и выстрелил, из дула вылетела короткая серебристая стрела. Стрела ударила волчицу в самое сердце, тихонько, по-щенячьи взвизгнув, она упала наземь. К лежащей на боку волчице бросились сразу двое: невысокий худенький человечек в

кургузом пальтеце и в шляпе на большой лысой голове и милостивая женщина в старенькой котиковой шубке и шляпке-таблетке. Все это время они сидели в кабине вездехода, теперь же, проворно выбравшись наружу, парочка принялась разглядывать тушку волчицы. Оживленно переговариваясь, они потащили ее в клетку. Дадуа внимательно следил за их действиями и лишь, когда парочка удалась, подошел к нам.

– Товарищ Дадуа, офицеры вверенного вам спецотдела... – стал, было, докладывать я, но Вахтанг предупредительно поднял руку.

– Все доклады и отчеты потом. Сейчас вас отвезут в больницу. Своеобразный карантин. После его прохождения и поговорим. До свидания, товарищи.

– Мы не больны! – возразил я.

– Какой – такой карантин? – непонимающе глядя на начальника, пробормотал Семен.

Дадуа не ответил, козырнув, он пошел прочь, а к нам шагнули двое автоматчиков.

– В машину! – скомандовал нам дюжий сержант с круглым веснушчатым лицом.

Проходя к открытой дверце, я мельком взглянул в автомобильное зеркало. На меня смотрел изможденный пожилой субъект с безумным взглядом в широко открытых глазах. Это был я, Семен выглядел немногим лучше.

Мы молча полезли внутрь вездехода, там был оборудо-

ван отдельный отсек для двоих. Не проронив ни слова, мы заняли свои места. Вездеход взревел и рыком рванул с места. Сколько мы ехали, судить не берусь. Время от времени машина останавливалась и нас с Семеном выводили до ветра, потом кормили большими бутербродами с холодной тушенкой. Иногда давали душистый горячий чай. Разговаривать между собой нам не разрешалось. За этим следил крепыш-сержант. Он сопровождал нас везде, на его круглом лице присутствовало выражении собственной значимости и высочайшей ответственности, словно, он препровождал на место казни матерых государственных изменников.

Семена такое положение вещей крайне раздражало и обижало. Я же относился к этому проще, годы, проведенные в лагерях, научили меня ничему не удивляться. Иногда я вспоминал нашу волчицу и ту девочку, что видел рядом со стариком. Однажды она явилась мне во сне. Я запомнил его на всю жизнь. В том сне я шел по узкой горной тропе, а маленькая дикарка следовала впереди меня. Тропа неожиданно оборвалась, предо мной разверзла свои смертельные объятия глубокая пропасть, я едва устоял на самой краешке сухой каменной тверди, девочка же сорвалась вниз. Я бросился за ней, стремясь удержать, но не смог...

После прибытия в больницу, расположенную где-то за городом, нас с Семеном развели по разным палатам. Я не видел его все то время, что находился в этом непонятном ле-

чебном учреждении. Со мной беседовали многие специалисты, но, странное дело, я совсем не помню содержания тех бесед. Отчего-то я подолгу спал и время от времени сдавал кровь на различные анализы. Порой мне казалось, что мною овладевает какое-то странное состояние, похожее на гипнотический транс. Не покидая этого забытья, я отвечал на какие-то вопросы.

Что это были за вопросы? Кто их задавал? Каковы были мои ответы? Сказать не могу, не помню...

Даже теперь, спустя много лет, когда старюсь вспомнить те дни в таинственной лечебнице, страшно болит голова и не покидает ощущение постоянной, неведомой опасности и неотвратимости надвигающейся беды...

Наконец настал день выписки. Мне сообщили об этом утром, сразу после завтрака, который, как всегда, принесли в мою отдельную, довольно комфортабельную палату.

– Вы свободны. Вашу одежду сейчас принесут! – торжественно возвестила невысокая полная медсестра с зачесанными назад седыми волосами.

Облачившись в выстиранные и тщательно отутюженные вещи, я вышел в коридор, где меня уже дожидался Дадуа.

– Рад, что ты снова здоров. Савва! – он крепко пожал мне руку.

– Я и не болел, Вахтанг Георгиевич, – осторожно возразил я.

– Не спорь, – в голосе Дадуа зазвенел металл, – там, где вам довелось побывать, остаться абсолютно здоровым просто невозможно. Особенности этой местности таковы, что...

Дадуа замялся, немного поразмышляв, он махнул рукой.

– Впрочем, это неважно, – продолжил Вахтанг, – вы свое дело сделали. Теперь над результатами пусть кумекают ученые умы. Эта местность сплошная аномалия, недаром она до сих пор не заселена. Когда мы выдвигались к вам навстречу, не встретили ни одной живой души...

– Она была заселена, – прервал я своего шефа, – там обитало племя белых волков. Тех самых, за которыми охотились Кузин и его сотоварищи. Они ведь были членами той первой экспедиции.

Дадуа молчал, он смотрел на меня пристально, не отрывая своего напряженного взгляда. По этому самому взгляду, по выражению его глаз, по обозначившимся вдруг на лице моего начальника глубоким морщинам я вдруг понял, что Дадуа знает обо всем происшедшем гораздо больше меня, но делиться своими знаниями со мной шеф вовсе не намерен.

Я принял это как данность, я давно служил в органах МГБ и очень хорошо понимал язык взглядов. Но, не смотря на это, я все же позволил себе спросить у Вахтанга:

– Товарищ Дадуа, кем же был на самом деле Федор Кузин?

– Федор Кузин был агентом тайного нацистского института Аннонербе. он работал на немцев давно, был завербован еще кайзеровской разведкой, когда находился в Германии на

студенческой практике. Он ездил туда по обмену студентами еще до революции...

Дадуа присел на жесткий коридорный диван и, достав из портсигара папиросу, закурил, выпуская в потолок сизые клубы дыма.

– На деньги немцев Кузин и его товарищи-ученые нантербовали в помощники уголовную шваль и отправились в первую экспедицию. Их внимание привлекли те места, они имели дурную славу, считались загадочными и страшными, вот Кузин и решил исследовать их. Однако экспедиция погибла, ее члены большей частью не выдержали воздействия аномальных зон и просто перебили друг друга. Кузин заинтересовал их рассказами о тамошних кладах и алмазных месторождениях, тем самым, вызвав у этих недалеких людей агрессивность и алчность...

– А его дядя, что приходил к нам в отдел? Он тоже работал на немцев?

– Да, – кивнул Дадуа, – сразу после вашего отбытия в путь я взял в разработку этого фрукта. Он показался мне подозрительным. Кроме того, я раскопал сведения о Вадиме Стрельникове и очень быстро выяснил, что того убили, инсценировав самоубийство. Все это породило еще большее недоверие к Кузину-старшему. Пришлось провести несколько допросов с пристрастием, их ученый муж не выдержал, сломался, он оказался слабаком. – Вахтанг аккуратно потушил папиросу и, сунув окуроч в кадку с большим пыльным фи-

кусом, продолжил. – Пытать ученого мужа. Что может быть гаже? Однако иногда нам приходится заниматься подобными вещами. Поверь, я делаю эту грязную работу достаточно эффективно. – Вахтанг смерил меня строгим немигающим взглядом, от которого мне стало не по себе.

– Охотно верю, – выдавил из себя я.

– Короче, они оба были немецкие агенты, очень ждали прихода гитлеровцев в Москву, а после разгрома Германии предложили свои услуги американцам. Те заинтересовались рассказами Кузина–младшего...

– Он рассказал янки о племени белых волков? – не выдержал я, вновь бестактно прерывая старшего по должности.

– Именно так и было, Кузин поведал новым хозяевам о племени людей–оборотней. Многих из этого племени Кузин и его дружки просто-напросто перебили, бездумно лишая жизни тех, кто жил на этой земле, – Дадуа горько усмехнулся, – американцы же вознамерились, вызнать, так называемый, «геном оборотня». Кузин же должен был достать им образец живого биоматериала. Полагаю, он охотился за девочкой-волчицей. Но попасть в те места не так просто. Для этого Кузин – старший пришел к нам. Под эгидой МГБ действовать проще. Заинтересовав Берию рассказом о алмазных месторождениях, ученый муж добился своего. Мы сами организовали ему эту экспедицию, вместе с нашими сотрудниками, в путь отправился его племянник. Профессор все просчитал, никто не должен был возвратиться назад. После

выхода из опасной зоны Федор Кузин просто убрал бы вас с Нечаевым. На обратном пути он должен был встретиться со своим связным, тот организовал бы переход Кузина через границу СССР.

Дадуа замолчал. Он так и сидел на жестком диване в пустом больничном коридоре, раскуривая очередную папиросу, Проходящая мимо медсестра не решилась сделать ему замечание и молча поставила перед Вахтангом пустую пепельницу, принесенную из ближайшей палаты.

– Кузину нечего было беспокоиться о нас с Семеном, – охрипшим вдруг бросил я, – мы с ним и так чуть не поубивали друг друга, без всякого вмешательства этого гада.

– Я все знаю, Савва – голос моего начальника стал мягче.

– Откуда? – я не мог поверить его словам, – я ведь еще не докладывал вам о нашем путешествии.

– Ты уже все рассказал, – Вахтанг едва заметно улыбнулся, – врачи, что следили за тобой в карантине, вводили тебя в гипнотический сон. Я мог говорить с тобой и все уже выяснил. Мы встречались во время этого карантина, вернее, это я встречался с тобой, когда ты спал.

– Вот как? – только и мог вымолвить я.

– Прости, что пришлось к этому прибегнуть. В принципе, я мог бы тебе ничего этого не рассказывать, но я все-таки решил рассказать...

– Спасибо. Никогда еще не чувствовал себя подопытной крысой, – выдавил из себя я.

– Не ершишь, Савва. Не я это все придумал.

Вахтанг поднялся с дивана и медленно пошел к выходу из корпуса. Я двинулся за ним. Уже на улице мы оба остановились.

– Что стало с девочкой-волчицей, последней из племени белых волков? – спросил я.

– Она у наших ученых, – бросил Вахтанг.

– Они же замучат ее своими бесконечными исследованиями и опытами.

– Не исключено, – Вахтанг открыл передо мной дверцу своего автомобиля, – от нас, Савва, ничего не зависит, мы с тобой – простые солдаты. Наше дело приказы выполнять – Дадуа смотрел прямо перед собой на серую от пыли ленту дороги, убегавшую под капот трофейного «Опеля»,

– Мы сами пришли на их землю, это мы виноваты! – не сдавался я.

– Не вдавайся в детали! – Дадуа резко вывернул руль, объезжая, очередную выбоину, – советую тебе перестать заниматься самоанализом. Для нашего брата – это очень вредное занятие.

Вахтанг остановил автомобиль возле моего дома. Я выбрался из кабины и шагнул к подъезду.

– До свидания, товарищ Дадуа, – тихо попрощался я.

– Иди, отдыхай, лейтенант, тебе завтра на службу, – Вахтанг резко рванул с места, и «Опель» тут же исчез в синих столичных сумерках.

Назавтра я, как было приказано, вышел на службу, и ни словом не обмолвился о нашей с Нечаевым экспедиции. С Семеном на эту тему мы тоже никогда больше не беседовали. Как правильно сказал Вахтанг Дадуа, мы были лишь солдатами, хоть и несли службу в самом закрытом подразделении МГБ...

В семидесятых годах, мне пенсионеру и ветерану КГБ позвонили с бывшего места службы. Меня попросили прибыть на Лубянку и рассказать тамошним спецам обо всем происшедшем в той экспедиции. Я пришел в небольшую комнату, меня посадили за стол и опутали всего проводками полиграфа. Я отвечал на какие-то вопросы и рисовал планы нашего маршрута. Я подробно описал девочку-волчицу и поведал о сокровищах Амирны, указав примерные координаты Города Мертвых.

Несколько офицеров, сидевших напротив меня, переглянулись, их взгляды были устремлены на специалиста, следившего за детектором лжи.

– Ваш вердикт? – поторопил своего сотрудника моложавый статный генерал-майор.

– Все, рассказанное здесь товарищем Сорокиным – правда, – бесстрастно промолвил тот.

– Удивительно, – генерал вытер носовым платком вспотевший лоб, – я был уверен, что, касаясь этого дела, архивы нашего ведомства врут. Теперь мы вновь займемся проработкой тех давнишних материалов, но будем крайне осто-

рожны. Спасибо вам, товарищ Сорокин!

Генерал пожал мне руку и любезно проводил к выходу. Я ушел и долго еще размышлял над словами гебиста. О каких материалах шла речь, что было выявлено учеными, изучавшими те таинственные места, и как сложилась судьба маленькой дикарки? Ничего этого я не знаю и не узнаю уже никогда. Никогда больше не увижу я коварную реку Аюгру и не услышу рвущий душу вой волков-оборотней. Наверное, мне лучше забыть о тех событиях, но что-то не дает мне сделать этого.

До сих пор я и сам иногда сомневаюсь, в том, что все произошедшее тогда – не плод моего больного воображения. Иногда мне самому хочется отречься от своих воспоминаний, но ведь все это было, было, было...

«Элеонора Эос» (Рассказ старшего лейтенанта Сергея Манцева)

В августе 1947 года я получил приказ взять в разработку знаменитую в ту пору московскую ясновидящую Элеонору Эос. Скажу сразу, приказ этот мне сильно не понравился. У меня сразу возникло стойкое ощущение, что меня хотят использовать в чем-то грязном и страшном. Вахтанг Дадуа, доведший до меня это указание, дал понять, что команда пришла с самого «высокого верха», куда нам, простым смертным даже и заглядывать-то не дозволяется. Откровенно говоря, я и сам об этом догадался. И, забегаая вперед, скажу, что предчувствия меня не обманули. Жуть, которой обернулось это задание, до сих пор не дает мне покоя, хоть с тех пор прошло уже много лет. Но обо всем по порядку...

Элеонора Эос родилась в 1913 году. Ее отцом был цыганский барон Еремей Эос. В 1919 году он был расстрелян большевиками как пособник белобандитов. На самом деле никаким пособником беляков папаша Элеоноры, конечно, не был, а попусту попал под горячую руку командира ЧОНовского отряда. На глазах маленькой Эли ее отца и мать «прислонили» к первой попавшейся березе и «вывели из жизненного круговорота».

Осиротевшую девочку довели до первого попавшегося

приюта и сдали на руки тамошним воспитателям, едва державшимся на ногах от страшного голода и свирепствовавшего вокруг тифа. В приюте Эля пробыла меньше полугода и при первой же возможности сбежала с проезжавшей мимо тех мест труппой бродячего цирка. Там она работала в паре с одним гимнастом, ходившим по проволоке над площадями захолустных городков и деревень, заплыванными шелухой от подсолнухов. Гимнаст работал на высоте, а девочка тем временем собирала в шапку медяки и небогатую снедь с толпившихся внизу зрителей. В труппе маленькую Элю уважали. Она очень хорошо справлялась со своими обязанностями. Утверждали, что даже у самых прижимистых рука тянулась к кошельку, когда на них бросала свой взгляд эта девочка. Что было в этом взгляде? Пронзительная мольба о помощи, или молчаливый приказ, послушаться которого страшились даже выдавшие виды мужики бандитского обличья. Не знаю, утверждать ничего не стану.

Еще одной особенностью Элеоноры была ее необычное умение лечить травмы, полученные артистами во время выступлений. Во время разработки Эос я беседовал с человеком, который рассказал мне об одном удивительном случае. Человек тот работал врачом в больничке маленького приволжского городка, где работала труппа бродячих циркачей. Во время одного из своих выступлений партнер Эос сорвался с проволоки, упал вниз на мощеную булыжником площадь и сильно разбился.

Бедняга был при смерти, когда его привезли на подводе в больницу. Вышедший к нему доктор устало закрыл глаза и скорбно прошептал: «Не жилец». Товарищи циркача молчали, они думали точно так же.

– Не правда, он будет жить и вскоре окончательно выздоровеет, – проговорила Эля, которая в силу маленького роста была не видна за спинами артистов.

– Может, он и дальше по веревке ходить станет? – невесело усмехнулся врач.

– Станет, – был ответ девочки.

Элеонора подошла вплотную к эскулапу и взглянула ему в глаза. Тот заслонился от этого взгляда рукой, пробормотал: «Как знать? Как знать?» и, кликнув санитаров, приказал осторожно нести больного в палату. Эля пошла вслед за санитарями. Впавший в состояние комы гимнаст оставался недвижим почти три недели. Все это время рядом с ним была Элеонора. Врач почти не вмешивался в лечение, которое проводила малышка. Да и лечения, как такового, не было. Девочка просто находилась рядом с больным.

Доктор с удивлением смотрел на сидящую возле больничной койки Элеонору. Она почти не спала и лишь тихонько сжимала руку циркача. Необъяснимо, но факт! По истечении трех недель гимнаст поднялся с койки, а еще через месяц продолжил свои выступления. Позже он получил ангажемент в московский цирк и даже был удостоен звания заслуженного артиста. До конца жизни циркач считал своей

спасительницей маленькую Элеонору.

Однако после этого происшествия Эля из цирка пропала и объявилась в Москве. Как добралась до столицы восьмилетняя кроха не известно. Девочку определили в приют, из которого она вышла в семнадцатилетнем возрасте. Получив направление в пединститут, Элеонора начала учиться. Учеба давалась ей легко и просто, но по окончании вуза Эля учительствовать не стала, а устроилась в секретари к одной известной и почитаемой властями московской поэтессе. Вскоре та, используя все свое влияние, выхлопотала подопечной маленькую квартирку в одном из домов на Арбате. С той самой поры слава Элеоноры росла не по дням, а по часам...

Правда, теперь спектр талантов девушки значительно расширился. Она слыла ясновидящей и гадалкой, не имевшей равных в своем деле. Особо почитаема она была у разномастной московской богемы. К Эле заглядывали артисты театра и кино, балетные, литераторы и художники. Особое место занимали жены видных партработников и крупных хозяев. Желаящие знать будущее толпились во дворе дома, где в своей квартире вела прием Элеонора.

Особо славились сеансы омоложения, которые так полюбили увядающим деятельницам культуры, ищущим расположения молодых любовников. Я допросил жену модного в послевоенную пору врача-гомеопата и могу засвидетельствовать, что в течение двух недель эта рыхлая постбальзаковского возраста женщина превратилась в симпатичную

особу с помолодевшей кожей и кардинально изменившейся к лучшему фигурой. То же самое происходило и с остальными состоятельными дамами. Нужно ли говорить, что мужья вновь обратили свои взоры на позабытых, было, жен.

С одной из таких женщин я встретился на своей конспиративной квартире. Жена ответственного работника из министерства торговли была завербована еще самим Вахтангом Дадуа и с тех пор старательно работала на нас. Помолодевшая самым чудесным образом дама явилась ко мне с улыбкой на устах. Еще недавно грузная, почти совсем увядшая женщина превратилась в соблазнительную красотку.

– Я к вам, Сережа! Вызывали? – игриво промурлыкала она, впорхнув в темную с задернутыми пыльными гардинами комнату.

– Вызывал, – растерянно буркнул я, не ожидая увидеть таких радикальных изменений.

– Я мужу сказала, что пошла к модистке, а сама к вам. По первому зову явилась, – она заискивающе смотрела мне в глаза.

– Расскажите о ваших посещениях Эос. Что она с вами делает? – не слушая ее трескотню, сурово велел я.

Именно так сурово и чуть свысока следует беседовать с подобного рода агентами. Женщины до смерти бояться нашего брата, а мы из этого страха должны извлекать пользу, на то мы и офицеры МГБ.

Мой вопрос не застал даму врасплох. Она будто ждала,

когда я задам его.

– Я знала, что вы спросите меня об этом, – отбросив прочь жеманство, проговорила она.

– И это не праздный интерес, – строго бросил я.

– Не знаю, как другие женщины, но я во время сеансов Эос впадаю в некий транс, странное подобие сна, – дама задумалась, – будто я сплю, а сама во сне становлюсь моложе. Передо мной чередой проходят события прошлых лет, только порядок течения этих лет стремителен, а последовательность обратная. От зрелого возраста я двигаюсь к молодым годам. Это, как в кино, когда пленка идет назад. Знаете?

– Знаю, продолжайте.

– Элеонора не устает говорить, что лишь помогает нам пустить время вспять, и мы, ее пациентки, становимся такими же, какими уже были несколько лет назад.

– Яснее, пожалуйста, – приказал я.

– Яснее некуда, взять хотя бы меня. Сейчас я точная копия самой себя образца двенадцатилетней давности. Вот, взгляните, даже прическа такая же! – дама в волнении полезла в сумочку и достала оттуда слегка затертую фотографию, – вот, смотрите, мы с мужем на отдыхе в Крыму, фото сделано в 1935 году. Тогда я носила прическу как у Мэри Пикфорд, сейчас решила вернуться к этому образу. Думаю, он мне очень идет.

Я взял фото, действительно дама, словно вновь вернулась в те славные времена, когда была на двенадцать лет моложе.

Сходство было поразительным, но не это интересовало меня в первую очередь.

– Как проходят сеансы? Что делает во время них сама Эос? Она спрашивает вас о чем-нибудь? – не отставал я.

– Что вы имеете в виду? – моментально насторожилась моя собеседница.

– Не стройте из себя дурочку. Вы опытная зрелая женщина. Неужели не понимаете, что Эос обладает гипнотическими способностями? Среди ее клиенток много жен весьма значимых персон. Не секрет, что некоторые жены в курсе дел своих сановных мужей. Что если Элеонора, вводя в транс очередную молодящуюся особу, выведывает у нее все, что той известно о делах мужа? Кто может поручиться, что этого не происходит, а?

Дама молчала, на лбу ее проявилась исчезнувшая, было, глубокая морщина, а уголки губ скорбно поползли вниз.

– Эос забирает наши годы в обмен на возвращенную нам красоту, – глухо произнесла она.

– Как это? – вырвалось у меня.

– Мы добровольно отдаем Элеоноре годы нашей немощной старости. Не секрет, что человек стареет. И по прошествии определенного количества лет становится беспомощным старцем. Вот именно эти годы и забирает себе Элеонора. Лучше прожить пять лет молодой полной сил женщиной, чем бедовать беспомощной старухой последний десяток перед смертью. Я отдала Элеоноре пятнадцать лет жиз-

ни. Она сказала мне, что я должна была умереть в семьдесят пять. Пусть я буду жить до шестидесяти, но проживу эти годы счастливо и радостно. Я, конечно, тоже буду стареть, но гораздо медленнее, чем остальные...

– Бред, – коротко резюмировал я.

– Нет, это вовсе не бред. – дама начала терять терпение, – во время одного из сеансов Элеонора почувствовала себя плохо. Я сидела в своем кресле спиной к окну, она же располагалась за мной. Я чувствовала затылком ее прерывистое неровное дыхание. Так дышат сильно пожилые люди. Невольно я обернулась посмотреть на Элю, вместо нее в кресле сидела глубокая старуха. Черты лица лишь смутно напоминали черты лица Элеоноры, женщина был седой и дряхлой старухой со слезящимися глазами и ввалившимися щеками. Открытый рот поражал полным отсутствием зубов, руки дрожали. Элеонора была в каком-то полубморочном состоянии и не замечала ничего вокруг. Я едва не закричала от охватившего меня ужаса, но вовремя опомнилась и вновь закрыла глаза. Пусть тайны Эос остаются ее тайнами, мне они ни к чему.

Теперь дама говорила не останавливаясь. Ей просто хотелось выговориться. Думаю, что до меня она ни с кем не могла поделиться своими мыслями. Ей нужен был человек, которому можно было бы рассказать то, что так поразило ее воображение. Поведать все это собственному мужу она не решилась, а я был ее куратором, который был обязан выслу-

шать информатора и принять соответствующее решение. В такие минуты настоящий гебист и выдохнуть боится. Любое неосторожное движение может заставить сексота замолчать, обидеться и уйти в себя. Я такого движения не сделал, чем весьма расположил к себе необычную собеседницу.

– А вы знаете, что Эос устраивает еще и своеобразные сеансы связи с теми, кто осужден и находится в лагерях и тюрьмах? – спросила дама, – она может запросто телепатически связать мать с осужденным сыном, или жену с отбывающим долгий срок мужем. Она называет это «общение на расстоянии». Несколько цинично, не находите?

– Не мне судить, – бросил я, – обычно медиумы вызывают на разговор души умерших, но живых... Может, у вас неверные сведения?

– Нет, сведения у меня вернее некуда! Я сама справлялась о судьбе одной моей знакомой...

– Хорошо, вы меня убедили.

В моей голове возник и окончательно оформился план действий, которые я собирался претворить в жизнь в самое ближайшее время.

– Я должен попасть на такой сеанс к Элеоноре. Устройте мне это, вам Эос поверит, – приказал я своей знакомой.

– Постараюсь, – дама поднялась и кокетливо поправила шапочку-таблетку, – думаю, что помогу вам, Сережа.

– Еще один вопрос, – я слегка понизил голос, – скажите мне. Нужно ли платить Элеоноре деньги за ее услуги? И, ес-

ли нужно, то сколько именно?

– Не знаю, что вам и ответить, – дама замялась, – каждый посетитель сам определяет свою лепту.

– Лепту?

– Именно так Элеонора называет свой гонорар.

Дама задумалась, с минуту она сидела молча, потом вдруг резко поднялась и подошла ко мне вплотную. Она говорила тихо, почти шепотом, и мне приходилось вслушиваться, что бы разобрать ее слова. Голос моей визитерши дрожал. Казалось, она боится, но, может быть, это было всего лишь следствием напряжения, которое испытывают люди при общении с сотрудниками МГБ.

– Знаете, что Сережа? Я представлю вас своим дальним родственником. Думаю, Элеонора не откажет вам в своей аудиенции. Но, помните, Эос чрезвычайно проницательна и за версту чует фальшь. Пожалуйста, не подведите меня, я дорожу ее расположением, – тревожно поглядывая на меня, пробормотала дама.

– Думаю, не подведу вас, – заверил я свою «гостью».

Я тоже встал из-за стола, давая понять, что разговор окончен. Дама оказалась догадливой и послушно посеменила к двери. Уже к полудню в моей квартире раздался звонок. Звонила моя подопечная.

– Вам назначено на вечер, восемь часов. Адрес Элеоноры, полагаю, вам известен.

– Известен.

Я положил трубку и задумался. Даже самому себе я боялся признаться в том, что мой визит к Эос будет мало походить на выполнение полученного от начальства задания. Сегодня ясновидящая нужна была мне самому. Дело в том, что мой двоюродный брат находился в лагерях. Еще пред войной он получил срок за измену Родине. Будучи студентом филфака, он стал вести какой-то философский кружок, где подобные ему студиозусы болтали всякую заумную чушь, воображая себя стародавними вольнодумцами. Один из кружковцев оказался стукачом и «сдал» всю компанию в «органы». Там особо разбираться не стали и «сунули» философам по десятке на брата.

Письма от Олега приходили крайне редко и были короткими и обрывочными. Последние полгода от него вообще не было ни слуху, ни духу. Его судьбу я и намеревался разузнать, хотя в успех предприятия верил мало. Медиумы и ясновидящие редко оправдывали наши надежды и большей частью оказывались обычными мошенниками. По роду службы я часто видел таких людишек, паразитирующих на чужих бедах и несчастьях. Война, годы репрессий заставляли потеревших жизненные ориентиры граждан идти к разным шарлатанам.

Однажды на вокзале в городе Тихвин мне довелось видеть одну цыганку, гадавшую солдатке на ее мужа. За работу она взяла с женщины всю имевшуюся у той наличность, обещая взамен послать мужу защиту от ран и смерти. Я тут же пе-

редал аферистку милиционерскому патрулю, который и препроводил ее в отдел. Очень надеюсь, что там отправили эту особу на принудработы, или «склеили» ей дельце, лет, эдак, на восемь.

Вскоре стало вечереть, сиреневые декабрьские сумерки опускались на город быстро и основательно. Когда я подошел к дому Элеоноры, стало совсем темно. Во дворе я заметил трофейный автомобиль, на заднее сиденье которого проворно шмыгнула стройная симпатичная женщина. Женщину я узнал, это была эстрадная певица Вера Синельникова. Приняв на борт эстрадную диву, авто отчалило, а к дому подкатил другой лимузин. Из него вышла балерина, фамилию которой я не помнил. Знал только, что она является пассией самого министра Берии. Поправив красивую, явно трофейную шубку, девица хорошо отрепетированным жестом откинула назад длинные каштановые волосы и величественно прошествовала к подъезду Элеоноры Эос.

Эта дамочка пробыла недолго, через десять минут она легкой балетной походкой прошагала обратно, эффектно впорхнула в автомобиль и сделал знак водителю, поехали, мол. Авто тотчас умчалось. Я огляделся. Неподалеку от подъезда дежурил плотный пожилой милиционер с седыми прокуренными усами. Его темная шинель резко контрастировала с ослепительно белым снегом, который щедро сыпался на землю с неба. И хоть на газонах лежали высокие су-

гробы, а клумбы украшали островерхие белые шапки, пятак перед подъездом Эос был идеально чист. Об этом заботился дворник-татарин, который, опершись на свой скребок, расположился неподалеку от постового и внимательно осматривал каждого, кто направлялся к подъезду знаменитости. По всему было видно, дом Элеоноры Эос находится под пристальным приглядом у местных милиционеров, которым на счет этого было спущено соответствующее указание.

Я прошел в подъезд, назначенное мне время почти настало. Не дожидаясь лифта, я взлетел не третий этаж и остановился перед дверью с привинченной к ней золоченой табличкой. «Э. Эос» – значилось на большом блестящем прямоугольнике.

Я намеревался позвонить, но дверь оказалась незапертой. Я шагнул в маленькую темную прихожую.

– Мне назначено. Я – офицер МГБ Сергей Манцев. – проговорил я.

– Проходите в комнату – ответил мне негромкий женский голос.

Я пошел прямо по коридору. Комната, куда я попал, была просторной. Свет был потушен, но темно не было. Со двора попадали сюда огни ярких уличных фонарей. По стенам ползали их блики. Словно большие желтые светляки, они лениво передвигались по шикарным заграничным обоям с изображениями драконов и больших диковинных птиц. В углу стояло кресло, в котором величественно восседала хозяй-

ка. Элеонора Эос была в длинном вечернем платье в пол. Блестевшие в вечернем свете фонарей волосы были красиво убраны в затейливую прическу, похожую на корону.

Неподалеку от кресла располагалось высокое овальное зеркало. Рядом стояло еще одно кресло, предназначенное, по всей видимости, для посетителей. Вдоль стены тянулся старинный красного дерева стол, ножками которому служили великолепно исполненные столяром звериные лапы. Покрытые лаком они матово мерцали в темноте, отчего стол напоминал древнее мифическое чудовище. На спине «чудовища» выстроились в ряд прозрачные шары различных размеров. Самый большой походил на футбольный мяч, маленький же не превышал размерами шарика от пинг-понга. Другой обстановки в комнате не было, ни шкафа, ни кровати, ничего. Вероятно, хозяйка использовала это помещение лишь для приема своих гостей. Жила же Элеонора в другой комнате, размерами поменьше.

– Проходите, Сергей, садитесь в кресло. Знаю, вы пришли ко мне не из праздного любопытства, – голос Элеоноры звучал уверенно, хотя говорила она тихо и немного нараспев, будто читала сказку, или рассказывала древнюю былинку.

– Я пришел справиться о двоюродном брате. Его зовут Олег, он сейчас в лагере, – проговорил я, стараясь побороть смущение, совсем некстати охватившее меня.

В кармане моего пиджака лежало кольцо, тоненькое золотое колечко с маленьким изумрудом, которым я собирал-

ся расплатиться с ясновидящей за ее помощь. Это колечко досталось мне еще во время войны, я нашел его на улице одного австрийского городка. Оно лежало среди куч битого кирпича, оставшихся от разбомбленного союзной авиацией дома. Я хотел пройти мимо, но, не удержавшись, взял таки кольцо себе. С тех пор оно всегда со мной и даже стало чем-то вроде талисмана. Сейчас я намеревался отдать кольцо Эос, я опустил руку в карман, но тут же услышал тихий крадчивый голос Элеоноры.

– Кольца мне не нужно, оставьте его себе, – еле слышно проговорила она.

– Отчего же? Я готов. Если вас не устраивает это украшение, могу расплатиться деньгами, – горячо возразил я.

– Не стоит, – голос ясновидящей стал тверже, – тем более порадовать вас мне особо нечем. Ваш брат Олег мертв, и мертв уже давно, с год, а, может быть, и больше.

– Бред! – искренне возмутился я, – не может быть, он писал нам с полгода назад.

– Кто сказал, что он отправил вам это письмо сам? Быть может, он написал его давно, а отправил кто-нибудь другой, тот, кто хранил его со дня смерти вашего брата...

Элеонора легко поднялась с кресла и принялась ходить по комнате. Высокие каблуки ее туфель гулко били в добротный дубовый паркет пола. Я слушал эти удары, но стук каблуков казался мне нечетким и звучал, словно издалека. Я почти потерял счет времени и словно растворился в про-

странстве. Теперь комната казалась мне не просторным залом, а меленькой клетушкой, а сам себя я видел, будто, с высоты, сидящего в кресле перед большим, задернутым плотной темной материей зеркалом.

– Не может быть, – мой голос дрогнул, – я не верю вам. Вы просто обманщица. Талантливая мистификаторша, но не более того...

Я говорил спокойно, хотя мне хотелось кричать, а еще больше мне хотелось вцепиться в горло этой холеной суке. Ведь эта Эос была чудо, как хороша, Статная, стройная и манящая. Гибкое, словно натянута струна, тело. Красивое смуглое лицо с большими темными глазами и волосы, от которых пахло дикой мятой.

– Дьяволица! – вырвалось у меня.

– Не надо демонизировать, я обычная женщина. Только вижу немного не так, как все. Это мастерство передалось мне от бабки. Это мой крест, моя судьба...

– Я хочу узнать все о моем брате Олеге. Слышите?

Я вновь почувствовал себя, сидящим в кресле в квартире Эос. Наваждение прошло. Теперь я вновь был самим собой, офицером МГБ Сергеем Манцевым.

– Устройте мне сеанс связи с моим братом, – криво усмехнулся я, – вы ж мастерица на такие штуки! Пусть я увижу его воочию, так же, как вижу сейчас вас. Ну же! Слабо?! Еще бы! Обмануть чекиста не так просто, как всех тех дурах, кто ходит к вам на ваши сеансы! Против меня ваш гипноз бес-

силен!

Я продолжал кричать. Эос же отошла от меня и спокойно смотрела в окно. Я вскочил с кресла и, подбежав к ней, больно схватил за руку.

– Я настаиваю! Ну же!

– Воля ваша! Смотрите, если настаиваете.

Ясновидящая приблизилась к зеркалу и вдруг резко сорвала с него плотное темное покрывало. В ту же секунду поверхность зеркала ожила, матовый мерцающий свет медленно полился в комнату. Однако скоро свет исчез. В темном проеме зеркального овала показался Олег. Но это был не тот молодой красавец-весельчак, по которому сохли все его сокурсницы. На меня смотрел седой старичок с морщинистым лицом и беззубым ртом. Глаза его были выпучены, на грудь свесился длинный синий язык. Зековская роба была заблевана, а на шее Олега болталась оборванная веревочная петля.

– Олежка? – я в ужасе отпрянул от зеркала.

– Не бойся, меня уже нет, – Олег говорил, не шевеля губами, но я отлично понимал его слова и даже узнавал его голос, – я повесился, брат. Мне было очень тяжело. Ты же знаешь, я не привык к такой жизни. Жизнь зека оказалась мне не по зубам, и я просто убил себя. Так проще, меня нет уже больше года.

– А письма?! Твои письма?! – хотел закричать я, но голос не слушался меня, вместо слов наружу рвался нечленораз-

дельный хрип, но брат Олег понял меня.

– Ах, это? – на глазах Олега появились слезы, – я написал эти письма загодя и попросил друга опрашивать их вам через определенные промежутки времени. Так вам казалось, что я еще жив. Но письма кончились, и вот...

Олег замолчал. Он смотрел куда-то вдаль, словно из своего небытия мог видеть синюю темноту московского двора. Теперь было заметно, что это призрак. Очертания его стали зыбкими и нечеткими.

– Прости, мне пора, мы больше не увидимся, прощай, – донеслось до меня.

– Стой! Подожди! – я ринулся к зеркалу, но тут же упал, сраженный волной страшного могильного холода, который теперь лился оттуда, из темного таинственного зазеркалья.

Казалось, сама преисподняя отворила в комнату Эос свои врата. Хотя, может, так оно и было. Я покрылся липким холодным потом. Он лил со лба, и даже рубаха под пиджаком была вся мокрая, хоть выжимай.

– Бедный Олег, – едва ворочая языком, пробормотал я.

– Его судьба незавидна, – скорбно потупилась ясновидящая.

– Прошу извинить меня, гражданка Эос. Я был неправ и вел себя как дурак. Еще раз простите мне мою глупость!

Неловко поклонившись, я пошел к выходу. Эос следовала за мной.

– Подождите, Сергей – она осторожно взяла меня за ру-

ку, – я знаю, очень скоро мы вновь встретимся с вами. Вы ведь не случайно приходили ко мне сегодня? Скажите, я за чем-то понадобилась вашему ведомству?

– Вероятно, вы правы. Врать вам бесполезно. Вы нужны нам, иначе я не пришел бы сюда этим вечером. Ведь вы и раньше помогали нашим коллегам, не так ли?

– Так, – тихо прошептала Эос.

– Тогда вы должны привыкнуть к визитам людей из министерства госбезопасности...

Я накинул пальто, нахлобучил шляпу и вышел на лестничную клетку. Щелчка дверного замка не последовало, Эос не закрывала дверей за своими посетителями. А, может быть, она просто не верила, что кот-то может причинить ей зло?

В кабинет Вахтанга Дадуа я заявился уже ранним утром. Сперва я отправился домой, где принял душ и выпил огромную кружку крепкого чая с медом. Самочувствие мое заметно улучшилось, и пред очи шефа я предстал бодрым и отдохнувшим. К моему удивлению Дадуа уже был на службе. Вернее, он не уходил отсюда еще с вечера. Сейчас мой начальник выглядел усталым и разбитым. Обычный блеск его глаз померк, уступив место тусклому безразличию и покорности судьбе. Так было всегда, когда предстоящее задание вызывало в Дадуа чувство нервозности и раздражения. Сейчас Дадуа был чернее тучи, из чего следовало, что нам предстоит малоприятное времяпрепровождение.

– Был у Эос? – с места в карьер начал Вахтанг.

– Так точно. Был, товарищ Дадуа. – подтвердил я.

– Ты справлялся о судьбе брата? – поинтересовался Вахтанг.

– Справлялся, – кивнул я, – Олег мертв. Он покончил собой, не выдержав условий содержания. Думаю, там еще были издевательства уголовников. Всем известно, что политических сажают вместе с этим отребьем...

От Дадуа я не скрывал ничего, мой шеф был в курсе того, что мой родственник осужден и отбывает наказание. Сейчас Вахтанг искренне сочувствовал мне. И хоть он не говорил это вслух, я знал, что Дадуа тоже жаль бедного студента...

– Действительно ли эта Эос так хорошо знает свое дело? – вновь нарушил молчание Вахтанг.

– Думаю, да.

– Тогда нам с тобой предстоит весьма трудная работа, – Дадуа полез в ящик стола и вытащил оттуда стопку фотографий, – вот, взгляни, – он ткнул пальцем в одну из карточек.

На ней была запечатлена Элеонора Эос. Ясновидящая стояла возле заброшенной церквушки, за ней угадывался покосившаяся ограда сельского погоста.

– Узнаешь местечко? – поинтересовался Дадуа.

– Никак нет, – я пожал плечами, – в Подмосковье много заброшенных храмов. Думаю, это один из них. Еще догадываюсь, что он чем-то знаменит. Вот только не догадываюсь, чем именно...

– Правильно мыслишь, – Дадуа закурил, выпустил в потолок тонкую струйку сизого дыма и лишь после этого продолжил, – место это примечательно тем, что на погосте, расположенном прямо за храмом, имеется могила старца Фрола, умершего почти полстолетия назад. Старец Фрол был знаменитым провидцем. И именно его могилу навещает одиозная ясновидящая Элеонора Эос. Наш сотрудник следил за ней.

– Зачем ей могила старца Фрола? Может, он приходился ей каким-нибудь дальним родственником? – предположил я.

– Не думаю, – Дадуа размашисто загасил окурок в большой хрустальной пепельнице, – считаю, она каким-то образом вызывает на разговор его дух и испрашивает у него совета. Эос ходит туда регулярно, как на работу. Обычно по вечерам. Добирается до места таксомотором, или пригородным поездом. И сегодня мы составим ей компанию.

– Зачем? – искренне удивился я.

– Затем!

Дадуа выругался и замолчал, он уселся в кресло и вновь полез за куревом. Руки его слегка дрожали, он едва не смял почти пустую пачку «Казбека», наконец извлек оттуда папиросу, но, прикурив, тут же потушил ее об угол стола.

– То, что произойдет сегодня, никогда не станет достоянием гласности. Никто и никогда не должен узнать о том, что будет происходить сегодняшнем вечером. Уяснил, Серега?

Дадуа смотрел на меня пронизательно и сурово. Его глаза напоминали сейчас два пистолетных дула. Сравнение, ко-

нечно, глупое, но по сути своей верное. Действительно, было ощущение, что в лоб мне уперся холодный вороненый ствол ТТ. И это ощущение, было, скажу я вам, очень неприятное.

– Уяснил, товарищ лейтенант? – переспросил Дадуа.

– Так точно, уяснил. Обстановка полной секретности.

– Правильно уяснил, – Дадуа вышагивал по кабинету, – сегодня возьмешь машину и привезешь гражданку Эос к могиле старца Фрола. Понял, Серега?

– В котором часу мы должны там быть? – не показав виду, что удивлен заданием, поинтересовался я.

– К полуночи. Думаю, в это время мы там гарантировано никого не повстречаем.

– Слушаюсь, товарищ Дадуа! Разрешите идти?

Я козырнул и замер, ожидая разрешения отбыть восвояси. Ждать объяснений, или же удивляться необычному приказу у меня и в мыслях не было. За время службы я давно привык к ее странностям и перестал задавать ненужные вопросы. Если бы Вахтанг счел нужным что-либо пояснить мне, он пояснил бы без всяких вопросов, сам. А раз не пояснил, значит, не имел на это достаточных полномочий.

– Иди, – после недолгого раздумья Дадуа отпустил меня кивком головы.

– Есть, – я повернулся и вышел из кабинета своего начальника, шефа спецотдела «Бесогон» товарища Дадуа.

Взяв в нашем гараже неброский, выдавший виды, трофейный «Опель», я поехал домой. Время до вечера тянулось до-

вольно долго, и я едва дождался, когда пробьет восемь. До дома Элеоноры я добрался быстро и подогнал авто к самому подъезду. Все было как всегда. Только снега сегодня не было. Стоял небольшой морозец, и дворник в овчинном тулупе лениво шуршал по асфальту выдавшей вида метой. Усач-старшина тоже маялся без дела. Надвинув на самые брови форменную ушанку, он прохаживался взад-вперед, переваливаясь с боку на бок, словно большая неуклюжая утица.

Сегодня милиционер выглядел скучным и даже немного обиженным. Следить было не за кем. Только сейчас я заметил, что гостей возле подъезда Эос не наблюдалось. Не было сановных авто и модно одетых холеных дам, овейанных ароматами трофейной парфюмерии. Что ж, может, это и к лучшему. Я вошел в подъезд и, не дожидаясь медленного скрипучего лифта, пулей взлетел на нужный мне этаж. На сей раз, дверь была заперта. Я нажал кнопку звонка. В квартире раздались легкие стремительные шаги.

– Сергей? Это вы?

– Я. Откройте, пожалуйста.

– Конечно, конечно.

Голос Элеоноры был спокоен и невозмутим, словно она ждала моего прихода. Впрочем, может, так оно и было.

Элеонора впустила меня в квартиру. Я снял шинель и повесил ее на изящную вешалку из красного дерева.

– Вы знали о моем приходе? Вас кто-то предупредил? Или же вы просто предвидели, что я зайду к вам именно сегодня?

– Не усложняйте, – Элеонора мягко улыбнулась, – я просто видела вас в окно...

– Вон оно что, – я растерялся.

Сегодня Эос выглядела не так эффектно, как в первый раз. На ней было строгое серое платье и мягкие войлочные тапочки. Длинные темные волосы были собраны по-девичьи, в озорной конский хвост, а на лице совсем не было косметики. Странно, но такую, домашней, она выглядела намного моложе и, что самое удивительное, беззащитней.

Я огляделся, в коридоре, прямо на ручке входной двери висел сильно ношенный кроличий полушубок, рядом стояли теплые белые бурки.

– Куда-то собрались? – я кивнул на бурки и полушубок.

– Не считайте меня дурой, Сережа, – Эос печально улыбнулась, – я собралась ехать с вами. Вы ведь за мной сюда пришли?

– Откуда вы это узнали? – я не мог скрыть удивления.

– Проще простого, – улыбка сошла с лица Элеоноры, – уже довольно долго ваши коллеги следят за мной. Они контролируют каждый мой шаг и наверняка выследили, что я посещаю могилу старца Фрола. Я не настолько глупа, чтобы не заметить слежки. Думаю, вы появились в моей жизни не случайно, еще я думаю, что вам приказали отвезти меня на могилу этого старца. Я не ошиблась?

– Нет. Не ошиблись. Я действительно должен вас туда отвезти, сегодня, – я сглотнул подступивший к горлу ком, –

правда, о цели поездки меня в известность не поставили. Кстати, зачем вы ездите к старцу Фролу?

– Я спрашиваю у него совета.

– Касается ваших предсказаний?

– Нет, – Элеонора горько усмехнулась, – я спрашиваю у него как мне жить. Ведь я очень одинока. Одной жить очень тяжело, чувствуешь себя никому ненужной сучкой. Тех мужчин, что нравятся мне, ко мне просто не подпускают, а те, кто ищет мое расположение, мне глубоко несимпатичны.

– Я думал, вы избалованы мужским вниманием.

– Внимание сановных мужей мне не нужно...

Я поймал на себе заинтересованный взгляд Элеоноры. Он просто жег кожу, но мне был приятен этот жар. Он был лихим и безумным, что было необычно и одуряющее прекрасно.

– Иди-ка сюда! – я шагнул к Элеоноре и, вскинув ее на руки, понес в комнату.

– Не нужно, нам пора ехать. Таксист добирается до места довольно долго. Мы рискуем опоздать.

– Я вожу авто быстрее любого таксиста!

Я внес ее в спальню и бережно положил на постель. Она изогнулась дугой и властно прижала меня к себе. Ее тело напряженное, словно тетива у лука, трепетало от желания. Она сама нашла губами мои губы. Поцелуй получился долгим и страстным. И все, что последовало за поцелуем, было таким же страстным и отчаянным. Элеонора опомнилась первой.

– Одевайся! Мы опаздываем, если уже не опоздали, – она нежно поцеловала меня в шею.

– Никуда мы не опоздаем. Мы просто не можем опоздать! Я быстро натянул на себя форму и опрометью бросился вниз, к стоявшему возле подъезда Опелю. Элеонора отстала от меня меньше чем на минуту. Вскоре мы уже катили в сторону пригорода. Ночная Москва казалась почти вымершей. Лишь редкие фигурки припозднившихся прохожих, да туманный свет уличных фонарей говорили о том, что жизнь тут еще теплится. Нам не встретилось ни одной машины. И я летел вперед, игнорируя все существующие правила уличного движения.

Элеонора, сидевшая рядом со мной, закрыла глаза, и я даже подумал, что ей удалось заснуть. С полчаса мы ехали молча, потом Эос вдруг дернулась всем телом. Это было так неожиданно, что я едва не выпустил из рук руль.

– Они уже там, я вижу их, – произнесла она, не открывая глаз.

– Про кого ты говоришь? – не понял я.

– Те, кто ждет нас на могиле старца. Их трое. Первый, он – главный, массивный мужчина в темном пальто и шляпе, он носит пенсне. Второй, сухощавый кавказец в шинели без знаков различия. Они стоят возле могилы старца. Кавказец курит, а толстяк зябко кутается в длинное пальто и поглубже нахлобучивает шляпу на свою большую голову.

– А третий? – похолодев от ужаса, спросил я, – он-то где?

– Третий спрятался за старый покосившийся от времени склеп. Склеп этот расположен неподалеку от могилы старца...

– Как выглядит этот третий? – поинтересовался я.

– Высокий, стройный, с аккуратными усиками, тоже выходец с Кавказа. Он сжимает в руке пистолет.

Я взглянул на Эос. Она сидела, закрыв глаза. Голос ее звучал глухо и непривычно, словно в теле Элеоноры жила вторая, неизвестная мне женщина, которая на миг вытеснила из него законную хозяйку. Элеонора молчала, потрясенный молчал и я. Я узнал всех троих, тех, кого так точно описала Эля. Собственно говоря, их трудно было не узнать мне, тому, кто видел этих людей не раз, и не два. Толстяк – был Лаврентием Павловичем Берией. Кавказцем в шинели без знаков различия – мой шеф Дадуа. А третий, тот, кто прятался за старым склепом, звался Тимуром Кецбая, он служил секретарем Берии и был готов выполнить любой приказ своего хозяина.

Зачем Берия и Вахтанг явились на могилу старца, и какого черта делает этот молодчик Тимури с пистолетом в руках на старом заброшенном погосте?

– Чего им всем нужно? – спросил я.

– Они хотят, чтобы я провела спиритический сеанс в их присутствии. – Голос ясновидящей дрогнул. – Главный прикажет мне воочию продемонстрировать свои способности. Мне надлежит вызвать дух старца в его обличье. Главный

желает проверить мое мастерство лично. Он хочет говорить с духом старца Фрола.

– Подожди! Что, если слова старца не понравятся главному? – я остановил машину и, хлопнув дверцей, вышел в морозную темноту ночи. – Он ведь может просто приказать нас убрать! Тебя и меня, прямо там на этом заброшенном погосте...

Элеонора молчала. Аккуратно открыв дверь, она тихонько выскользнула из теплого салона авто и встала рядом со мной. Я прижал ее к себе.

– Да ты хоть знаешь, кто он такой, тот, кого ты именуешь главным? Это сам Берия. Да шевельни он пальцем, и мы просто перестанем существовать. Зачем ему старец? Чего он хочет узнать у него с твоей помощью?!

Эос молчала. Я схватил Элеонору за плечи.

– Отвечай!

Она спрятала лицо на моей груди. Я почувствовал, что Эля плачет.

– Не знаю, вернее, не хочу знать! Ко мне ходили многие, в основном, женщины. Одни желали знать, женится ли на них их избранники. Другие просили молодости взамен бесполезных старческих лет. Я помогала всем. Но сейчас...

Элеонора осеклась. Она стояла, молча теребя замерзшими пальцами бахрому теплого цветастого платка, который был накинут на ее плечи.

– Я чувствую дыхание смерти, – вдруг произнесла она чу-

жим отрешенным голосом.

– Брось, – я попытался улыбнуться, – в этом платке ты похожа на цыганку Азу, – я указал рукой на ее платок с бахромой.

– Это мне досталось от матери. Какая-то женщина давным-давно разыскала меня и передала платок, сказала, что он будет меня охранять. С тех пор беру его с собой, если чувствую, что мне нужна помощь.

– Не бойся, я сумею защитить тебя получше любого платка.

– Не сомневаюсь в этом, Сережа.

Элеонора приоткрыла дверь и впорхнула обратно в кабину.

– Поедем, нас ждут, – тихо произнесла она.

– Давай сбежим, – предложил я, – можно уехать далеко-далеко. Я сумею достать фальшивые документы. Они будут очень хорошего качества. Никто никогда не найдет нас. Станем жить, работать.

– Брось, – Элеонора махнула рукой, – это невыполнимо. Нас обязательно найдут, ты ведь и сам это знаешь. Так, что садись в машину и поезжай быстрее, время не ждет. Может, все обойдется...

Она была права, да я и сам отлично все понимал. Бегство было абсолютно бесполезным занятием. Искать тогда умели и нашли бы нас в два счета. Оставалось покориться судьбе и

рассчитывать на благосклонность сильных мира сего.

Я сел в машину и рванул прямо с места. Из-под колес полетела мерзлая земля и острые, словно иглы, кусочки льда. Спустя полчаса мы были на мете. Вот и старая заброшенная церквушка. Ее кресты четко видны в морозной синеве ночи. За ней покосившаяся ограда кладбища. Тут я остановил машину. И почти не удивился, когда из тени большой раскидистой ели шагнул навстречу Опелю Вахтанг Дадуа. Мы с Элеонорой выбрались из кабины.

– Давно вас ждем, – бросил Вахтанг.

Он кивнул головой в сторону погоста и сделал рукой приглашающий жест.

– Прошу вас! Надеюсь, госпожа Эос, вам не нужно указывать дорогу? – Дадуа предупредительно открыл перед Элеонорой скрипучую калитку. Та невесело усмехнулась.

– Мне провожатый без надобности. Я тут частый гость.

Элеонора быстро пошла в сторону могилы старца. Не доходя до нее сотни шагов, Эос вздрогнула и остановилась. Фигура в темном драповом пальто была видна в свете вышедшей из-за туч луны четко и явственно. Блеснули стекла пенсне. Берия поправил надвинутую на самые брови шляпу.

– Покажите нам свое искусство, – голос министра госбезопасности звучал напряжено.

– Вы хотели бы потревожить покой старца Фрола? – спросила Элеонора.

– Пожалуй! – министр утвердительно кивнул большой

круглой головой, – известно, что Фрол был при жизни известным предсказателем. Хотелось бы узнать у него свою судьбу. Это выполнимо?

Голос Берии дрогнул. Он смотрел на Элеонору своим знаменитым немигающим взглядом. Эос отступила к почти сравнявшемуся с землей могильному холмику и встала на колени возле деревянного давно некрашеного креста.

– Думаю, ваша просьба будет услышана старцем...

Элеонора зажгла тонкую свечу, которую захватила из дома. Трепетный огонек метался из стороны в сторону, но, не смотря на поднявшийся ветер, не гас. Эос смотрела на огонь не отрываясь, словно метавшийся в ночи светоч освещал то, что было невидно, нам, простым смертным. Так продолжалось несколько минут, вдруг губы ясновидящей дрогнули. Она закрыла глаза и, войдя в транс, почти повалилась на могильный крест. Мы с Дадуа едва успели ее поддержать. Элеонора дрожала, как осиновый лист, платок сполз с ее головы, и я мог бы поклясться, что в этот момент ее красивые темные волосы стали седыми, белыми, как лежавший вокруг снег.

В следующий момент темнота сзади нас осветилась неярким синеватым светом. Дивное сияние шло откуда-то сверху, образуя своеобразный конус, внутри которого стала заметна фигура согбенного от времени старца. Длинные волосы были расчесаны на прямой пробор, а изборожденное глубокими морщинами лицо напоминало сморщенное яблоко. Особо меня поразили глаза. Проницательные, голубые, слов-

но июньское небо, глаза старца были по-детски ясны. Они смотрели на нас печально и с едва уловимой укоризной.

Старец Фрол сделал шаг вперед, неясные очертания его фигуры колебались. За свою службу в «Бесогоне» я повидал много призраков, но то, что видел сейчас, было не похоже на призрак. Ощущение ледяного могильного холода не приходило, скорее, по телу разлилось некое тепло, от которого появилось какое-то незнакомое доселе чувство. Мне стало хорошо и покойно. Может быть, именно это состояние и принято называть душевной благодатью.

Берия стоял тихо, потом снял с головы свою шляпу и неуклюже поклонился в сторону дивного видения. Фигура Фрола оставалась неподвижной.

– Я могу говорить с ним с глазу на глаз? – спросил Берия, оборачиваясь к уже вышедшей из состояния транса Элеоноре.

– Можете, для этого не нужны слова. Ваши вопросы у вас в душе, а Фрол умеет заглянуть в душу любому из смертных.

– Правда? – министр не потерял своего обычного самообладания, – это очень удобно. Разговор у нас со старцем будет сугубо конфиденциальный, и все сказанное в нем останется между нами.

– В этом не сомневайтесь, – Элеонора слегка поклонилась, – все, что вы хотите знать, вы узнаете. Другое дело, понравится ли вам то, что станет сейчас известно.

– Посмотрим...

Взгляд шефа МГБ стал жестким, губы его вытянулись в тонкую злую линию, выбритый до синевы подбородок сильно дернулся. Берия посмотрел в сторону старого покосившегося от времени склепа, стоявшего в некотором отдалении от могилы старца.

В тот момент, признаюсь, сердце мое екнуло. Отчего-то мне показалось, что Тимур Кецбая истолкует этот взгляд своего хозяина, как приказ к действию и застрелит нас Элеонорой прямо тут. Однако пистолет верного секретаря Берии молчал...

Берия повернулся и, твердо ступая по скрипучему снегу, двинулся к колеблющемуся в лучах переливающегося серебром света старцу. Силуэт Фрола стал четче, и выглядел теперь еще более величественно.

Скорбный взгляд Фрола стал мягче, его глаза были сейчас прикрыты. Старец опустил голову, и, едва Берия подошел ближе, тоже сделал шаг навстречу. С минуту они стояли друг против друга. Потом силуэт старца исчез, пропало и дивное сияние, которое его окружало. Министр повернулся и медленно пошел обратно. Поравнявшись со склепом, он едва заметно махнул рукой. Тимур Кецбая в пальто с поднятым воротником вышел из-за своего укрытия и, не глядя на нас, зашагал к воротам кладбища. Мы все шли за ним.

Лицо Берии слегка дергалось. Он часто дышал и даже, несмотря на мороз, распахнул пальто и снял с шеи колючий теплый шарф. Крупные капли пота катились по его лицу, но

министр не обращал на это никакого внимания. Он вдруг остановился и широко улыбнулся.

– Он сказал, что я переживу Хозяина! – тихо проговорил Берия.

Его взгляд скользнул по нам, видно было, что он очень возбужден и хочет поделиться полученными известиями. Здесь были лишь те, кому он доверял, в известных пределах, конечно. Берия окинул нас победным взглядом и остановил его на своем старинном друге Вахтанге Дадуа.

– Он сказал, что я переживу Самого! Я буду у власти дольше Хозяина! Это может означать лишь одно. Я сам стану этим самым Хозяином!

Министр щелкнул пальцами и ускорил шаг. Теперь нам всем приходилось почти бежать за ним. Я бросил взгляд на Вахтанга. Дадуа был хмур и явно не разделял восторгов своего начальника.

Оказавшись за оградой погоста, мы остановились. Берия и Тимур Кецбая двинулись к авто, на котором приехали на погост.

– Ты с нами? – обратился Берия к Вахтангу Дадуа.

– Нет, Лава, я поеду с Манцевым и гражданкой Эос.

Вахтанг решительно направился к моему Опелю.

– Как хочешь. Теперь это неважно!

Министр расхохотался и полез в кабину сановного лимузина. Тимур, смерив нас всех настороженным взглядом, уселся за руль и, запустив мотор, резво рванул с места. Об-

дав нас облачком бензинового выхлопа, автомобиль министра исчез из виду.

– Сейчас и мы двинемся, товарищ Дадуа.

Я, было, открыл дверцу кабины, но Вахтанг схватил меня за рукав и резко дернул в сторону.

– Отойдем, лейтенант, – тихо, чтобы не слышала Элеонора, прошептал он.

– Слушаю вас, – мигом насторожился я.

– Проверь авто! – приказал Дадуа.

– Зачем? – опешил я, – машина исправна, я проверял Опелек в нашем гараже.

– Проверь, говорю, – в голосе Дадуа проявились стальные нотки.

– Есть проверить, – козырнул я.

После тщательного осмотра обнаружилось, что тормоза не работают. Я бросился к Вахтангу, кутившему в стороне.

– Кто мог это сделать? Тимури? – вырвалось у меня.

– Только не задавай вопросов, – Вахтанг отбросил в сторону докуренную до самого мундштука папиросу, – какая тебе разница, кто это сотворил? Главное, что сеанс прошел успешно, Берия доволен полученными сведениями, а это значит, что все останутся живы и здоровы...

– Но...

– Никаких «но», – Дадуа открыл дверь авто, – устраняй неисправность, и в путь. Здесь очень морозно. Садитесь, гражданка Эос! – Вахтанг махнул рукой стоявшей в сторон-

ке Элеоноре.

Я быстро исправил неполадку, завел мотор и осторожно двинул автомобиль с места. Сидевшие в кабине молчали. Элеонора дремала, а Дадуа еле слышно напевал «Сулико».

– На месте министра я б поинтересовался, сколько мне осталось жить, – пробормотал я, не отрывая взгляда от обледенелой дороги.

Было холодно, поднялся сильный ветер, он задувал даже в кабину. Мелкие злые снежинки затеяли свой стремительный хоровод в ночном небе.

– Словно в сказке о Снежной Королеве, – бросил Вахтанг, зачарованно глядя в окно автомобиля.

– Почему Берия не спросил старца о дате своей смерти? Разве ему не интересно, сколько осталось жить? – не отставал я.

– Есть люди, для которых нет жизни без власти над другими людьми, – Дадуа поднял воротник шинели и надвинул поглубже форменную фуражку, – и от таких людей лучше держаться подальше. О том, что случилось этой ночью нам всем нужно немедленно забыть. Так-то, Серега! – невесело усмехаясь, закончил он.

Я лишь кивнул головой. Мой шеф был, как всегда, прав. Наутро я уже вытравил из памяти все воспоминания о нашей загородной поездке к могиле старца Фрола. Все, кроме одного, Элеонора Эос упорно не шла у меня из головы, и вскоре я сделал ей предложение. Мы расписались тихо, без сва-

дебного застолья и криков «Горько».

О своем решении я, как и положено, сообщил начальнику «Бесогона» Вахтангу Дадуа. Дадуа кандидатуру Эли одобрил, но посоветовал той свернуть свою деятельность, что и было исполнено незамедлительно. Элеонора Эос переехала ко мне, сделалась обычной советской гражданкой и поступила на работу в расположенную рядом школу, где очень старательно исполняла обязанности завхоза. Люди из органов к ней больше не обращались, и вскоре москвичи совсем позабыли о «госпоже Эос». У нас родился сын, мы были счастливы, но...

Однажды в нашей квартире раздался странный телефонный звонок. Дело было поздним осенним вечером пятьдесят второго года. Я поднял трубку.

– Здесь проживет гражданка Эос? – осведомился скрипучий голос с сильным грузинским акцентом.

– Так точно, – я похолодел от страха, узнав в говорившем самого Сталина.

– Передайте трубку гражданке Эос, – велел Сталин.

– Есть, слушаюсь! – еле вымолвил я.

Элеонора подошла к аппарату. Разговор с вождем длился меньше минуты, после чего Эля начала одеваться.

– Ты куда-то едешь?! – вне себя от волнения вскричал я.

– Да, – кивнула она.

– Куда?!

– Не знаю. – Элеонора пожала плечами, – думаю, это вы-

яснится в самый последний момент.

– Я еду с тобой! – решительно заявил я.

– Не кричи, разбудишь ребенка. Ему утром в школу...

Элеонора достала из голошницы теплые боты.

– Не отпущу тебя одну...

Я накинул на плечи шинель.

– Хорошо, пойдем, только напишу ребенку записку. Пусть думает, что нас обоих неожиданно вызвали на службу.

Мы оделись и вышли из подъезда. Было совсем темно, начал накрапывать мелкий холодный дождь. В небе появились первые в этом году снежинки.

– Совсем, как тогда, во время поездки к Фролу. Помнишь? – бросил я, обнимая жену за плечи.

Элеонора не ответила. Она напряженно всматривалась в стустившуюся ночную тьму.

– Кажется, они подъезжают. Я слышу шум авто, – прошептала она.

– Где? Я ничего не вижу и не слышу...

Я не успел договорить, как в арку двора вкатился большой черный лимузин. Машина двигалась почти бесшумно и походила на призрачное видение. Она остановилась прямо возле нас. Дверь авто приоткрылась.

– Садитесь в кабину! – приказал сидевший за рулем человек.

Я узнал глухой прокуренный голос начальника сталинской охраны. Генерал Власик был одет в темное загранично-

го кроя пальто и элегантную шляпу с большими загнутыми сверху полями. Мы с Элеонорой поместились на просторное заднее сидение. У окна уже сидел невысокий человек в старой насквозь пропахшей табаком шинели. Тусклый луч уличного фонаря на минуту высветил рябое лицо и нависший надо лбом козырек фуражки.

Сталин! Он сидит сейчас рядом с нами! Его взгляд с интересом скользнул по Элеоноре и тут же уперся в пол. Властик тронул автомобиль с места. Машина выехала со двора и помчалась в сторону Новодевичьего кладбища.

– Хочу говорить с женой, – глухо произнес Сталин, – я очень виноват перед ней, – чуть помедлив, добавил он.

Мы с Элеонорой не могли вымолвить ни слова. Так неожиданно было все, что происходило с нами сейчас. Казалось, время повернулось вспять, и мы снова едем на могилу к старцу Фролу. Только теперь в помощи Эос нуждается сам Вождь, великий и могущественный Сталин.

Отец народов смотрел в окно, но вдруг резко повернулся к Элеоноре и взял мою жену за руку.

– Пусть Светлана придет ко мне. Я должен с ней посоветоваться. Попросить прощения. Поговорить...

Сталин достал из кармана большой носовой платок и вытер им вспотевший лоб.

– В свое время я был наслышан о вас, товарищ Эос. И вот только теперь решил попросить вас. Уж, не откажите старику, – вождь настороженно взглянул на Элеонору.

– Я давно не практикую, но для вас, товарищ Сталин, сделаю все, что в моих силах, – спокойно откликнулась моя жена.

Я подивился ее выдержке и этому, явно напускному спокойствию. Меня самого била нервная дрожь. Сам Сталин был рядом с нами, и эта его близость могла стать для нас сущей погибелью.

– Мы едем на могилу Светланы? – поинтересовалась тем временем Элеонора.

– Да, – кивнул вождь, – я не был у Светы больше полугода. Все не было времени...

Сталин тяжело вздохнул и замолчал, молчали и мы. Сидевший за рулем Власик остановил автомобиль перед кладбищенскими воротами. Словно из темноты возник высокий худощавый человек в длинном непромокаемом плаще. Сбросив капюшон с абсолютно лысого черепа, человек шагнул к машине и изогнулся в полупоклоне.

– Директор кладбища Туманов, – представился он.

– Свободен, товарищ директор, – высунувшийся из машины Власик ткнул в кладбищенского начальника толстым указательным пальцем.

– Позвольте сопроводить до могилы, – не отставал Туманов.

– Пошел вон. Твои услуги сейчас не нужны, – рассвирепел генерал.

Автомобиль, миновав ворота, поехал вперед по широкой

аллее. Едва успевший отскочить в сторону Туманов так и остался стоять под дождем. Его лысая голова мелко дрожала. Он так и не решился накрыть ее капюшоном.

Проехав еще немного, машина остановилась. Скромная могила жены Вождя выплыла из ночной темноты неожиданно и зримо. Сталин, тяжело дыша, выбрался из автомобиля и шагнул вперед.

– Вот она, моя Света, там! – он указал дрожащей рукой в сторону надгробья, – я звал ее Чернобровка, – тихо добавил он.

Элеонора встала рядом со Сталиным. Глаза жены были плотно закрыты, на лбу обозначились глубокие морщины. Власик попытался приблизиться к ним, но Эос предупреждающе подняла руку, и генерал тот час отступил назад.

– Каково жить с колдуньей? – тихо спросил он у меня, но я пропустил вопрос мимо ушей.

Во все глаза я смотрел на Элеонору. Смотрел на нее и вождь народов. Смотрел с надеждой, которая чудесным образом светилась сейчас в его глазах.

– Она придет? – взволнованно спросил Сталин.

– Не знаю, все будет зависеть от вас. Я чувствую ее присутствие...

– Чернобровка, – Сталин подался вперед и неловко встал на колени, – прости меня. Сейчас я понял, что обижал тебя все время, что мы были вместе. Был невнимателен, груб, заносчив. Я лишь сейчас осознал, что остался совсем один. У

меня целая страна, а я очень одинок. Никого нет рядом. Никого. Дети выросли, а я старею. Уже совсем скоро я приду к тебе. Я чувствую это. Прости, прости, не осуждай меня. Ты ведь простишь?

Вождь замолчал и утер рукавом шинели мокрые от слез глаза. Элеонора стояла рядом. Ее взор был устремлен куда-то вверх, будто там, в темной небесной черноте можно было прочитать ответ на самый главный вопрос, что мучил сейчас великого вождя самой великой страны. Небо оставалось темным, сверху падал дождь, его частые, но мелкие капли образовали зыбкую плену.

– Она ничего не может, – с каким-то облегчением выдохнул Власик, – все это бабкины сказки, которые хороши для легковерных кумушек и...

Генерал не договорил. Дождь прекратился, прямо над нами полыхнула ярким белым светом зарница. И в отблеске сполоха показалась женщина. Она была в красивом кремовом платье. Волосы женщины были аккуратно зачесаны назад. Она улыбалась, держа в руках маленький букетик полевых цветов...

Едва показавшись, виденье исчезло, снова начал накрапывать дождь

– Чернобровка! – Сталин указал желтым от никотина пальцем в темноту, где только что была видна женщина, – на даче, цветы, я сорвал в поле, подарил букет. Она радовалась, как девчонка. Чернобровка простила, она простила меня –

торопливо бормотал вождь.

Власик резво метнулся к Хозяину и поднял того с колен. Вместе они пошли к автомобилю. Мы с Элеонорой оставались стоять. Про нас просто забыли...

Через минуту большой черный лимузин, еле слышно шурша шинами, выкатился с кладбища.

– Пойдем домой, ты сделала свое дело! – я обнял Элеонору за плечи.

– Идем, – она прижалась ко мне.

Мы прошли мимо директора Туманова, все также стоящего возле кладбищенских ворот. Сквозь пелену дождя просматривались величественные очертания Новодевичьего Монастыря. Скрип тормозов заставил нас обернуться.

– Сергей?! Элеонора?! Вот вы где! – из автомобиля выскочил Вахтанг Дадуа, – мне домой звонили от Власика. Забирай, говорят, своих людей. Они возле Новодевичьего. Что вы тут делали, не спрашиваю. Не имею на то полномочий...

Мы подавленно молчали. Мысль, что сегодняшнее «мероприятие» не пройдет для нашей семьи бесследно, не давала мне покоя. Уверенность в этом росла и крепла, полностью вытеснив из сознания все остальные мысли. Думаю, что Элеонора думала точно также как и я, но не говорила мне об этом...

Вахтанг довез нас до дома и, попрощавшись, исчез в ночной тьме. Войдя в квартиру, Элеонора рухнула на диван без сил. Наутро жене стало плохо, ее увезли в больницу. По-

чти месяц Эля неподвижно лежала на больничной койке. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль. Она не слышала и не видела ничего из того, что происходило вокруг. Врачи лишь беспомощно разводили руками, да я и не надеялся на них. Знал, что к медицине это ее состояние отношения не имеет.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды поздним вечером в палате Элеоноры не появился профессор Мухоморов. Он уселся на табурет и принялся внимательно разглядывать мою жену.

– Элеоноры здесь нет, – вдруг заявил он.

– То есть, как?

Я подумал, что ослышался...

– Это лишь ее телесная оболочка, которая доживает последние часы...

Профессор наклонился ко мне, и я почувствовал, как от него пахнет странной смесью табака, одеколona Шипр и каких-то химреактивов, названия которых были мне неизвестны. Старик пристально смотрел на меня, от этого взгляда мне становилось не по себе.

– Вы с Элей были в ту ночь на Новодевичьем Кладбище? – спросил Мухоморов, понизив голос.

– Откуда вам это известно? – опешил я.

– Слухами земля полнится, – Мухоморов усмехнулся, – если честно, мне сообщил об этом Вахтанг. И сюда я пришел, чтобы помочь твоей Эле. Собирайся, – старик взглянул на тикающие на прикроватной тумбочке часы, – одиннадцать

вечера. Самое подходящее время...

– Не понимаю вас, товарищ профессор. При чем тут моя Элеонора? – проронил я.

– Когда занимаешься подобным ремеслом, нужно быть готовым ко всему. Твоя жена прекрасно знала, чем ее занятие может обернуться для нее самой. Общение с душами умерших – смертельно опасная работа. Во время сеанса связи твоя Эля практически покинула свое земное тело. Ты про крадунов душ слышал когда-нибудь?

– Нет...

– То-то, – Мухоморов встал и, взяв меня за рукав, потянул вон из палаты, – пойдём. Будем надеяться, что еще не поздно.

– Да в чем, черт подери, дело?!

Я попытался вырваться, но Мухоморов продолжал тянуть меня за рукав кителя, – следуй за мной. Дорогой объясню, что к чему, – невозмутимо пояснил он.

Мы вышли на улицу. За корпусами больницы стоял наш издавший виды Опель. За рулем авто нервно курил Савва Сорокин.

– Нужно торопиться, – бросил он, заводя мотор.

Мы с Мухоморовым едва успели устроиться на заднем сидении авто, как Савва тот час рванул машину с места.

– Да объяснитесь же! – не выдержал я.

– Мы едем на Новодевичье Кладбище, – начал Мухоморов, – этот старинный погост хранит в себе множество тайн.

Я разыскал одну старинную книгу, где описан точно такой же случай, что произошел с твоей женой. Один из медиумов девятнадцатого века испытал на себе тайну древнего заклятия чернавки Ефросиньи...

– Что за чернавка Ефросинья? – не понял я.

– Дворовая девка, служанка дочери Ивана Грозного Анны. Дочь Иоанна Васильевича похоронена тут! Анна умерла, царь обвинил чернавку в «черном глазе». На девушку указала придворная предсказательница горбатая бабка Параскева. Де, именно чернавка сглазила царскую дочь. Учинили следствие, опричники нашли в сундуке Ефросиньи завернутые в тряпицу куриные кости и кошачьи когти. По тем временам универсальный набор для наведения порчи.

– Бред какой-то, – вырвалось у меня.

– Не перебивай, Манцев! – встрял Савва, – продолжайте профессор, – обратился он к Мухоморову.

– Короче, Ефросинью сожгли на костре, как поступали в те времена с ведьмами. В знак отмщения прах ослушницы был рассеян по ветру возле могилы Анны. Однако вскоре с одним из опричников, тем самым, что производил обыск в комнате чернавки, произошел трагический случай. Напавшая на него большая черная галка выклевала служивому глаза. Следом за ним подобная участь постигла и горбатую Параскеву. Царь счел случившееся дурным предзнаменованием и подверг обоих допросу с пристрастием. И опричника и Параскеву ломали на дыбе. Бабка молчала, а опричник не

выдержал и заговорил.

Выяснилось, что он просил руки Ефросиньи, а девушка послала его подальше. Опричник решил отомстить. Но как? Тут умерла царская дочка. Служивый подкупил горбатую Параскеву, та указала Грозному на чернавку, де, она вино-вата...

– А опричник во время обыска подсунил в сундук ничего не подозревавшей Фросе сверток с культовыми предметами колдовства того времени, – закончил за Мухоморова я.

– Точно, – согласно кивнул Мухоморов, – так они и было. Тому есть документальное подтверждение, выдержку из летописных источников того времени зачитаю позже. Кстати, и Параскеву, и подкупившего ее опричника казнили...

– А при чем тут Элеонора? – я взглянул на невозмутимо, раскуривавшего трубку профессора Мухоморова. – Полагаете, мятежная душа невинно сожженной на костре дворовой девки Ефросиньи мстит за свою загубленную жизнь всем медиумам, отметившимся на здешнем кладбище?

– Именно так я и думаю, – согласно кивнул седой головой Мухоморов, – скажу тебе больше. Я знаю образ, в который рядится эта мятежная душа. Большая черная галка стережет ночами кладбищенский покой. И очень не любит, когда на ее территорию вторгаются пришлые медиумы. Злая она на предсказательниц, памятуя о горбатой Параскеве, не жалуется ясновидящих. Галка – Ефросинья способна лишить их самого дорогого, что есть у человека...

– Души? – выдохнул я.

– Именно, – профессор смотрел на меня не мигая, – и знаешь, что, Манцев? Скажу тебе по большому секрету, я склонен предполагать, что Ефросинья и вправду была ведьмой. Еще до революции мы отцом Саввы пытались изловить эту чертову галку, но не преуспели в этом, она обманула нас. Сегодня, думаю, у нас все получится. Мы учли ошибки. Убьем птицу, успокоится мятежная душа Ефросиньи, и к Эле ее душа тоже вернется. Можешь мне поверить! – профессор ободряюще хлопнул меня по плечу.

Тем временем автомобиль подкатил к кладбищенской ограде. Но это был не центральный вход, откуда заезжал лимузин Сталина. Перед нами высился металлический забор из заостренных на концах пик. Да и стены монастыря были видны совсем близко.

– Тут территория старого кладбища, – пояснил Савва, – сейчас похоронные угодья значительно расширены. Нужно же где-то хоронить выдающихся деятелей советского периода...

– А где искать Галку Ефросинью? – поинтересовался я.

– Где-то здесь, – профессор развернул на коленях старую затертую до дыр карту погоста, – вот старые захоронения, здесь могила царской дочери Анны, – он ткнул прокуренным указательным пальцем куда-то в середину плана, – начнем наши поиски отсюда...

– Разбирайте оружие, – Савва поднял с переднего сиде-

нья шинель, под которой оказались три маленьких, не больше пистолета ТТ, арбалета, – наконечники стрел отлиты из серебра и окроплены святой водой. Сами арбалеты – раритетные, работы древнего оружейника. Я их взял из семейного тайника. Это дар отцу от одного именитого воеводы из Валахии. Папаша хорошо помог зарубежному коллеге, перед Первой Империалистической они вместе перестреляли не один десяток оборотней в тамошних лесах.

Мы вооружились. Я впервые держал в руках такое грозное оружие. Арбалеты были сделаны мастерски, их вес практически не чувствовался, а сила, по словам Саввы, была поистине убойной. Я с удивлением смотрел на профессора Мухоморова. Он шел, положив оружие на согнутую в локте левую руку. Старик перехватил мой взгляд и усмехнулся в желтые от табака усы.

– Я ведь не всегда на кабинетной работе был. Раньше, случалось, и к боевым операциям привлекали. При царизме, конечно, – пояснил он.

– Разговорчики, – прервал старика Савва.

Сорокин шел, высоко поднимая ноги. Бурьян, которым заросли старые, давно не посещаемые могилы, ложился под его шагами послушно и бесшумно, словно Савва и вовсе не касался травы подошвами своих хромовых сапог.

В этой части кладбища было много покосившихся надгробий, и даже встретилась парочка почти развалившихся от времени склепов.

– От монастыря дальше отходить нужно. Тут Галки нет. Кресты храма рядом, она их боится, – прошептал старик профессор.

Савва не ответил, но взял чуть левее. Временами он оставался и в крошечной тьме принимался смотреть в карту. Что он видел там? Как он разбирал и прокладывал маршрут? Не знаю, сказать не могу, но мы шли верным путем. И вскоре я увидел Ефросинью. Она сидела на развалившейся надвое могильной плите. Вышедшая из-за туч луна освещала ее сейчас ярко и четко. Большие черные крылья блестели в лучах ночного светила.

Я выстрелил, почти не целясь, стрела пробила птице грудь. Беспомощная тушка упала вниз на давно осыпавшийся могильный холм. Можно торжествовать? Но почему лица моих товарищей все также напряжены? Отчего они не радуются моей победе?

– Савва, – начал, было, я.

– Это не она, – отрезал Сорокин, даже не обернувшись в мою сторону.

– Ты погоди, лейтенант, не пали сгоряча, – голос идущего чуть в стороне от меня Мухоморова был мягче.

Я замолчал, теперь я шел сзади. У меня мало опыта. Зачем они взяли меня с собой? Я не могу отличить простую ночную птицу от исчадья ада, которое похитило душу Элеоноры. Я вновь зарядил свой арбалет, но не держал его на изготовку. К чему, если толку от меня – чуть? Мы блуждали уже больше

двух часов. Я сильно устал и поражался тому, что Савва и старик Мухоморов совсем не чувствуют этой изматывающей усталости.

– Она! – вдруг услышал я свистящий шепот старика Мухоморова.

Я огляделся, чуть в стороне, на высоком, в два человеческих роста памятнике, сидела небольшая нахохлившаяся птица. Взгляд ее немигающих, отливающих мертвым синим светом глаз был устремлен на нас. Взгляд этот завораживал. Я, словно, остолбенел. Опустив свое оружие, я сам смотрел в эти мерцавшие в ночной тьме глаза.

Краем уха я уловил резкий свист спущенной тетивы. Сорокин и старик профессор выстрелили практически одновременно. Мухоморов промазал, Савва же попал, птица дернулась всем тельцем, я увидел, что стрела Сорокин прошила ее насквозь. Но Ефросинья оказалась живучей, словно на замедленной пленке, она попыталась взмыть вверх.

– Стреляй, уйдет! – прокричал мне Савва.

Голос друга вывел меня из странного состояния столбняка. Я увидел, что Савва перезаряжает свой арбалет, а птица Ефросинья взмывает вверх, сливаясь с черным ночным небом. И я выстрелил. На сей раз, я целился старательно, как в осваохимовском кружке, когда мы всей группой тренировались в стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Мой выстрел оказался решающим, я попал точно. Безжизненная тушка птицы рухнула вниз, на заросший бурьяном холм мо-

гилы.

Я почти не удивился, когда, грянувшись оземь, мертвая галка превратилась в светящуюся зеленоватым светом девушку. Одета в длинное, до пят, домотканое платье она лежала на могильном холме, пробитая моей стрелой. Длинные косы, красиво очерченные брови, полные, зовущие к поцелуям губы. Что не говори, при жизни Ефросинья была настоящей красавицей. При жизни, но не сейчас!

Теперь ее полный ненависти взгляд был устремлен на нас. Губы чернавки беззвучно шевелились, изрыгая проклятия, а подернутые мутной поволокой смерти глаза были широко открыты.

Я шагнул к ней и протянул руку закрыть умиравшей глаза. Нестерпимый, обжигающий до костей жар накрыл меня с головой. Горячая волна проникла в мои легкие, я закашлялся и, теряя сознание, полетел вперед, туда, где на месте лежащей на могильном холме Ефросиньи разгоралось теперь зеленоватое бесовское пламя.

– Назад! – услышал я где-то вдалеке голос моего сослуживца Сорокина. Сильная рука вырвала меня прочь из этого обжигающего пламени, я упал на мокрую от дождя траву.

Еще несколько минут я приходил в себя, а когда очнулся окончательно, увидел склонившихся надо мною Савву, профессора Мухоморова и Вахтанга Дадуа.

– Слава богу, – выдохнул Вахтанг, – Элеонора, твой бла-

говерный пришел в себя и начал подавать признаки жизни! – крикнул Дадуа куда-то в распростертое за мной белое пространство.

Я увидел себя лежащим на больничной койке. Часть лица и правое плечо были покрыты ослепительно белыми повязками и сильно болели. Рядом за маленьким столиком прикорнула моя Эля. В стоптанных домашних тапочках и стареньком застиранном халате, она была красива, как никогда. Заслышав слова Дадуа, она тотчас проснулась и подошла к моей койке.

– Как хорошо, что твои товарищи пришли тебя проведать, – улыбнувшись, проговорила она.

– Проведать? – я подскочил на койке. – Почему я в госпитале? Как ты себя чувствуешь, Эля? И вообще, что происходит? Ответьте мне кто-нибудь! Я помню, как мы уничтожили Ефросинью. А после – ничегошеньки, сплошной туман...

– Профессор, может быть, вы? – Элеонора повернулась к Мухоморову.

– Пожалуй, – старик уселся на белый больничный табурет, раскурил трубку и лишь после этого пояснил, – ты, мил человек, получил бесовской ожог. Бывает, у бесогонов это часто случается. Смертельный жар, который исходит от умирающей нежити, коснулся тебя своим злобным дыханием. Только и всего. Проходит такой ожог дольше, чем обычный, и порой сопровождается частичной потерей памяти.

– Я тоже в свое время получил подобную метку, – вступил,

было, Савва Сорокин.

Но Вахтанг Дадуа предупредительно поднял вверх правую руку и Савва послушно замолчал.

– Оставим воспоминания на потом, – решительно заявил шеф «Бесогона», – сейчас Сергею и Элеоноре нужно побыть вдвоем. Нам же лучше откланяться. Ждем тебя на службе, Манцев!

Вахтанг пожал мне руку и шагнул к выходу из палаты, вслед за ним потянулись и остальные. Мухоморов чуть задержался возле моей койки.

– Посмотри на досуге, – он положил на тумбочку глянцевый черно-белый снимок, – отпечаток руки дворовой девки Ефросиньи.

– На что он мне? – удивился я.

Старик промолчал. Лишь во время перевязки, что делала мне Эля, я увидел на моем плече точно такой же отпечаток.

– Дьяволица коснулась тебя своей огненной дланью. Немногие выживают после такого, – тревожно выдохнула Элеонора.

– Брось, все это уже в прошлом, – я привлек Элю к себе и крепко поцеловал в губы.

– Ты спас меня, Сергей! Когда вы покончили с Ефросиньей, я вновь стала прежней. Жизнь вернулась ко мне...

– Так и должно было быть...

Я поднялся с койки и глянул в окно. На улице была весна. Не ранняя, с ее проталинами и грязно-серыми лениво осе-

дающими вниз сугробами, а та, которая дарит уставшему от долгой зимы миру первые зеленые листочки. Я приоткрыл форточку и глубоко вдохнул терпкий наполненный новыми весенними запахами воздух.

– Теперь все будет хорошо, – медленно, почти по слогам произнес я.

– Дай–то Бог, – откликнулась Эля.

Я вышел из госпиталя перед Первомаям, а после праздника вновь приступил к службе. Ожог уже не беспокоил меня. Элеонора тоже чувствовала себя хорошо. Правда, после этого случая жена окончательно потеряла способность к общению с душами умерших. Исчез и ее дар ясновидения. Как-то, я попросил ее предсказать результат футбольного матча. Эля ошиблась, и, признаться, я не сильно-то и огорчился. Жить с медиумом интересно, но опасно. Гораздо спокойнее, когда рядом с тобой обычная земная женщина.

Мы давно вышли на пенсию, живем тихо и уединенно и иногда вспоминаем времена нашей тревожной молодости. Лишь одна загадка не разгадана мной до сих пор. Прожив все эти годы с Элеонорой, я так и не узнал тайны ее сеансов омоложения. Те давнишние сеансы так и не открыли мне своих секретов. Даже сейчас, в весьма преклонном возрасте моя Эля остается привлекательной особой. Что если она и вправду оставляла себе годы своих многочисленных клиентов? Что же еще дает ей возможность выглядеть так обворо-

жительно?

На все мои вопросы жена лишь загадочно улыбается и говорит, что я единственный мужчина, который находит ее прекрасной до сих пор.

«Лешак» (рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)

Не знаю, известно ли вам что-нибудь о леших, этой нечисти низшего разряда, о которой и говорить-то особо нечего? Кажется, ну что о них можно рассказать? Вроде бы, лешаки на многое не способны, ну что они могут? Путать лесные тропы, да заставляя сбившихся с пути бедолаг кружить по лесу, пока у тех силы не кончатся. Тогда усталый путник сядет на пень, или упадет без сознания на ковер из прелых листьев, а лешаку – забава. Радует его, что погубил человека зазря и от этой радости начинает буйствовать, то свистит, как оглашенный, то ревет, словно иерихонская труба. Именно эти звуки последнее, что слышат люди, встречая смерть в непроходимой чащобе, куда забрели из-за проделок этого лесного мерзавца, которого в русских народных сказках принято выставлять таким недотепой-дурачком, поросшим мхом до самых бровей.

Не верьте сказкам, товарищи! При всей своей неприятельности эти твари совсем не похожи на штампованный фольклорный элемент. По молодости, еще ни разу не встретившись с лешими, я тоже не шибко верил в их вредную и гадкую сущность. Теперь рассуждаю иначе. Я видел тела замерзших в лесу охотников, не раз наблюдал трупы грибни-

ков, плутовавших совсем рядом с человеческим жильем, да так и не вышедших к людям.

Однажды в глухом сибирском селе я был поражен странным обычаем. Крестьяне оставляли на далекой лесной полянке кучки свежесобранных ягод и грибов, своеобразное угощение для лесного лихоимца. Позже, придя на ту же поляну, селяне с удовлетворением замечали, что кучки исчезли. Аккуратно подобранные, они были унесены местным лешаком, а не сожраны лесным зверьем. Те обязательно подавили бы или подрастеряли бы часть подношений. Так уверял меня один местный следопыт, к услугам которого прибегали еще наши предшественники, спецы из особого отдела тогдашнего жандармского управления.

Позже мне приходилось видеть представителей этого лесного сословия воочию. Выглядели они достаточно прозаично. Невысокие, кряжистые с нездоровой землистого цвета кожей, всегда неопределенного возраста, где-то в районе от тридцати до сорока пяти, по нашим человеческим меркам. Они не вызвали бы подозрения, встретить вы их на улочке какого-нибудь села или деревни. В кирзовых сапогах, в старенькой телогрейке, они мало, чем отличались бы от обычных местных мужиков. На первый, беглый взгляд!

На самом деле они чрезвычайно живучи, могут переносить любые морозы и обычно ходят босыми круглый год. В лесу их практически не отыскать, они редко показываются на глаза людям. Большая удача увидеть логово лешего. Лично

я пару раз видел лишь брошенные жилища лешаков, представлявшие собой низенькие хатки в половину человеческого роста. Вернее всего, он там лишь спит, да и то совсем непродолжительное время. Часа два, три в сутки.

Один из моих наставников, бывший поручик жандармского управления Илья Рябов уверял, что не все лешие опасны. Де, некоторые из них с грехом пополам адаптировались к человеческой жизни, нередко они получали паспорта и даже были при должностях, служили егерями и надзирали за лесным хозяйством. Правда, семьями они не обзаводились и со временем внезапно пропадали. Уходили умирать в лес.

Тот же Рябов уверял, что лешаки чувствуют свой уход загодя и встречают его в лесной чащобе в гордом одиночестве. Часть правды в словах моего наставника, несомненно, есть, но частично его домыслы все же ошибочны.

Лично я не встречал ни одного положительного лешака, ни лесничего, ни егеря. Зато видел одного мерзавца, который навел карателей на лагерь партизанского отряда. Позже, уже после войны мы брали его в чащобе брянских лесов.

Подлец не считал себя виноватым и даже смеялся нам в лицо, заявляя, что служил в оккупационной полиции по зову сердца. Мы казнили его прямо на месте. Умерщвлять этих особей нужно путем сжигания на костре, что и было сделано. Известно, что в час наступления смерти лешак деревенеет, покрывается корой и становится похожим на причудливую корягу, по своему виду отдаленно напоминающую челове-

скую фигуру.

Корягу необходимо сжечь до углей, если же оставить ее просто валяться в лесной балке, или под раскидистой елью, дело примет очень скверный оборот. Именно о таком деле я и собираюсь вам поведать...

Известный столичный скульптор Влад Невельский был найден мертвым на своем приусадебном участке летом 1946 года. Влад лежал рядом с деревянным теремом, который купил у вдовы местного председателя колхоза. Женщина продала искусно выстроенный в старорусском стиле дом умершего супруга, а сама подалась в город, переселившись в семью сына.

Дом Невельского находился в одной из забытых Богом деревень калужской области. Сам Влад, обладая характером взрывным и неуживчивым, избегал общества богемных персонажей, плохо ладил с людьми и, как следствие, любил уединенные места и одиночество. Именно эти качества подвигли его основать свою загородную резиденцию в этом «медвежьем углу». Холостяк, он часто покидал роскошную городскую квартиру и проводил здесь почти все свое свободное время. Здесь же и работал, делая наброски и эскизы своих будущих творений.

По хозяйству ему помогала молодая местная деваха Алевтина, не скрывавшая своей любовной связи со столичной знаменитостью. Влад всюду наслаждался здоровой деревен-

ской жизнью, но однажды кто-то убил его, причем убил совершенно диким образом.

Находившаяся в огороде Алевтина услышала крики хозяина терема, но, прибежав на место, застала лишь бездыханное тело. Шея Влада была сломана, а на спине виднелись страшные кровавые борозды, словно некто снимал со скульптора кожу.

Что за чертовщина? Местные милиционеры, робея перед известностью погибшего, передали дело московским коллегам. Москвичи оповестили Берию, который и приказал нам расследовать обстоятельства таинственной и страшной смерти Невельского, известного мастера, обладавшего специальным разрешением увековечивать в камне самого вождя мирового пролетариата.

Вести расследование Вахтанг Дадуа поручил мне, и я тут же отправился на место гибели несчастного скульптора. Перво-наперво я посетил местного участкового Савелия Прокопчука, жившего в соседней деревушке. Прокопчук был первым из милиционеров, кто видел тело погибшего.

– Страшное это было зрелище, товарищ Сорокин, я, повидавший на своем веку всякое, даже дар речи потерял в первый момент, – начал рассказ участковый.

Крепкий мужчина, слегка за сорок, Савелий не производил впечатления хлюпика, но на его глазах появились слезы. Мы беседовали в его хате, сидя за столом, но милиционер поднялся со скамьи и принялся в волнении шагать по ком-

нате. Наконец, он остановился и впился в меня своим пронзительным взглядом.

– Поверите? Не спал после этого два дня. Глаза закрою, а предо мной скульптор этот московский лежит. Шея словно стебель у цветка переломана, а кожу на спине, будто железными когтями кто драл...

– Неужели? – вставил я.

– Глубина борозд достигает трех сантиметров. Так в протоколе осмотра тела написано. Вот, читайте сами. Калужские милиционеры писали, я их вызывал...

Савелий положил на стол смятый листок, копию протокола.

Я прочитал его с великим вниманием, но ничего интересного для себя не обнаружил. Лишь одна деталь несколько удивила меня, в кровавых бороздах были обнаружены мельчайшие частицы дерева, предположительно ели, или осины...

Я сказал об этом Прокопчуку.

– Ничего удивительного. Рядом с телом было найдено несколько больших деревянных щепок, стружка вроде еще рядом лежала. Я подумал тогда еще, мол, москвич что-то мастерил. Может, какую-то поделку вырезать из дерева задумал...

– А где же то деревянное изделие, над которым трудился Невельский перед смертью? – поинтересовался я.

– Не знаю, больше ничего там не было, – пожал плечами

Прокопчук.

Участковый разлил по стаканам мутный самогон и один из них пододвинул ко мне.

– Угощаю, пейте на здоровье.

Пить мне не хотелось, но чтобы не обижать хозяина, я, задержав дыхание, влил в себя мутную дурно пахнущую жидкость

– В город поедите? – спросил милиционер.

– Конечно, нужно осмотреть тело. Оно в морге.

– Тогда увеличим дозу.

Участковый наполнил стаканы по новой. Я послушно выпил свой самогон и, попрощавшись, вышел.

Поездка в город заняла почти три часа. Само здание морга, старое обшарпанное строение, стояло особняком в самом конце кривой грязной улочки. Подслеповатый старичок-вахтер в сером без рукавов ватнике проводил меня в подвал.

– Вам туда, – указал он на обитую железом дверь с надписью «Трупарня».

Я вошел внутрь, в нос ударил неприятный запах хлороформа. В тусклом свете лампочки на прожекторском столе лежало тело несчастного Влада Невельского. Прокопчук был прав, зрелище было настолько ужасающим, что даже служитель морга, давно привыкший к изуродованным трупам, отошел в сторону и отвернулся, предоставив мне «любоваться» мертвецом в одиночестве.

Сказать, что Влад был изуродован, значит, не сказать ни-

чего. Нетронутым было лишь лицо несчастного, но и оно было искажено ужасом. Перекошенный рот, выпученные глаза трупа, на это трудно было смотреть без содрогания. Глубочайшие борозды на спине, все в запекшейся крови они, казалось, прошили тело несчастного насквозь. Сломанная шея и свороченная набок голова делали тело скульптора похожим на нелепую игрушечную куклу, которую испортила рука дерзкого сорванца-озорника.

– И все-таки Невельский умер не от этих ран, – раздалось вдруг за моей спиной.

Я оглянулся, невысокий крепыш в давно нестиранном белом халате и мятой докторской шапочке стоял, скрестив на груди полные руки.

– Не совсем понял вас? Кто вы?

– Медэксперт Ершиков. С кем имею честь?

– Старший лейтенант МГБ Сорокин, – я протянул свое служебное удостоверение комичному толстяку в грязновато-сером халате.

Тот принял его и тут же отдал обратно, даже не заглянув внутрь.

– Чудовищная кровопотеря, сломанные шейные позвонки. Травмы на теле. Все это вторично, товарищ чекист, – он усмехнулся, – Невельский умер от обширного инфаркта. Разрыв сердца случился, скорее всего, от сильнейшего испуга, он увидел нечто такое, чего увидеть в принципе невозможно. Дьявола, к примеру. Я ясно выражаюсь?

– Полагаете, что Влад испугался чего-то, и от этого его сразил инфаркт? Так?

– Именно, – согласно кивнул мятой шапочкой Ершиков.

– Что бы это могло быть? – в раздумье пробормотал я.

– Этого я не знаю. Полагаю, что этот аспект вам и придется прояснить в самое ближайшее время.

Ершиков с достоинством кивнул мне и, величественно покачиваясь из стороны в сторону, скрылся за высокой тяжелой дверью прозекторской.

– Умнейший мужик, жаль только выпивает сверх всякой меры, – бросил санитар и принялся закрывать тело простыней.

Я молча вышел в коридор. Теперь оставалось допросить Алевтину, экономку и, по совместительству, любовницу скульптора Невельского.

В деревню я вернулся лишь к вечеру и сразу же отправился к Алевтине. Та сидела в тереме, запершись на все замки, и неохотно пустила меня внутрь.

Высокая и статная, она хорошо знала себе цену и взглянула на меня холодно и надменно. Что ж, я был солидарен с Владом Невельским, ради такой красивой девушки стоило бросить к чертовой матери всю эту столичную суету. «Совершенство» – это слово емко характеризовало внешность Алевтины.

«Наверное, она позировала Владу обнаженной» – нехотая подумал я, но тут же постарался направить мысли в нуж-

ное для расследования русло.

– Мне нужно с вами поговорить, – окинув строгим взглядом прелестницу, значительно произнес я.

– Я все рассказала калужским милиционерам, а до этого местному участковому Прокопчуку. Мы жили тихо и уединенно. Да, действительно, меж нами установились близкие отношения, но врагов у нас с Владом не было. Не знаю, кому было нужно убивать его. Не знаю... – Алевтина сокрушенно покачала головой.

Речь ее была грамотной и хорошо поставленной. Видно было, что общение с человеком искусства не прошло для нее даром. Видимо, Невельский слепил таки из простой крестьянки свою Галатею.

– Я не об этом, – прервал я ее.

– О чем же? – не поняла девушка.

Она поправила подол своего красивого, явно не деревенского платья и посмотрела на меня с недоумением.

– Чем занимался Влад последние дни. Может быть, он мастерил что-нибудь? Почему на участке обнаружили древесную стружку?

– Не знаю, – девушка пожалала плечами, – в день своей смерти, он ходил за грибами, но вернулся с пустым лукошком. Вместо лисичек, которые он так любил, Влад притащил из лесу какую-то жуткую корягу и сказал, что будет делать из нее скульптуру Фавна.

– Фавна?!

– Да, Фавна, Невельский рассказывал мне о каком-то древнем боге лесов и полей. То ли греческом, то ли римском....

– Где сейчас эта коряга?

– Не знаю, – девушка пожалала плечами, – наверное, валяется где-то на участке. Влад начал с ней работать. Взял какие-то свои резцы по дереву. Забыла, как он их называл...

– Что было дальше?

– Влад тесал свою корягу, а я пошла в огород, набрать к ужину свежих овощей. Влад любил отведать салата. Он называл его по-городскому, холодной закуской.

– Не отвлекайтесь, – я начал терять терпение, – итак, Влад начал работать над корягой, а вы пошли в огород за свежими овощами с грядки. Дальше что было?

– Дальше, не успела я набрать овощей, как раздался жуткий крик Влада. Жуткий, я никогда не слышала, чтобы так кричали.

По щекам Алевтины потекли слезы, девушка утирала их кончиком тоненького носового платочка, вернее всего, подаренного ей скульптором.

– Я подбежала к Владу, но он был уже мертв. Бедняжка, – она зарыдала.

– А где же была в это время найденная Невельским коряга? – не отставал я.

– Да не знаю я! До коряги ли мне было?! Человека убили, а вы деревяшкой какой-то интересуетесь! – она смотрела на

меня, как на умалишенного, – на что вам эта коряга, товарищ офицер?

– И все же, я попрошу вас выйти из дома и поискать корягу на участке. Считайте это приказом.

Алевтина, утирая слезы, послушно влезла в аккуратные резиновые ботинки и вышла на двор. Я неотступно следовал за ней. Шаг за шагом мы обошли все пространство участка, но ничего похожего на корягу не обнаружили.

– Нет, ее тут нету.

Она удивленно смотрела на меня.

– Ума не приложу, кто бы мог ее взять, – девушка растерянно развела руками.

– Вспомните, была ли эта коряга рядом с телом Невельского, когда вы примчались на его крик? Или ее уже не было тут? Этот вопрос очень важен, попытайтесь дать на него правильный ответ.

– Это поможет найти убийцу? – спросила Алевтина.

– Возможно, – уклончиво ответил я.

Алевтина задумалась, слезы на ее лице высохли, сейчас она старательно вспоминала ту страшную минуту, когда увидела обезображенное тело любовника.

– Нет, коряги рядом не было. Не было, точно, не было!

Она решительно тряхнула головой, словно, отгоняя от себя всякие сомнения.

– Неплохо, – похвалил я ее, – теперь покажите мне место, где лежал Влад.

Алевтина подвела меня к невысокому заборчику, за ним невидалеке виднелся в сумерках лес.

– Влад лежал тут, – она указала пальцем на примятую траву.

Даже сейчас, спустя почти двое суток после убийства, давно некошенная трава была примята. От места гибели скульптора вела в лес неширокая тропка такой же примятой травы.

Я вопросительно взглянул на девушку.

– Влад именно тут волок из лесу свою корягу, будь она неладна. Трава примялась от ее веса. Она ведь достаточно тяжелая, – пояснила Алевтина.

– Милиционеры пускали по следу служебную собаку?

– Пускали, но след она не взяла. Лаяла, да скулила только.

– Ясно, – я взял Алевтину под руку и повел к дому, – спасибо за помощь. У меня к вам будет не совсем обычная просьба. У вас топор имеется?

– Топор?! – Алевтина подумала, что ослышалась, – есть, конечно, но на что он вам?

– Дайте его мне, – приказал я.

Алевтина принесла из кособокой сараюшки остро оточенный топор.

– Возьмите, – она аккуратно положила его у моих ног.

– Идите домой. Время позднее, – скомандовал я.

Девушка, испуганно оглядываясь, посеменила домой, а я двинулся в лес по тропинке из примятой травы. Картина по-

исков убийцы скульптора уже всплыла в моем сознании, и даже начала принимать четкие очертания. Верный признак того, что дело почти раскрыто. Осталось взять убийцу. Вопреки расхожему мнению, этот этап не самый сложный.

То, что произошло на участке скульптора, стало мне понятно лишь теперь. Бедняге Невельскому фатально не повезло. Он забрел в чащобу, где нашел причудливую фигурку испутившего свой последний дух лешака. Не знаю, сколько он так лежал, но думаю, довольно долго, пока не попался на глаза отправившемуся по грибы скульптору. Тот решил сделать из причудливой коряги фигурку фавна. Влад притащил находку на участок и давай скоблить его своими скульпторскими инструментами. Знай Невельский, что этими необдуманными действиями он будит уснувшего вечным сном лешего, скульптор сто раз подумал бы, прежде чем начинать творить, но Влад был несведущ в подобных делах. Для него это была обычная коряга, коих в избытке в любом уголке леса.

Манипуляции скульптора вернули к жизни лешего, он ожил и напал на ваятеля. Думаю, что этот момент и стал для Влада роковым. Созерцать оживание лесного чудища – зрелище не для слабонервных, а сердце пятидесятилетнего Влада не было абсолютно здоровым. Скульптор уже был мертв, а лесное чудище все продолжало терзать его, пока не усмирило свою злобу.

Откинув мертвое тело, леший убежал в лес, но далеко он

уйти не мог. Вернувшиеся к жизни лешаки лишь временно обретают возможность двигаться, они обречены, и вскоре силы покинут их вновь. Леший снова рухнет наземь и начнет медленно деревенеть, мучительно чувствуя, как делаются безжизненными его некогда сильные руки и ноги. Как становится тяжело дышать, и стремительно меркнут зоркие раньше глаза.

Важно успеть помочь ему отойти в мир иной, чтобы лешак не натворил еще каких-нибудь бед. В предсмертные часы нет существа коварнее и опаснее этой лесной нечисти.

Я зорко смотрел по сторонам, и наклонялся вниз, тщательно исследуя тропку. Спустя несколько часов я заметил, что он стал слабеть. Трава в одном месте была сильно примята, тут леший отдыхал, а, отдохнув, круто поменял направление движения. Я предположил, что он идет к какой-то деревеньке, намереваясь вновь пролить чью-то кровь.

Я ускорился, теперь я почти бежал, но все-таки не мог догнать проклятого лешака. Он начал приволакивать ногу, я это видел по вклинившейся в тропу довольно глубокой борозде. Я освещал себе путь маленьким карманным фонариком, но вскоре он стал слабеть. Одновременно с этим я заметил, что лес заметно редее. Тропинка опять поменяла направление. Сомнений не было, леший пробирался к людскому жилью. Он жаждал крови и тропился утолить свою мерзкую жажду.

Я вышел на опушку, из-за туч показался кривой серп лу-

ны, она осветила стоявшие на пригорке избы. Деревенька была совсем крохотной, с десятков домов, не больше. Живописное местечко. Красиво изогнутая ленточка реки, склонившиеся к воде плакучие ивы. Даже аккуратные соломенные скирды, освещенные серебряным лунным светом, выглядят сейчас крупными изысканными бриллиантами...

И тут я увидел Его, здоровый двухметровый бугай, такую крупную особь среди леших встретишь нечасто. Он шел, тяжело опираясь на палку, и утробно урчал.

– Эй, бузотер! Не пора ли на покой? – окликнул я его, пряча топор под шинелью.

– Уйди, не мешай! – грозно воскликнул лешак, поворачиваясь ко мне всей своей внушительной тушей.

Я отчетливо видел его запачканное кровью тело. Леший был нагим. Его огромные, словно у животного когти, были в налипших на них волокнах чужой плоти.

– Твое время кончилось, – решительно заявил я.

– Еще чего! – он бросился на меня, растопырив огромные лапищи.

Злодей сильно хромал, его нога уже одеревенела и здорово мешала лешему. Я решил воспользоваться этим обстоятельством. Переместившись в сторону, я ударил его по негнущейся ноге. Раздался сухой стук, лезвие топора вошло по рукоять, но я успел рвануть его обратно. Вторым ударом я свалил лешака наземь.

Он в ответ полоснул меня по руке. Острые когтищи нежи-

ти рванули на себя ткань шинели и впились в мою руку огненными иглами.

– Сладко?! – нежить ослабилась в злобной ухмылке, но я заметил на его клыках свежую кровь.

– Терпимо! – ответил я и тут же рубанул гада в шею.

Топор разворотил уже начавшую деревенеть плоть. С диким воем лешак завалился на спину и часто-часто засучил ногами.

– Б-б-больно, – едва ворочая языком, прохрипел он.

– Вспомни Невельского, – бросил я, отходя в сторону и удобно усаживаясь на стоявший неподалеку пень.

Дело было сделано. Теперь оставалась самая несложная часть операции. Мне предстояло ждать, ждать, пока этот мерзавец испустит свой поганый дух. Лешак умирал медленно и тяжело. Его тело деревенело постепенно. Сначала покрылись корой ноги, затем пришел черед рук. После застыли и превратились в черные сучки глаза, а легкие еще долго выталкивали из себя воздух. Лешак пытался вдохнуть, но лишь хрипел и кашлял. Наконец он затих, вытянувшись в струнку.

Я подошел к нему и тронул мертвое тело ногой, оно было деревянным. Возмутитель спокойствия вновь превратился в корягу. Теперь нужно сжечь ее, во избежание следующего витка событий. Я достал из кармана старую самолично сработанную зажигалку и аккуратно крутанул колесико. Леший горел споро и часто вспыхивал зловещим зеленоватым пламенем. Впрочем, так горят тела многих представителей

мира нечисти. Я довел дело до конца и раскидал ногами потухшие угли.

Уже светало. Моя охота была закончена, я добрался до деревни и, разрешил Алевтине выбираться из терема.

– Что с вами? – он с ужасом смотрела на окровавленный рукав моей шинели.

– Служба, – коротко пояснил я, не вдаваясь в подробности.

Девушка стояла молча, опустив вниз взгляд. Мне стало жаль ее.

– Алевтина, уезжай из этой дыры в город, не кисни здесь. Поступишь в институт, будешь учиться, потом устроишься на работу...

– Нет, – она принесла из дома чистую тряпицу и кувшин с водой, быстро промыла и аккуратно перевязала мне рану, – я останусь тут. Я была здесь счастлива с Владом. Он называл меня своей Музой.

– Воля твоя, – я попрощался с ней и пошел к дому Прокочука, где оставил свою машину, на которой приехал из Москвы.

Я хотел зайти к участковому, но тот спал, его богатырский храп доносился из распахнутого настежь окна.

Я открыл дверцу своего Паккарда.

– Товарищ офицер, – я услышал за спиной голос Алевтины, – вы нашли убийцу Влада?

– Нашел, – кивнул я.

– Кто он? – еле слышно произнесла она.

– Один мерзавец. Его больше нет, я убил эту тварь...

– Подождите, – она запнулась, – подожди, – голос Алевтины был словно еле слышный шелест леса, который простирался за нами.

Она стояла передо мной, такая незащищенная, и я почему-то боялся смотреть ей в глаза.

– Ты уже уезжаешь? – тихо спросила девушка.

– Да.

– Может, останешься на время?

– Прощай.

Я козырнул, сел в Паккард и, не прогревая мотора, резко рванул автомобиль с места. Проклятые инструкции запрещали нам общаться с причастными к делу лицами. На выезде из деревеньки я оглянулся, Алевтины уже не было. Видимо, она ушла в терем, который так и не стал для нее сказочным. Кто виноват в том, что сказки порой жестоки, как и сама жизнь?

Вернувшись в Москву, я написал рапорт и тут же по настоянию Вахтанга Дадуа отправился в госпиталь, лечить раны, полученные от злобного лешака. Однако от госпитализации я отказался, сменив повязку, уехал спать домой, в недавно полученную отдельную квартиру, а на следующий день уже вновь притупил к службе.

«Призрак Беломорканала» (Рассказ старшего лейтенанта НКВД Саввы Сорокина)

Через череду странных смертей от утопления заставила меня, офицера спецотдела Бесогон, выехать в район одного из участков Беломоро-балтийского канала ранней осенью сорокового года. В то время строительство этого унесшего столько человеческих жизней объекта было уже завершено, но отдельные работы все еще продолжались. Такое грандиозное многокилометровое гидросооружение всегда нуждается в серьезном техническом надзоре и периодическом ремонте. Эти работы осуществляло специальное стройуправление, функционировавшее в составе местного Беллага.

Контингент работников СУ больше чем наполовину состоял из осужденных, другую его часть составляло местное население с незначительными вкраплениями приехавших по велению сердца молодых романтиков, парней и девчат с комсомольскими билетами и возвышенными представлениями об окружающей действительности.

Вот несколько работников этого самого СУ и оказались утопленными в водах близ вновь построенного шлюза.

Строчки пришедшей в наш отдел совсекретной «Молнии» были сухи и лаконичны. Но именно лаконичность этих сообщений и стала поводом для моей служебной командировки и последовавшего за ней расследования. Смерть людей – всегда повод для расследования, а таинственные обстоятельства этой смерти – повод для расследования, которым надлежит заняться нам, спецам из «Бесогона».

Итак, утром я читал телеграмму:

«Последнее время случилось семь утоплений насильственного порядка тчк Причины смертей работников участка стройуправления не установлены тчк Среди местного населения и персонала СУ упорно циркулируют слухи о потусторонних явлениях зпт послуживших причиной этих смертей. Настоятельно прошу разобраться в случившемся тчк

Нач СУ Белокович. Г.Н.».

Телеграмма пришла в центральный аппарат НКВД и была спущена нам с размашистой директивой самого наркома Берии. «Разобраться и доложить», – было написано рукой Лаврентия Павловича.

Прочитав текст телеграммы и краткую приписку шефа МГБ, я немедленно выехал на место и спустя двое суток прибыл на станцию «Порково». Лагерный пункт и участок стройуправления, находились в двадцати километрах от железнодорожной станции.

Сошедшие с поезда, в основном командировочные, быстро переместились с платформы на небольшой рынок, где раз-

битные торговки продавали спелые наливные яблоки и большие золотистые груши, аромат, которых чувствовался еще на подходе к базару. Быстро пополнив продуктовые запасы, приезжие начали прицениваться к услугам возчиков, хмурого вида мужичков, стоявших со своими телегами прямо за хлипким ограждением полустанка.

Я вышел из вагона поезда последним и когда добрался до рынка, там остался стоять лишь один дедок в ветхой заношенной до дыр телогрейке. Его старая, как и он сам, лошаденка мирно дремала в ожидании пассажира.

– Сvezти куда? – поинтересовался дедок, с уважением поглядывая на мой новый недавно полученный в спецраспределителе плащ и кожаный портфель с золочеными замками.

– Пожалуй...

Я забрался на телегу, а старик хлестнул лошадь по тощему крупу.

– Н-ну, окаянная, – грозно прикрикнул он и повернулся ко мне, – командировочным будешь, товарищ?

– Вроде того, завербовался сюда на работу, устраиваться еду, бухгалтером трудиться стану, хорошие деньги обещают, – доверительно сообщил я.

– Тебе куда в Лапино, или же к гидроузлу? – поинтересовался старик, ловко сворачивая из замызганного кусочка газеты большую похожую на кулек самокрутку.

– Мне к лагпункту. Стройуправление там еще расположено...

– Э, нет, – старик выплюнул в дорожную пыль недокуренную сигарку, – туда не поеду, до перелеска довезу, а дальше сам как-нибудь доберешься. Там недалеко версты четыре всего будет.

– Чего так, дед? – поинтересовался я, – я заплачу, сколько скажешь.

– Не надо мне денег твоих, – старик насупился и нещадно гнал бедную выбивавшуюся из сил лошаденку.

За весь последующий путь, мы ни сказали с ним и пары слов. Добравшись до перелеска, дед остановил телегу и указал мне рукой куда-то вперед.

– Там за березняком ихние бараки стоят, дойдешь?

– Доберусь, дед, – я сунул старику деньги.

– Больно много, – опешил тот.

– Ничего, не обеднею, – я повернулся идти, но дед схватил меня за рукав плаща.

– Погоди, мил человек, – он смотрел на меня с явным сочувствием, – уезжай ты отсюда. Нечистые дела тут творятся. Лагпункт этот проклят. Там, где водохранилище сделали, раньше деревня была старообрядческая. Они уходить от своих домов отказались, могилы отцов покидать не стали. Их волоком оттуда волокли, а они все одно, остались. Так их вместе с деревней той и затопили.

– Спасибо, дед, за предупреждение. Но я уже и аванс получил...

– Как знаешь, – старикан хлестнул лошадь кнутом и по-

гнал телегу обратно к станции.

Я пошел через березняк и часа через три вошел в «Поселок Гидростроителей», как значилось на натянутом вдоль щитового забора истрепанном ветром кумаче. Чуть поодаль маячили лагерные вышки с застывшими на них фигурками охранников. Поселок находился в непосредственной близости от лагеря и фактически являлся его структурным подразделением.

И лагерь, и сам поселок были в этот предвечерний час пусты, если не считать автоматчиков на вышках. Ни один человек не двигался по обнесенной покосившимися заборами территории. Я добрался до одного из вросших в землю щитовых домов, на котором была прикреплена размытая от частых дождей табличка. «Общежитие стройотряда № 1» – было выведено неровными буквами на потрескавшейся фанере.

Я толкнул дверь и вошел внутрь. Помещение, сплошь заставленное двухъярусными грубо сбитыми нарами, был пустым, если не считать лежащего на одной из верхних шконок паренька лет семнадцати.

– Где все? – поинтересовался я.

– Ты кто такой будешь? – парень свесился с нар и смотрел на меня с неподдельным интересом.

– Инспектор по охране труда. Прибыл из Москвы, из Главгидростроя для расследования несчастных случаев на производстве гидроработ, – я помахал пред носом парня срабо-

таннным в нашей ведомственной спецтипографии удостоверением, – как мне найти руководство участка и лично начальника стройуправления Белуковича Г Н?

– Нет Гаврилы Никитича больше, – парень поднялся с нар и горестно развел руками, – в штабе строительства все руководители наши. Труп Белуковича рассматривают...

– Что с ним стряслось? – опешил я.

– Утонул, вроде, – настороженно поглядывая на меня, пояснил парнишка.

– А все ремонтники где? Поздно ведь уже, – я посмотрел на часы, – рабочее время вышло. Ужинать уже пора.

– Ребята еще с работы не вернулись, у них там буза какая-то началась. В воду лезть боятся, а у нас вся работа с водой и связана, гидростроители мы ведь!

Он горделиво выпятил вперед впалую грудь и посмотрел на меня с плохо скрываемым презрением.

– Мы – рабочий класс, нам в кабинетах сидеть некогда. Я вот простыл малость, а то б тоже с ребятами сейчас был бы.

– Тебя как звать, гидростроитель? – обратился я к пареньку.

– Коля Парфенов. Я из Мытищ. По комсомольскому призыву сюда прибыл.

– И много вас тут таких призывников?

– Не очень, – Коля поправил шерстяной шарф, которым обмотал больное горло, – стройка–то ведь давно закончилось. Многие уехали, остались вербованные из местных, да

зеки, они ведь срока тянут. Я тоже уехал бы, но мне характеристика нужна, будущим летом в институт поступать буду.

– Дело хорошее, – я достал пачку папирос «Казбек» и угостил Николая, – скажи мне, друг, а почему ребята бузят? Бузаться чего?

– Люди тонут. И днем и ночью тонут. Я видал, как Саня Студнев утонул. Мы с ним под мостовой опорой работали, в лодке стояли, он споткнулся, за борт выпал, а его будто кто за ноги ухватил. И на глубину уволок. Я за ним бросился, но спасти не сумел. Говорю же, держал его в воде кто-то. А сегодня ночью сам Белукович утоп, на лодке вечером поплыл, гидрозатвор, что недавно чинили, проверить хотел...

– И давно у вас все это началось? – спросил я.

– Два месяца назад, может чуть раньше, – Коля пожал хуленькими плечами и, погрузнев, добавил, – вообще-то, нам про это рассказывать запрещено.

– Кем?

– Неважно. Что-то разговорился я с вами. Нельзя мне много говорить, горло болит. Мне покой нужен. Уходите, товарищ инспектор, а то у меня температура подняться может.

Повернувшись к стене, он укрылся одеялом и нарочито громко захрапел. Я выбрался из барака и пошел вперед, выискивая штаб строительства, где по словам комсомольца Коли Парфенова собралось сейчас все руководство стройуправления. Вскоре я обнаружил ветхое дощатое строение с щелястыми некрашеными стенами. Над входом была при-

бита кособокая табличка с написанными от руки буквами. «ШТАБ» – значилось на ней. Тут же висела подслеповатая лампочка, мощности которой едва хватало, чтобы осветить эту самую табличку. Покосившееся от старости крылечко готово было вот-вот развалиться, а тяжелая набухшая от частых дождей дверь еле поддалась, когда я нажал на нее всем телом.

Прокуренная комнатуха была единственным помещением в домике. Посредине, на грубо сбитом из не струганных досок полу стоял старый обтянутый потемневшим от времени сукном стол, на котором лежало обнаженное тело утопленника, полного мужчины лет сорока пяти. Лицо его было обезображено длинными глубокими бороздами, а из-под закатанных брючин выглядывали щиколотки, все в синяках и кровоподтеках. Руки мертвеца были неестественно вывернуты, будто он до последнего старался высвободиться из чьих-то смертельных объятий, избавиться от нечеловеческой силы хватки.

Зрелище было настолько жутким и отталкивающим, что я едва поборол в себе желание отвернуться и продолжил осмотр помещения. За столом сидели трое, все в клубах сизого табачного дыма. Они были настолько увлечены осмотром тела, что даже не заметили моего прихода. В напряженной тишине они в странном оцепенении взирали на несчастного.

– Здравствуйте, товарищи. Сочувствую вашему горю. Я

приехал из Москвы, инспектор по охране труда из Главгидростоя. Сорокин – моя фамилия.

Я полез в потайной карман пиджака за командировочными документами, но наткнулся на требовательный властный взгляд одного из сидящих за столом людей.

Сухощавый высокий человек в форме с петличками капитана НКВД оторвался от созерцания утопленника и грозно посмотрел на меня своими широко посаженными стального цвета глазами.

– Из самой Москвы? – криво усмехнулся чекист, – что ж, давайте знакомиться. Начальник особого отдела Беллагстроя капитан Горницкий.

Он слегка наклонил большую коротко стриженую голову, но руки так и не подал, остальные двое лишь смотрели на меня, широко открыв глаза, словно на какое-то заморское чудище. Первым из-за стола поднялся костистый немного сутулый старикан с землистого цвета лицом и плешивым в пигментных старческих пятнах черепом.

– Местный врач Солодовников Петр Евсеевич.

– Иван Разумов, – исполняющий обязанности главного инженера тут же вслед за доктором, представился молодой, лет двадцати пяти, парень с комсомольским значком на белой аккуратно выглаженной косоворотке.

– Будем знакомы, товарищи, – я пожал обоим потные от волнения руки.

– Беда у нас, товарищ инспектор, начальник управления

утонул. В водоворот попал, когда на лодке осмотр стыковых перекрытий производить поплыл, – виновато разводя руками, пробормотал Разумов.

– Стремнина – опасная штука. Многие гибнут, особенно те, кто по пьяному делу купаться лезет, – тут же добавил врач, старательно отводя взгляд в сторону.

Горницкий молчал, он достал из кармана серебряный портсигар и извлек из него папиросу.

– Начальник СУ утонул по собственной глупости, – капитан затянулся терпким ароматным дымом папиросы «Гурзуф» и выпустил его в потолок тонкими аккуратными колечками, – все тоже самое произошло и с другими. Кто по пьянке, кто по глупому лихачеству утонул в реке, и нечего тут разводить антимионии.

Горницкий оглядел сидевших за столом и остановил свой колючий взгляд на съежившимся от страха докторе Солодовникове.

– Не так ли, товарищ Солодовников? – осведомился капитан, делая акцент на слове «товарищ».

– Признаков насильственного утопления на телах умерших нет, – послушно откликнулся врач, съеживаясь еще больше.

– Пока я видел лишь тело начальника СУ Белуковича у него на щиколотках следы, будто бы его держал кто-то. Что вы на это скажите?

Я следил за реакцией Горницкого, но тот в ответ на мои

слова лишь криво усмехнулся.

– Белуковича действительно держали за щиколотки. Только при этом его пытались спасти, а не убить. Можете спросить у лодочника Фомы Варчука. Это он был на веслах, когда случилась трагедия, – пояснил начальник особого отдела.

– Так Белукович плыл в лодке не один? – удивился я.

– Нет, не один. С ним был Варчук. Можете спросить у товарища Разумова.

– Это правда, – подтвердил инженер, вытирая рукавом косоворотки мгновенно вспотевший лоб, – не один он был в лодке, не один, – еще раз проговорил он, избегая встречаться со мной взглядом.

– Где же тела остальных утопленников? Надеюсь, вы храните их в лагерном морге, – я смотрел в смеющиеся глаза Горницкого.

– Зачем им чужие мертвяки? В лагере и своих жмуриков хватает. Утопленники давно похоронены, товарищ москвич, – Горницкий встал и подошел ко мне почти вплотную, – послушайте, Сорокин, уезжайте отсюда. Я не люблю, когда у меня под ногами путаются типы вроде вас. В вашу принадлежность к Гидрострою я не верю. Ясно вам?

– Но, у меня командировка, – начал, было, я.

– Считайте, что она закончилась. Завтра я подпишу все ваши бумаги. Вы возьмете билет на поезд и уедите отсюда навсегда. Если не хотите неприятностей, конечно!

Он порывисто встал из-за стола, на котором все еще ле-

жало тело начальника Су и, решительно отрыв дверь, вышел в быстро сгущавшиеся сумерки. Еще через минуту донесся звук мотора. Я шагнул к оконцу, неподалеку от штаба строительства остановился автомобиль «форд», за рулем сидела темноволосая девушка в красивом норковом жакете и шляпке-таблетке. Даже сквозь немытое окно штаба строительства было заметно, как она хороша собой. Горницкий сел возле нее и повелительно махнул рукой. Машина резво тронулась с места и умчалась, оставив за собой небольшое облачко дыма.

– Кто эта девушка? – обратился я к Разумову.

Тот затравленно посмотрел на Солодовникова, но врач отвернулся в сторону.

– Наш библиотечкарь Инна Якушева, москвичка, меду прочим, – Иван явно волновался, беспрестанно теребя ворот своей косоворотки, – у нас, товарищ Сорокин, прекрасная библиотека. Много хороших книг. Инна очень следит за этим, а товарищ Горницкий помогает ей, достает интересные романы. Дюма вот недавно привезли. Не читали?

– Читал, кое-что, – я шагнул к дверям, – где здесь причал? Хочу взять лодку и осмотреть место, где произошла трагедия. Заодно познакомлюсь с Фомой Варчуком.

– Без разрешения Горницкого посторонние к пристани не допускаются, – встрепенулся врач.

Он по-птичьи вспорхнул со стула и встал возле двери, загораживая выход своим тщедушным телом.

– Завтра утром все с ним обсудите, – бросил со своего места Разумов, – здесь ничего не делается без ведома нач.особого отдела, – пояснил главный инженер.

– Хорошо, будь по-вашему, – легко согласился я.

Выбравшись на улицу, я прошел возле оконца штаба и нырнул за угол. Здесь начиналась узенькая тропинка, ведущая к высокому лагерному забору. Чуть в стороне за молодым худосочным березняком маячила громада какого-то дома, издалека похожего на огромный сказочный терем. Рядом с теремом располагалось строение пониже. Над входом красовалась надпись «библиотека». Буквы здесь были выписаны ровно и аккуратно, а яркий плакат, прикрепленный прямо на дверь призывал граждан повышать свой культурный уровень и регулярно читать газеты.

Окна библиотеки были сейчас темны, зато терем сиял огнями, точно сказочный дворец во время бала. Рядом с крыльцом этого великолепного образчика местного зодчества стоял автомобиль «форд». На сидении лежали длинные кожаные перчатки и маленькая дамская сумочка. Я обошел машину и почти вплотную приблизился к дому, остановившись под одним из ярко освещенных окон. Форточка была приоткрыта. Оттуда доносились звуки патефона. Вдруг мелодия оборвалась.

– Я боюсь тебя, Артем. Иногда мне кажется, все, о чем здесь говорят люди – реальность. Грубая, зримая реальность и деться от нее некуда...

– Не говори глупости, – голос Горницкого звучал уверенно, – я здесь временно, скоро я получу повышение, и мы уедем в Москву. Хочешь в Москву? Ведь ты приехала откуда?

– Хочу, но только не с тобой! – Инна заплакала.

– Дура! – Горницкий стукнул кулаком по столу, – кто ты без меня? Дочь своих нищих родителей, которые ютятся в жалкой полуподвальной коммуналке. Я выведу тебя в люди. Со мной ты будешь королевой. У тебя будет все! Все, ты понимаешь?!

Девушка молчала. Я на цыпочках отошел чуть в сторону и бесшумно, словно кошка, вскарабкался на стоявшее возле дома дерево. Забравшись чуть повыше, я смог увидеть шикарную обстановку комнаты. По всей видимости, это была спальня хозяина дома. Сам Горницкий в роскошном зеленом халате, словно падишах возлежал на широченной кровати. А Инна стояла перед ним в прозрачном коротеньком пеньюаре возле большого, до самого пола, трюмо.

– Отпусти меня, – вдруг взмолилась она, бросаясь на колени, – я не могу больше здесь находиться. Мне тяжело.

– Брось устраивать истерику!

– Тогда, я уеду сама! Завтра же утром.

– Я тут хозяин! Без моего ведома в этих краях не пролетит и муха. По моему приказу были затоплены десятки деревень, и я один вершил тут судьбы людей. Я могу приказать не только жалкому человеческому отребью, но и самой приро-

де. Захочу, и поверну воды канала вспять! Только я решаю, кому что делать, и ты станешь делать то, что скажу я!

Горницкий вскочил с кровати, сбросил с себя халат и остался нагой. Его крепкое покрытое густыми черными волосами тело напоминало тело огромной обезьяны, а лицо, перекошенное дикой злобой, могло внушить ужас не только молоденькой девушке.

С утробным рыком он бросился к трюмо, загребая жертву огромными мускулистыми руками. Мгновенье, и он повалил Инну на искусно выделанную медвежью шкуру, украшавшую пол спальни.

– Не смей, не трогай, отпусти меня, животное!

Девушка попыталась вырваться, но тут же получила удар в лицо. Горницкий прижал тело к полу и с силой рванул его на себя.

– Я научу тебя подчиняться!

Он утвердился наверху и вновь ударил свою жертву. Инна плакала навзрыд. Я достал из кармана плаща наган и прицелился в статуэтку балерины, стоявшую на ночном столике возле необъятного ложа местного чекистского начальника. Жажнул выстрел, статуэтку разнесло вдребезги. Горницкий оставил Инну в покое и отскочил к большому резному шкафу.

– Кто посмел?! – неистово заорал он, накидывая халат и хватая со стола пистолет ТТ.

Я мигом скатился с дерева и помчался вниз, к каналу.

Вслед мне раздалась беспорядочная пальба. Рассвирепевший Горницкий высадил в темный силуэт возмутителя спокойствия целую обойму, но не попал ни разу. Несколько позже раздалась выкрики лагерной охраны, слышался собачий лай. Особист поднял по тревоге бойцов, охранявших периметр запретной зоны. Они стали прочесывать местность, но я уже приближался к пристани, обнесенной с суши довольно высоким забором из нетесаных плохо покрашенных досок. Подтянувшись на руках, я неловко кувырнулся вниз и неуклюже хлопнулся на спину.

– Руки вверх!

В лицо мне смотрело дуло винтовки, которую держал в руках огромный детина в потертom брезентовом макинтоше и сбитой на затылок фуражке с якорем.

– Лодочник Фома Варчук? – спросил я, поднимаясь с земли.

– Я–то, Варчук. А вот ты кто таков будешь?

Детина ткнул ружейном дулом мне в грудь. Сейчас в свете вышедшей из-за туч луны я рассмотрел его получше. Лет сорока с небольшим, грузный с испытанным давно небритым лицом, он и сейчас дышал застарелым перегаром. Маленькие заплывшие жиром пороссячьи глазки смотрели на меня подозрительно. Длинные руки с большими похожими на арбузы кулачищами слегка подрагивали, сжимая оружие.

– Я командирован из столицы. Документы при мне, могу показать.

Я полез в карман, но тут же получил сильный удар винтовочным прикладом. Варчук был настоящим профессионалом и очень хорошо знал, куда следует бить. Меня он стукнул по голове, прямо по лбу, я упал навзничь, и только сильная боль не позволила мне потерять сознание сразу. Я еще чувствовал, как огромные сильные ручки лодочника крепко-накрепко вяжут меня мокрой шершавой веревкой и тянут в воду.

– Куда ты его, Фома? – услышал я возле самого уха голос невесть откуда взявшегося Горницкого.

– В воду, ваше благородие. Я уж хотел за вами бежать, когда субчика этого тут приметил. Хорошо, что вы сами к пристани догадались прийти.

– Он пожалеет, что приехал сюда! – Горницкий пнул меня носком забрызганного грязью хромового сапога, – здесь моя вотчина, и никто не может совать нос в мои дела!

– Это точно, – подобострастно откликнулся Варчук. – Хотите, я порву его на куски прямо здесь, вот этими самыми руками?

Лодочник поднял вверх и потряс огромными, похожими на ковши экскаваторов лапами.

– Не торопись, – охладил его пыл Горницкий, – пусть он умирает мучительно и страшно. Хочу, чтобы он утонул. Слышишь, ты, я утоплю тебя, мерзкий никчемный человешишка!

Особист наклонился ко мне. Я молчал. Глаз упорно не от-

крывал, голоса, естественно, не подавал. Горницкий вновь пхнул меня ногой и брезгливо сплюнул на землю. Я слышал над собой его тяжелое с присвистом дыхание и почти реально ощущал устремленный на меня горящий от ненависти взгляд особиста.

– Кончай с ним, этот малый мне ужасно надоел, – бросил чекист в бешенстве.

– Слушаюсь, – Варчук подтащил меня к лодке и, бросив на дно, оттолкнул ее от берега, – скорлупка-то того, малость с пробоиной. Скоро она пойдет ко дну вместе с этим москвичом, – радостно доложил он Горницкому, но тот уже не слушал лодочника.

Заложив руки за спину, особист, насвистывая «Мурку», пошел прочь с пристани. Фома же остался на берегу наблюдать за лодкой. Я лежал на дне не в силах пошевелиться, чувствуя, как медленно немеет все тело и я погружаюсь на дно вместе с этой дырявой посудиной. Холодная вода быстро залила мне лицо. Я держался из последних сил, но и они стали заканчиваться. Меня ждала жуткая смерть. Сейчас я погружусь на самое дно. Я уже вижу его.

Но, что это? Дно расширявшегося в этих местах беломорского канала являла собой странное зрелище. Здесь было какое-то рукотворное водохранилище, невидимое с дороги, странное и отчего-то пугающее. Стило мне напрячь зрение, и я увидел затянутые густой речной тиной покосившиеся избы и даже торчащие из дна остовы заборов. Мне показалось,

что вдалеке в синей водной мути выросли и вдруг обрели ясные очертания линии деревенской церквушки. За церковью просматривался погост. Маячившие в воде покосившиеся кресты и могильные плиты теперь были видны отчетливо, будто на улице был солнечный день, а не крошечная ночная темень.

Я почувствовал, как страшная сила разрывает мне легкие, заполняя их холодной водой. «Испустил свой последний вздох», – это явно не про меня. Мне не суждено вдохнуть напоследок терпкого сырого воздуха здешних просторов.

Я закрыл глаза, но вдруг почувствовал, что кто-то неведомый сильно толкнул меня вверх. Руки вдруг стали свободными, и стал работать ими, пытаюсь всплыть на поверхность. В конце концов, мне это удалось, я вновь увидел над головой небо с застывшими светляками звезд.

К моему удивлению я находился на значительном удалении от пристани. Варчук и Горницкий наверняка уже считали меня погибшими, отчасти они были правы, плыть я не мог, от холода сводило судорогами все тело. Громко кашляя, я не мог освободиться от попавшей в легкие воды и вновь стал тонуть.

– Не сладко? – раздалось за моей спиной.

Я оглянулся, рядом никого не было. Вышедшая из-за туч луна ярко освещала таинственное водохранилище. Вдалеке маячила пустая пристань.

– Я тут, – голос звучал тихо и печально.

– Покажись! Хватит играть в пятки! – прорычал я

– Смотри, ведь ты именно за этим приехал сюда...

Раздался тихий всплеск, и я увидел, как из глубины медленно появляется девичья фигура. Русалка была чудо как красива. На вид девице было лет семнадцать, она была одета в матросский костюмчик, какие носили модницы еще до революции.

– Ну вот, другое дело, – похвалил я ее.

Я старался, чтобы мой голос не дрожал. Русалки весьма капризы и взбалмошны. Я знал об этом факте по опыту старших товарищей, самому мне дело иметь с ними еще не приходилось.

Высвободившись из воды по пояс, девица отбросила назад длинные черные, как смоль, волосы и замерла, любуясь произведенным эффектом. Она была прекрасна тем наивным очарованием, которое бывает лишь в юности. Симпатичная мордашка. Дивные волнующие слегка раскосые глаза, красиво очерченные тонкие черные брови, маленький аккуратенький носик и полные чувственные губы. Русалка улыбнулась и кокетливо подмигнула мне.

– Нравлюсь? – поинтересовалась она чарующим грудным голосом.

– Нравишься, – согласно кивнул я, – однако, сейчас не об этом!

Расскажи, кто ты такая? Когда и почему утонула? И отчего

у вас тут беспокойно?

– Беспокойно? О чем ты? – невинно улыбнувшись, произнесла она.

Держась на значительном от меня удалении, утопленница говорила, не повышая голоса. И я отчетливо слышал ее слова.

– Люди тонут, – пришлось пояснить мне, – я, офицер спецотдела НКВД, послан разобраться в этом деле.

– Люди? – русалка вскинула брови, – а я не человек, потвоему?

– Уже нет, – развел я руками. – Прими это как данность и прекрати бузить. К прежней жизни возврата уже не будет.

Я с удивлением обнаружил, что держусь на воде без всяких усилий и даже не шевелю при этом руками. Этот факт крайне озадачил меня. Неужто я тоже утонул и пополнил число здешних подводных жителей? Русалка безошибочно прочитала мои мысли и хихикнула, прикрыв рукой рот.

– Не бойся, служивый, это временное явление. Ты не один из нас. Вот возьми, – она толкнула ко мне залепленную тиной корягу.

– Я и не боюсь, – бросил я, проворно хватаясь за кривую полусгнившую деревяшку.

– Я девица Екатерина Кретова. Гимназистка, утопленная своим любовником в 1914 году, – продолжала меж тем русалка, – мой ухажер телеграфист Мишка Обузов обесчестил меня молодую и наивную, а когда узнал, что беременна, уто-

пил. Он собирался жениться на богатой вдове купца первой гильдии Межухина, и я стала ему не нужна.

Русалка всхлипнула и вытерла слезу рукавом матросского костюмчика.

– Что же было дальше? – спросил я, хотя мне было совершенно неинтересно, чем закончилась эта банальная история.

Наверняка, подлец-телеграфист получил в жены богатую вдовушку и благополучно сбежал от революции в сытую и уютную за границу, где благоденствует до сих пор. Однако демонстрировать отсутствия интереса к словам русалки никогда не следует. Как я уже упоминал выше, эти особи крайне обидчивы и мстительны и легко могут погубить того, кто, по их мнению, неуважительно относится к их нынешнему статусу. Тут, опять же, необходимо пояснить, что русалки в иерархии нечисти расположились в самом низу и котируются несравнимо ниже даже такого отребья, как водяные или же, к примеру, кикиморы.

В то же самое время, русалки немногие из представительей нежити, с кем можно хоть как-нибудь договориться. Достаточно выполнить одну из их незначительных просьб, чтобы уговорить их не буянить и соблюдать общепринятые нормы поведения. Иногда ундины даже бывают полезны, мой давнишний товарищ рассказывал, как во время гражданской войны одна из русалок, бывшая при жизни военной медсестрой, указала красным разведчикам место, где можно без потерь перейти реку Свягу.

Я еще раз взглянул на плачущую девицу Кретову и решил попробовать заключить с русалкой мирный договор. Но сначала нужно было дослушать ее рассказ и даже, может быть, пожалеть бедолагу-утопленницу. Без этого о мирном исходе переговоров можно забыть, да еще и самому отправиться на дно этого чертова водоема.

– Что же было дальше? – вновь повторил я.

– Обузов вернулся сюда несколько лет назад, когда началось строительство, – Кретова усмехнулась, – теперь он большой начальник. Иногда я вижу его тут белым днем, он катет на лодке свою очередную пассию, как и меня когда-то катал. Жаль, он не любит ночных прогулок, тогда бы разобралась с ним сама, а днем мы бессильны,

– Постой, – мне стал понятен замысел коварной русалки, – уж не хочешь ли ты, что бы я затащил сюда к тебе твоего бывшего ненаглядного?

– Именно этого мне от тебя и нужно, – Кретова восторженно захлопала в ладоши, – приведи его сюда и отдай мне. Мы сыграем с ним русалочью свадьбу. Он ведь люб мне до сих пор, хоть и подлецом порядочным себя показал. Догадываешься о ком речь?

– О Горницком?

– О нем самом, – русалка с готовностью закивала головой, – он сменил фамилию и думает, что всех обманул. Нет, меня не проведешь! Веди его ко мне, служивый, иначе люди будут продолжать тонуть. Я не успокоюсь и продолжу

мстить. Кроме того, меня поддержат и мои товарки. Гляди, сколько нас тут!

Она заливисто свистнула, и из воды показались остальные обитательницы подводного царства. Русалки разных возрастов и обличий стали приближаться, протягивая ко мне длинные с зелеными ногтями руки. Впери всех держалась сама девица Кретьова. Теперь она не казалась мне такой красивой. Вблизи стало видно, что волосы ее перепутаны с обрывками водорослей и залеплены мелкими ракушками. Лицо вспухло и потемнело от воды, а тошнотворный запах болота и гниения, вырывавшийся со свистом из беззубого рта, заставил меня отвернуться от отвращения. Это не укрылось от русалки.

– А! – оглушительно заверещала она, – не нравлюсь такой? Не нравлюсь? Не нравлюсь я ему, девки, такую!

Она повернулась к товаркам, те сочувственно загудели. Тощая старуха с висячими грудями, высунувшись из воды, постаралась схватить меня за руку.

– Я жена коллежского асессора Распекаева. Он меня тоже с лодки во время прогулки столкнул, что бы на молоденькой актрисульке жениться! Любовь, вишь, промеж них вышла! – шамкала она беззубым ртом, тыча в меня синей полусгнившей пятерней.

– А я модистка Китаева сама утопилася, с горя. Меня суженый бросил. Офицерик заезжий штабс-капитан Тихонов, чтоб ему пусто было. Обещал жениться, а сам сбежал! –

рыдала в голос востроногая девушка в полинявшем клетчатом платье и сбитом набекрень чепце.

– Меня отец за нелюбимого отдавал, за мерзкого старика! – отталкивая всех, ко мне стремительно приближалась девушка в полуистлевшей тубетейке на голове. – Красивая была я, молодая! Вот мой папаша за калым богатый и отдал меня. Не выдержала. Утопилась, другого ведь любила...

Десятки трясущихся рук тянулись ко мне, болотный дух и тлен полусгнивших тел сводили с ума. Барахтаясь в воде, я сумел оттолкнуть двух самый назойливых утопленниц. Но остальные продолжали приближаться, теперь по всей поверхности воды видны были белые барашки волн, поднятые этой безумной силой. Вдалеке я заметил несколько десятков крестьян из затопленных во время строительства деревень, рядом с ними были их жены. Селяне стояли смиренно сплоченной группой и в общей вакханалии не участвовали. Особняком держались еще пара девушек в простых пестрядевых платьях с комсомольскими значками на груди. За ними пряталась статная рабфаковка в тесно облегающей фигуру гимнастерке и кумачовом платке, плотно повязанном вокруг головы.

– Это еще кто такие? – повернулся я к Кретовой.

– Последние жертвы моего ухажера, – горько усмехнулась русалка, – крестьяне отказались покидать свои дома, и были затоплены в них по приказу Горницкого. А девицы посмели отклонить ухаживания этого мерзавца, ну, и поплатились за

это жизнью.

– Врешь! – похолодел я.

– Нет, правда! Фома Варчук утопил их тут по приказу своего хозяина, подкараулив по одиночке, когда те шли вечером со смены. Они все погибли в разное время и встретились лишь тут на дне этого проклятого канала. Правда, девки?

Катя оглянулась на сбившихся в кучку комсомолок. Одна из них нехотя кивнула головой и тут же отвернулась, украдкой вытирая навернувшиеся на глаза слезы.

– Видишь? До сих пор переживают бедняжки – Кретова сочувственно вздохнула.

Я подавленно молчал. Подонок Горницкий оказался еще большим мерзавцем, чем я думал. Кретова с беспокойством смотрела на начинавшее светлеть небо.

– Рассвет, наше время заканчивается. Тебе пора принять решение. Выполнишь мою просьбу, накажешь этого гада?

– Кто еще может подтвердить твои слова?

– Начинаешь юлить? – утопленница резко рванула корягу на себя.

Я почувствовал, как вновь сводит судорогами руки и ноги, холодная вода, которой я до этого чудесным образом не чувствовал, мгновенно начала сковывать все тело. Я вновь пошел ко дну.

– Выполнишь? – Кретова нависла надо мной.

– Выполню, но предварительно все проверю.

– Не врешь?

– Слово чекиста.

– Идет, – русалка щелкнула пальцами и передо мной появилась лодка, куда меня беспомощного бросил лодочник Фома Варчук.

Странно, но теперь пробоина не мешала, и утлая посудина отлично держалась на воде.

– Можешь навестить мою бывшую подружку по гимназии. Ее зовут Светлана Горшкова. Она живет неподалеку от железнодорожной станции и все подтвердит, – бросила напоследок девица Кретьова.

Она повернулась и стала медленно удаляться, вместе с нею двинулись прочь от меня и остальные жительницы подводного царства. Лишь жена коллежского асессора Распекаева все продолжала безобразничать, обхватив руками нос лодки, она, громко ругаясь, пыталась перевернуть и без того неустойчивый челн.

Преодолевая омерзение, я отпихнул ее носком своего сапога.

– Уймись, обещаю привести тебе сюда отличного женишка, станет тебе верным спутником в твоей русалочьей жизни, – пообещал я.

– Не обманешь? – старушенция отпустила борт.

– Не обману.

Я помогал плившей по течению лодке, старательно подгребая руками. Я почти достиг пристани, когда лодка начала вдруг крениться. Открывшаяся вновь пробоина стала про-

пускать воду, и я едва успел выпрыгнуть из стремительно тонущего челнока. До берега я добрался вплавь, и до того, как окончательно расцвело, успел покинуть пределы Стройлагпукта.

Передвигался я перелесками, которые тянулись почти по всей длине водной артерии, и видел, как в одном месте рядовые конвойного отряда ощупывали баграми дно в прибрежной зоне. Командовал ими сам Горницкий. Вероятно, по его разумению тело строптивного приезжего из Москвы должно было прибить течением именно сюда. Что ж, очень может быть, что скоро и сам Горницкий будет лежать на дне возведенного под его надзором водохранилища.

До пристанционного поселка «Путеец-1», где жила упомянутая русалкой Светлана Гордеева, я добрался лишь к вечеру следующего дня. В ветхом двухэтажном бараке Светлана занимала угловую комнатку на втором этаже. Женщина жила одна и, по словам соседок, трудилась поварихой в местной больничке.

Поднявшись, я постучал в дощатую кособокую дверь. Светлана была дома.

– Входите, не заперто, – донеслось из комнаты.

– Здравствуйте, – я вошел.

За столом под накрытым цветастым платком абажуром сидела худенькая пожилая женщина с аккуратно зачесанными назад волосами.

– Вы ко мне?

Она внимательно осмотрела мой поношенный пиджачишко и заправленные в кирзовые сапоги галифе. Свой новый плащ я оставил плавать неподалеку от пристани, пусть Горницкий со своим холуем Варчуком думают, что я утонул, и продолжают поиски моего брэнного тела.

– К вам, Светлана. Я из МГБ. и мне срочно необходима ваша помощь. Разговор наш будет строго конфиденциальным и не выйdet за пределы этой комнаты. Помните гимназистку Катюшу Кретову и ее обидчика?

Светлана вздрогнула и отвернулась к стене. Она долго молчала, но после тяжелых раздумий все же заговорила, полностью подтвердив слова русалки.

– Обузов ее утопил. Мне Катька все про их роман по секрету рассказывала, и про прогулку на лодке пред тем, как кататься пошла, она мне тоже сказать успела. Катя, дуреха, думала, что телеграфист свататься будет, а он утопил ее, горемычную. После сбежал на германский фронт, а вернулся уж большим начальником под фамилией Горницкий. Всех, кто про его делишки порассказать мог, он извел под корень.

– А вас, почему не тронул?

– А про меня Горницкий и знать не знал. Катюша про меня ему никогда не рассказывала. Мы с ней тайком дружили, она меня на людях стеснялась, я ведь из бедной семьи, с такими порядочным девицам знаться не полагалось.

Светлана замолчала, отвернулась в сторону, и вдруг, словно вспомнив что-то важное, вновь взглянула на меня.

– А ведь Горницкий в первую мировую до офицера дослужился, а Фома Варчук был при нем денщиком. Потом Горницкий в плен германский попал...

– Откуда вам это известно?

– Еще давно он у нас в больнице лежал, и одна медсестричка ему приглянулась, он за ней ухаживал и однажды в пьяном виде рассказал, что в плену у одной немецкой фрау батраком был, ну, и любовь с ней крутил. Говорил, что они, немки, в любви холодные, как рыбы, а он горячих женщин любит. Кстати, девушка эта, медсестра наша, потом пропала, как сквозь землю провалилась. Думаю, и ее этот изверг утопил...

– Ясно! Спасибо вам, Светлана. Вы нам очень помогли.

Я дождался, пока окончательно стемнеет, и вышел на улицу. Добравшись до почты, я отправил телеграмму товарищу Дадуа. Телеграмма была отправлена на домашний адрес и содержала всего три слова: «Приезжай на рыбалку». На нашем языке это означало: «Прошу помощи».

Помощь мне действительно была сейчас нужна, и чем быстрее она придет, тем будет лучше. Не успел я спуститься с крыльца отделения связи, как тут же почувствовал за собой слежку. Не знаю отчего, но я отлично различаю, когда за мною следят профессионалы из нашего ведомства, и когда за дело берутся спецы из империалистических разведок. Здесь было нечто другое, меня «вел» не человек. Его инородную сущность мне удалось почувствовать почти сразу, как я су-

мел вычислить этого филера. За мной шел крепкий рыжеволосый детина в сильно поношенной матросской робе. Лицо детины имело неприятный землистый цвет и было покрыто недельной щетиной, на глазах филера были очки с сильно затемненными стеклышками.

Детина неспешно брел за мной, даже не считая нужным скрывать свои намерения. Я сразу понял, что этот тип послан устранить меня, убить, уничтожить, в общем, лишить жизни любым способом. И «убирать» меня он будет очень скоро, при первой возможности. Именно в этот момент я осознал, что теперь игра пойдет совсем по другим правилам. Теперь я и сам стану неким подобием этого типа, и буду ликвидировать своих врагов любыми доступными мне методами. Плевать на законы, пленных не будет! Схватка началась, пусть победит сильнейший...

Смеркалось. Я ускорил шаг, детина сделал то же самое. Я двинулся к перелеску, растянувшемуся вдоль железнодорожного полотна. Детина упорно шел за мной. Я бросился через овражек, на другой стороне которого трепетали листья осинника. Невысокие деревца почти стелились по земле. Кривые и убогие, словно калеки на паперти, они протягивали ко мне свои худосочные ветви, похожие на руки просящих милостыню.

Я достал из-за голенища сапога маленький перочинный ножик и ловко срезал сук покрепче. Наскоро обстругав его, я затаился и принялся ждать. Так оно и есть, мой согляда-

тай неутомимо топал по моим следам, безошибочно держась выбранного мною маршрута. Вот он миновал то место, где я срезал сук и, вытянув шею, принялся топтаться на месте, высматривая меня. Он хорошо ориентировался на местности, я действительно был рядом. Вот он заметил меня и, выставив вперед огромные растопыренные ручки, кинулся в атаку.

Отвратительный запах разлагающегося тела был так силен, что я закашлялся, но все же сумел ударить ножом своего соперника. Удар пришелся в горло верзиле, но толку от этого удара было чуть! Дитина даже не остановился. Он навалился на меня всем телом и принялся душить.

Хватка его была настолько сильной, что я на мгновение потерял сознание. Бороться с зомби дело почти безнадежное, он изначально нацелен на убийство. Являясь, по сути, трупом, он напрочь лишен всех чувств и не имеет слабых мест.

У того, кто сражается с этими порождением бесовской воли, нет права на ошибку. В свое время я изучил трактат древнего африканского бесогона, который сравнивает этих тварей с обычными вампирами. Там, в жаркой Африке кровососов бьют сучьями из сандалового дерева. У нас упырей валят осиновыми кольями. Никогда прежде мне не приходилось биться с зомби. Что ж, самое время попробовать!

Я собрал остатки сил и изогнулся дугой, мерзкая туша едва не сломала мне позвоночник. Тварь повисла на мне, словно куль с мукой. Очки спали, пустые давно потухшие

глаза ничего не выражали. Омерзение, накатившееся на меня волной, прибавило сил. Я высвободил правую руку, нащупал на земле оброненный, было, осиновый кол и, размахнувшись, всадил его в сердце противнику. Удивительно, но прием возымел действие, давно остановившееся сердце каким-то образом координировало действия этого существа. Получив укол, зомби обмяк и откатился в сторону. Из его раскрытого рта выскользнул едва заметный клуб сизой похожей на обычный табачный дым субстанции. Все, больше этот тип не опасен. Жизненные силы, что кто-то вдохнул на время в тело мертвеца, теперь покинули его.

Я поднялся с земли и взвалил на себя тело поверженного врага. Шатаюсь от усталости и едва ориентируюсь в крошечной тьме, я побрел к «железке». Гудок товарняка возвестил о приближающемся составе. Отойдя от сортировочной станции, поезд набирал ход. Поднатужившись, я бросил тело мертвеца на рельсы. Колеса товарняка мгновенно превратили его в безликое кровавое месиво.

Отдышавшись, я двинулся назад в перелесок. Мне предстояло возвращаться обратно в поселок. Теперь Горницкий был моей самой главной целью. Этот подонок ответит за все, что натворил. Его не спасет даже целая армия зомби, пусть этот изворотливый гад натравит на меня всех мертвецов, которых сможет найти в подведомственном ему морге. Несдобровать ни его подручному Фоме Варчуку, ни докторишке Шмелеву, с ведома которого эти нелюди вербуют умерших

в свою жуткую армию. В том, что этот зомби один из целой шайки ему подобных я теперь почти не сомневался.

К утру я добрался до Поселка Гидростроителей. Я шел со стороны леса и заметил еще одного посланца Горницкого. Зомби, плотный кряжистый мужик в заношенной до дыр телогрейке, двигался вдоль старой покосившейся от времени изгороди, отделявшей поселок от подступившего к нему леса.

Присмотревшись, я узнал в крепыше того утопленника, что лежал на столе в штабе участка. Начальник стройуправления Белукович! Я отлично запомнил его одутловатое посеченное глубокими морщинами лицо. Сейчас зомби выглядел еще более отталкивающе. На голове его был нахлобучен старый меховой треух, который сполз на лицо и закрывал от любопытных глаз землистого цвета лоб и тронутые гниением щеки несчастного.

Мертвец без устали шастал в зарослях бурьяна. Я долго наблюдал за ним и вскоре понял, что этот тип совсем не интересуется моей персоной. Он выполнял обязанности охранника, его задачей было следить за периметром поселка и не допускать сюда посторонних лиц.

Оживленный чьей-то злой волей утопленник неуверенно держался на ногах, он постоянно спотыкался и опирался спиной на хлипкие жерди ограждения. Издалека его можно было бы принять за пьяного, готового того гляди, упасть на землю и забыться долгими тяжелым сном. Отчасти это было

именно так. Зомби, бывший при жизни начальником СУ Белуковичем, находился на последнем издыхании, энергия, заключенная в лишенное души тело почти закончилась, и вскоре он упал наземь. Упал сам, без моей, заметьте, помощи.

Я тут же шмыгнул за ограждение и осмотрелся. Охранников из числа подведомственных Горницкому гебистов не наблюдалось, и я, что есть силы, помчался к маленькому приземистому домику, за которым располагался кособокий барак с красным крестом, жирно намалеванным на некрашенной щелястой стене. Домик, одной стеной прилепившийся к больничке, служил обиталищем старика-доктора. Сейчас Солодовников еще спал, я убедился в этом, подобравшись к маленькому, давно не мытому оконцу, створка которого была слегка приоткрыта.

Единственная комнатуха из которой собственно и состоял дом местного лекаря была поделена на две половины. В одной на старом диване спал сам эскулап, в другой же – стоял круглый обеденный стол и были натянуты провисшие бельевые веревки. На них в гордом одиночестве сушились исподние подштанники Солодовникова. Угол комнатенки был отгорожен старой ширмой, на ветхих створках, которой были изображены толстопузые африканки с висевшими почти до земли грудями.

Интересно, что старик хранит за этой самой ширмой? Я подтянулся на руках и осторожно спрыгнул на пол с узкого подоконника, половицы предательски скрипнули, тут же вы-

дав меня с головой. Старикан мгновенно проснулся. Ойкнув, он уселся на краю своего ложа и стал торопливо приглаживать седые растрепанные лохмы. Руки доктора мелко дрожали, а зубы выбивали какую-то сумасшедшую морзянку.

– Доброе утро, гражданин Солодовников! – вежливо поздоровался я.

– Ч-ч-что вам угодно? – тщетно пытаюсь унять нервную дрожь, пробормотал доктор, – вы кто такой вообще будете? – гневно добавил он, немного справившись с трясучкой.

– Я – укротитель взбесившихся зомби! Спец по внезапно ожившим мертвецам! Собирайтесь, гражданин Солодовников, пойдете со мной! Одевайтесь живо, ну же!

Не сбавляя напора, я стянул с веревки сырые еще подштанники и с силой бросил их в лицо трясшемуся от страха старику. Солодовников ошалело смотрел на меня, моргая выпученными от ужаса глазами.

– Поселок окружен войсками НКВД. Горницкий уже арестован, его подручный Варчук сбежал, но скоро будет пойман, – вдохновенно врал я.

– К-как? Что вы такое говорите? – врач не мог поверить в услышанное.

Он смотрел на меня испуганно, его тонкие губы дергались, а из глаз медленно потекли мутноватые ручейки стариковских слез.

– Вы – враг народа, гражданин Солодовников, вернее, пособник врага! Однако, учитывая ваше незавидное положение

ние, предлагаю вам работать на нас. Расскажите честно и без утайки все, что знаете, и советская власть проявит к вам свое пролетарское снисхождение. Может быть, проявит... – тут же поправился я и многозначительно поднял вверх указательный палец.

Мои слова произвели на Солодовникова магическое действие, врач резво вскочил с постели, на которой только что сидел, поджав под себя тонкие с острыми коленями ноги.

– Явку! Явку с повинной дайте! – прохрипел он, задыхаясь.

Длинными, тонкими, словно вязальные спицы, пальцами он рванул ворот старой ночной рубахи.

– Все покажу, все расскажу. Я не сам! Меня заставили. Он меня принудил, Горницкий, то есть! Ведь я в Гражданскую служил у белых, был военврачом в армии Колчака. Я скрыл сей факт биографии, а он шантажировал, он обещал выдать меня органам!

Старик опрометью бросился к ширме и, повалив ее на пол, ткнул пальцем в открывшейся взору странный стеллаж, на котором были расставлены сделанные из глины фигурки. На самой нижней полке стоял небольшой медный сосуд, похожий на кофейник, только с двумя носиками.

– Смотрите, ничего не таю! Мой отец был посланником в одной из стран Черного Континента. Там, в Африке, я и постиг страшные тайны ученья Вуду. Я был мальчишкой, мне все было интересно. Я овладел навыками местных колдунов,

а Горницкий заставил меня работать на него, это я оживлял мертвых, но делал это по его приказу! Я знал, что против нас, таких, как мы, действует целый отдел вашего ведомства. Я знал, что рано или поздно вы придете за мною...

Старик зарыдал. Он упал на колени и обхватил голенище моего сапога. Я отпихнул его ногой.

– Прекратите истерику, гражданин Солодовников! – крикнул я.

– Не отправляйте меня в лагерь. С давних пор я боюсь холодов и голодухи! Лесоповал не для меня, я пожилой человек, да я просто там не выживу. Пощадите старика!

Солодовников отполз в сторону и стал биться головой об пол. Я хладнокровно взирал на эту сцену. По опыту я знал, что подобное раскаяние, скорее всего, фальшивое, показное. Главное, что живет сейчас в сердце старикана – это его страх пред всемогущей структурой Министерства Госбезопасности. И я должен был использовать этот самый страх, обратить его на пользу своему расследованию.

Старик продолжал хныкать, размазывая слезы и ползующие из носа сопли по впалым небритым щекам. Зрелище было настолько омерзительное, что я велел ему замолчать и утереться.

– Не скули, старче, слезами горю не поможешь. Покажи-ка лучше свое хозяйство. Что это у тебя за фигурки? –

Я взял в руки одну из глиняных поделок и тихонько прищелкнул от удивления. Фигурка была выполнена и раскра-

шена красками самым искуснейшим образом. Маленькая, не больше фарфоровой статуэтки фигурка походила на инженера Разумова. Тут же нашлась глиняная копия красавицы Инны Якушевой, несколько поставленных в ряд фигурок были выполнены с незнакомых мне людей. Еще несколько плавали в большой фарфоровой супнице, накрытой потрескавшейся крышкой.

– Ну-ка, кто это у нас там?

Я полез рукой в супницу и извлек оттуда фигурку Белуковича. Там же лежало еще несколько глиняных куколок.

– Вот они, утопленники! Значит, не одни русалки тут безобразят? – Я ткнул мокрой фигуркой в нос старику-доктору, – что тут еще у тебя, старикан? Я полез под стеллаж и обнаружил там пыльную коробку из-под фасонистых башмаков, которые носили еще до революции.

– Настоящий раритет, – хмыкнул я, – поглядим, что в ней хранится – я снял картонную крышку.

Внутри лежали глиняные копии Горницкого и Фомы Варчука. Еще одна поделка была не закончена и лежала небрежно обернутая тряпкой.

– Зачем начальство в глине изваял? Ты ж с ними в стоворе состоишь.

– Боялся я Горницкого, – пояснил Солдодовников, – заносился очень, меня ни в грош не ставил. Издевался, говорил, что я у него в руках. Бугая этого, Варчука, холуя своего на меня натравливал, тот пару раз меня бил даже, наедине,

чтоб никто не видал.

– И ты решил Горницкого известить? Ведь с помощью этих кукол ты физически устранял их реальных прототипов, не так ли?

Я неотрывно смотрел в глаза старику, и тот моего взгляда не выдержал. Лоб доктора покрылся мелкими бисеринками пота, Солодовников тяжело вздохнул и потупился.

– Физически устранять не сложно, этому я и учился у африканских колдунов. Специальные заклинания, и тот, кто тебе мешает, умрет. Я давно мог бы известить под корень этого самого Горницкого, но вместо него придет другой, может быть, в сто раз хуже? Вдруг он решил бы меня разоблачить, отдать в руки гебистов? Кроме того, Горницкий утверждал, что если с ним что-нибудь произойдет, правда про мою службу у белых все равно всплывет на поверхность, меня арестуют и после обязательно расстреляют, или сошлют в лагерь, как врага народа...

Солодовников замолчал, он положил ногу на ногу и так и сидел, исподволь поглядывая на меня. Я же сохранял на лице самое свирепое выражение, на какое только был способен.

– Слушай, доктор! – я подошел к кровати, на которой, сгорбившись, сидел старик Солодовников и, схватив его за ворот рубашки, сильно встряхнул, – а, может быть, ты и фигурку товарища Сталина где-то тут прячешь? Отвечай, чья недоделанная статуэтка в тряпке своего часа дожидается. Кого ты там еще мастерил? Кому погибель готовишь? Лазарю

Кагановичу? Товарищу Молотову, или на Лаврентия Павловича нацелился?!

– Вам! – старик откинул со лба прядь седых волос и взглянул мне прямо в глаза, – мне Горницкий еще третьего дня вашу фигурку сделать повелел. Вы уж, извините меня старика, тоже утопнуть должны были, но я ослушался Горницкого. Пощадил вас. Уже и фигурку смастерил и вводу ее бросил, а потом обратно ее достал и глину смял, из которой фигурка та сделана была. Пощадил вас...

Я с удивлением вспомнил, как тонул в холодный ночных водах водохранилища, да вдруг таинственным образом тонуть престал и спасся. Так вот чья воля оставила меня в живых...

– Отчего ослушался Горницкого? – сурово спросил я Солодовникова.

Старик отвернулся, пожевал тонкими бескровными губами, потом почесал плешивую макушку и лишь после этого ответил:

– За вами ведь другие придут. Всех не перетопишь. Ответить все равно когда-нибудь придется...

– Правильно мыслишь, гражданин Солодовников, – я хлопнул деда по плечу, – поможешь мне с Горницким разобраться, можешь рассчитывать на снисхождение. Лично за тебя ходатайствовать буду.

– А разве Горницкий все еще не арестован? – кустистые седые брови старика стремительно взлетели вверх, – разве

он все еще на свободе? Вы обманули меня? – испуганно про-
бормотал он.

– Пока, на свободе и, знаешь что, я раздумал его аресто-
вывать, конец этого мерзавца будет страшен, я прикончу его
сам, и смерть его будет ужасной, такой, какую он заслужил!

Я шагнул к перевернутой ширме и поднял с пола стран-
ный предмет, похожий на кофейник с двумя носиками.

– Что это такое? – поинтересовался я.

– Ах, это! Пойдемте в морг, покажу, как эта штукавина
работает.

Старик накинул на плечи старую растянутую на локтях
кофту и сунул ноги в растоптанные галоши.

– Идем...

Врач шагнул к двери, я молча последовал за ним. Идти
пришлось недалеко. Обойдя больничный барак, мы перешли
через шаткие мостки, под которыми тек мелкий, но шустрый
ручей.

– Вон он, морг наш больничный, – врач указал кривым
пальцем на приземистое, похожее на старый склеп, строение.

Моргом оказалась собранная из серых булыжных камней
постройка. Кособокая дверь, ведущая внутрь, была шаткой
и закрывалась снаружи на большой висячий замок. Прямо
посредине двери была прикреплена поржавевшая от време-
ни жестяная табличка с надписью «Мертвецкая».

– Нам туда? – удивился я.

– Туда, – кивнул седой неприбранный головой доктор, –

только, будьте осторожны. Там Варчук сейчас спит.

– Что он там делает? – не понял я.

– Говорю же, спит. Он всегда тут отлеживается, когда кровь невинную прольет. Я его лишь к вечеру отпереть должен был, – понизив голос, почти прошептал Солодовников.

– Не понял тебя, старик...

– Позже поймешь.

Солодовников опасливо оглянулся и извлек из кармана длинный ключ. Подслеповато щурясь, он вставил его в замочную скважину и трижды повернул. Замок открылся, а дверь медленно распахнулась. Утреннюю тишину нарушил громкий с присвистом храп. Я вошел внутрь, Солодовников, все еще опасливо оглядываясь, прошмыгнул вслед за мной.

В нос ударил смрадный дух, пахло мертвыми телами и сыростью. На полу стояла просочившаяся сквозь промоины грунтовая вода. В помещении было темно, и я едва различил две полки, на которых лежали тела. Мертвецов было двое, в одном из них я без труда узнал главного инженера Ивана Разумова. Другой был при жизни Колей Парфеновым, молодым романтиком, прибывшим на строительство по велению своего горячего комсомольского сердца.

Я щелкнул зажигалкой. Оба парня были задушены. На шее Парфенова виднелись огромные синяки. Инженера Разумова, задушили, судя по всему подушкой. Бедняга принял смерть во сне. На лице выделялись сильно опухшие губы и свернутый на сторону нос. Кто-то невероятной силы и же-

стокости расправился с обоими. И я, кажется, догадывался, кто...

Лодочник Варчук храпел неподалеку от своих жертв. Лишь теперь я разглядел стоявший в углу огромный гроб, крышка, которого была небрежно отброшена в сторону. Заливистый храп доносился из гроба, и то утихал, то усиливался вновь, грозя обрушить ветхую крышу морга.

– Как этот человек может тут спать? – вырвалось у меня.

– А он давно уже не человек, – шепот доктора резал уши, казалось, старик кричит. – Эта тварь давно превратилась в выродка, убивающего людей по приказу своего хозяина Горницкого.

Я подошел к гробу и, повернув колесико зажигалки, взглянул в лицо лодочника. Варчук улыбался во сне. Сон этого мерзавца был покоен и глубок, как сон праведника. Я наклонился над ним и чуть приподнял губу Варчука. Так и есть, предчувствие, которое в нашей профессии принято именовать интуицией, не подвело меня. Лодочник оказался самым тривиальным вампиром, об этом свидетельствовали удлинненные боковые зубы-резцы.

Я достал из кармана брюк маленькое зеркало, которое по совету эксперта Мухоморова, всегда носил с собой. Варчук в зеркале не отражался.

– У меня дома в подполе имеется осиновый кол. Прикажете принести? – поинтересовался Солодовников.

– Неси, старик!

Солодовников ушел, я остался в сыром похожем на заброшенный склеп морге. Отчего-то я был уверен, что доктор не предаст меня и не побежит с доносом к Горницкому. Тот, сам того не желая, настроил эскулапа против себя.

«Не стоит издеваться над теми, кто слабее тебя. Они могут отомстить, и месть их будет страшной» – эти слова Вахтанга Дадуа вполне мог бы произнести кто-либо из древних мудрецов. Но произнес их именно Вахтанг, тот, кого я считаю мудрее самого мудрого мудреца.

Я нисколько не удивился, когда старикан вернулся с остро оточенным осиновым колом.

– Можно мне самому прикончить этого гада Варчука? – поинтересовался Солодовников.

– В другой раз, – я забрал у врача оружие убийства, – нет ничего страшнее недобитого вампира. Недоколотый упырь может сотворить страшные вещи, так, что лучше довериться профессионалу.

Я взял в руки кол и, тщательно прицелившись, ударил в мерно вздымавшуюся грудь сонного кровососа. Варчук охнул, судорожно глотнул ртом воздух, да и так и остался лежать с широко открытой «варежкой».

Вот так. Жаль, нет рядом никого из моих сослуживцев, они бы могли поучиться у старшего по званию. Удар их наставника оказался отменным, и сдох кровосос почти сразу. Теперь очередь Горницкого.

– Он сейчас дома, и, по-моему, не собирается ехать на

службу – проронил старик.

– Надо его из дома выманить.

– Куда? – деловито осведомился Солодовников.

– К водохранилищу. Ближе к ночи, он должен туда прийти.

– Не знаю, не знаю, – врач поморщился словно от зубной боли, – Горницкий не любит ночных водных прогулок. Прямо-таки терпеть их не может...

– Откуда это известно? – поинтересовался я.

– Во время ночных работ, Горницкий никогда не выезжал с инспекциями. Гидроремонтников проверял лишь днем, днем же катал на лодке знакомых девиц...

Все было ясно, местный царек, как огня боялся оказаться в ночь на водохранилище. Что ж, сегодня он все-таки поедет кататься на лодке ночью, и эта прогулка будет последней в его жизни, если можно называть жизнью то паскудное существование, что ведет этот гад!

Я очнулся от своих мыслей и пхнул носком сапога тело Варчука.

– Можно посмотреть на ваше искусство, гражданин Солодовников? – осведомился я у притихшего вдруг доктора.

– Конечно! – тут же откликнулся врач, с готовностью хватая странную посудину с двумя носиками, – прикажите сделать послушным вашей воле тело этого мерзавца Варчука?

– Именно. Пусть тот, кто был верным слугой хозяина этих мест, сослужит ему последнюю службу и прогуляется к дому

своего господина.

– Зачем?! – удивился врач.

– Пусть передаст Горницкому записку, в ней я вызываю его на поединок, ставка в котором жизнь. Пусть зомби Варчук доставит Горницкому мое послание.

– Доставить-то, он его доставит, но где гарантия, что Горницкий примет этот вызов? И кто может ручаться, что вы справитесь с ним? Горницкий очень силен, а вы, уж извините, не кажетесь мне силачом.

Врач скептически усмехнулся, но я не ответил ему тем же.

– Делайте свое дело, гражданин Солодовников, а я, когда придет время, сделаю свое, – стараясь, чтобы мой голос звучал не слишком резко, ответил я.

Врач кивнул, усевшись на колени, он поставил перед собой странную посудину, похожую на кофейник с двумя длинными носиками. Только теперь я заметил, что посуда была вся испещрена мелкими значками, похожими на какие-то странные символы и таинственные знаки.

– Что это, заклинания древнего культа Вуду? – вырвалось у меня.

– Не мешайте. Лучше пишите записку для Горницкого, – Солодовников достал из кармана брюк огрызок химического карандаша и протянул его мне, – бумаги нет, – буркнул он.

Я не ответил. Затаив дыхание, я зорко следил за последовательностью действий старика. Вот он взял в руки древний позеленевший от времени медный сосуд и, кряхтя, нахло-

нился над телом Варчука. Вставив один носик в рот мертвеца, Солодовников замер и принялся бормотать какие-то заклинания. Слов его было не разобрать, они слились в один сплошной гул. Так продолжалось с полчаса. Вдруг, Солодовников замолк и резко дунул в остававшийся свободным носик посудыны. В тот же миг тело лодочника дернулось, его руки вытянулись, а ноги согнулись в коленях. Варчук сел в гробу и отрешенно глядя пред собой, принялся вращать головой, словно разминая шею после долгого сна. Признаться, я подумал, что кровосос ожил на самом деле, но его взгляд свидетельствовал об обратном. Лодочник был мертв. А его тело, покорное чужой воле, двигалось, и это зрелище было поистине отталкивающим.

Наконец Варчук встал и шагнул ко мне, протягивая грязную всю в струпьях руку. Я сунул в его ладонь обрывок папиросной коробки, на котором было написано всего пять слов: «Полночь. Пристань. Ты, или я».

Теперь оставалось ждать. Я был уверен, вид убитого мной Варчука заставит хозяина здешних мест играть по моим правилам. Он примет вызов, понимая, что в этой схватке выживет только один. Лишние формальности не нужны ни ему, ни мне. И никакой суд, или трибунал никогда не примет к рассмотрению этого странного дела. Вершить суд буду я сам, если конечно, мне удастся свершить этот самый суд.

Времени до полуночи оставалось совсем немного. Я прятался в доме у доктора, наблюдая через маленькое засижен-

ное мухами оконце за жизнью поселка. Темная кривая улочка была освещена одним тусклым фонарем, который висел на полусгнившем деревянном столбе возле штаба строительного участка. Ветер колыхал фонарь, отчего световые блики крутились и летали взад-вперед, точно цирковые гимнасты.

Пора, до означенного времени оставалось меньше часа, как раз хватит, чтобы незамеченным добраться до места. Если там уже выставлена засада, я тут же определяю это. У меня поистине звериное чутье, иначе не прослужил бы в «Бесогоне» и дня.

Вот и пристань, рядом никого. Бесхозная теперь лодка Варчука болталась, привязанная к причальной тумбе. Я отошел в тень раскидистых ив и принялся ждать. Ждать, однако, пришлось недолго. Шаги я услышал еще издалека, к пристани приближались двое. Один шел уверенно и вальяжно, второй семенял, постоянно сбиваясь с шага и часто останавливаясь. Вскоре на деревянных мостках пристани появился Горницкий, вслед за ним, неловко перебирая ногами, тащился зомби-Варчук.

– Пошел вон, ты просто-напросто «живой труп»! – Горницкий остановился и, что есть силы, толкнул бывшего слугу в грудь.

Зомби упал, но тут же поднялся и вновь поплелся за Горницким.

– Зачем же вы так с ним?

Я вышел их своего укрытия и, не спеша, двинулся к на-

чальнику особого отдела.

– Ведь он так служил вам при жизни, – я кивнул на переминавшегося с ноги на ногу экс-Варчука, – теперь послушный воле доктора Солодовникова он просто сопровождает вас к месту нашего поединка. Или вы только с женщинами воюете, а, товарищ Горницкий?

Мне стало вдруг смешно. Сейчас я отчетливо понял, что этот самый Горницкий обычный человечиска, а ни какой не бес. Он обычный смертный, из плоти и крови и лишь служит темным силам. Справиться с ним будет проще простого, драться со смертным легче, чем с любым из представителей бесовского отродья. Об этом я не применил тут же сообщить особисту.

– Мне думалось, ты на особом счету у тех, с кем я боюсь, – я усмехнулся, – теперь я вижу, что ты просто гнус и мерзавец! Сейчас я воздам тебе за твои поганые дела!

– Я сам уничтожу тебя. Никто и никогда не найдет твоего тела, – Горницкий сбросил с себя шинель и расстегнул ремень португепи, – я мог бы просто застрелить тебя, но предпочту удавить своими руками. В то самый миг, когда ты сдохнешь, я стану гораздо сильнее. Победитель забирает силу побежденного врага.

– Поменьше слов, лучше приступим к делу!

Я вышел вперед и сразу получил сильнейший удар в лицо. Горницкий оказался необычайно проворен, второй удар последовал сразу вслед за первым. Мне показалось, что в ме-

ня на полном ходу врезался поезд «Красная Стрела». Упав навзничь, я попытался подняться, но Горницкий ударил снова. На сей раз гад «одарил» меня ударом в грудную клетку. Дыхание перехватило, а из горла вырвался страшный почти предсмертный хрип.

Да, сейчас я отчетливо понял, что сильно недооценил соперника. Моя самоуверенность вышла мне боком. Горницкий бросился на меня, распростертого на мокрых от волн мостках, сейчас он подпрыгнет и обрушит на меня всю массу своего внушительного мускулистого тела. Вот так прозаично и некрасиво уйдет из жизни бесогон Савва Сорокин. Я попытался откатиться в сторону, но силы окончательно покинули меня. Я уже видел зависшую надо мной темную фигуру противника, но вдруг эта фигура резко изменила траекторию движения, и с громким криком рухнула на разбухшие от сырости доски пристани. Горницкий упал рядом со мной.

Над нами возвышался Вахтанг Дадуа. В своей длинной шинели он и сам казался призраком, порожденным этой темной, нависшей над поселком ночью.

– Едва успел, – выдохнул Вахтанг.

– Каким образом..., – начал, было, я.

– Твоя телеграмма, – коротко пояснил Вахтанг.

Он поднял с мостков брошенную Горницким партугею и быстро связал тому руки.

– Б-больно, – простонал Горницкий, еще не пришедший в себя после удара Дадуа.

– Никто и не обещал, что будет приятно, – Дадуа отпихнул ногой обездвиженное тело противника и шагнул ко мне.

– Как ты? – наклонился надо мной Вахтанг.

– Вот ведь, – я сконфуженно улыбнулся, – с нечистью справлялся, а с обычным человеком не смог сладить.

– Иной человек страшнее самой гадкой нечисти, – Вахтанг ткнул пальцем в Горницкого. – вот яркий образчик!

– Вы ничего не докажете! – Голрницкий гаденько усмехнулся, – все улики против себя я успел уничтожить. Прибавьте к этому влияние моих высоких покровителей и отличный послушной список. Я не потопляем...

– Что несет этот мерзавец? – я взглянул на Дадуа, – о каких покровителях он говорит?

– К сожалению, он прав, – Вахтанг тяжело вздохнул, – у него действительно много заступников. Сейчас в органах полно формалистов и перестраховщиков. Я не смог получить ордер на его арест. Рассмотрение отложили...

– Вот, вот! – радостно выкрикнул Горницкий, – сейчас вы меня развяжете, а сами уберетесь отсюда восвояси. Мы сделаем вид, что никогда не знали о существовании друг друга. Идет?

Он с надеждой взглянул на Дадуа.

– Нет, – Вахтанг достал из кармана шинели ТТ, – мы поступим иначе. Просто казним вас без всяких формальностей. Позже разберемся и с вашими заступниками.

– Не имеете права! Это самосуд! – Горницкому удалось

привстать и облокотиться плечом о причальную тумбу, – вы не имеете права расстрелять меня прямо здесь. Лишить жизни может лишь суд, или трибунал!

– А мы и не станем тебя расстреливать, – я подмигнул Дадуа, – ты останешься жить. Но вряд ли ты станешь радоваться такой жизни. Ступай в лодку своего дружка Варчука!

Я поднялся на ноги и схватил Горницкого за ворот гимнастерки.

– Вставай, тебе говорят! – прорычал я, – вали в лодку! – я пихнул особиста в спину, – шустрой! Скоро начнет светать! – поторопил я его.

– Что вы задумали?! – ошалело вращая вылезшими из орбит глазами, закричал Горницкий, – слышь, начальник! – Горницкий повернулся к Вахтангу, – убери от меня своего подчиненного, он – псих!

Дадуа смотрел на происходящее с интересом. Вдвоем мы подняли обмякшего от страха особиста и подтолкнули его к лодке. Он споткнулся и упал на дно, больно ударившись головой о банку – скамейку.

– Зачем это, а? – беспрестанно повторял он.

– Греби на середину водохранилища! – приказал я.

– Зачем это, а? – от бывшего грозного нач особого отдела не осталось и следа, теперь пред нами был заштатный телеграфист Обузов, паскудник, утопивший свою юную любовницу.

Руки Горницкого мелко дрожали, пот тек по лицу, он изловчился и выбросил за борт весла, но лодка странным об-

разом продолжала плыть сама. Мы уже были достаточно далеко от берега, когда появилась она.

Катюша Кретьова стояла, высунувшись из воды по пояс. На ней был все тот же матросский костюмчик. Волосы русалки были убраны в затейливую прическу, которую украшали речные ракушки и желтые кувшинки, связанные между собой длинными зеленоватыми водорослями. Издалека ундина Кретьова была чудо, как хороша. Она улыбалась полными чувственными немного синеватыми губами.

– Вот, Катя, как обещал. Принимай своего друга Мишу!

Я толкнул Горнцкого-Обузова из лодки. Тот с диким криком вывалился в воду, но тут же проворно схватился за борт. Его пальцы впились в плохо покрашенную деревяшку.

– Не отдавайте, не надо! Не хочу быть там, с ними! Лучше, расстрел! – дико верещал бывший хозяин здешних мест.

– Миша, Мишенька, ты что же? Не рад мне, касатик? – ласково вопрошала Катя Кретьова, подбираясь все ближе и ближе, – ну же! Я ведь возлюбленная твоя! Что ж ты бросил-то меня, Мишутка?

Теперь ясно чувствовался острый запах тины и болота, резко ударивший в нос, он ел глаза и затруднял дыхание. Пустые глазницы Кретьовой, изъеденные прожорливыми рыбами остатки кожи, впалый беззубый рот, все это было настолько омерзительно и выглядело так отталкивающе, что было жутко даже нам с Дадуа. Бывший телеграфист Обузов, видевший все это впервые, отчаянно вопил и яростно отби-

вался от наступавшей на него русалки. Девушка Кретьова, не смотря на это, продолжала ласково ворковать:

– Ах, Мишенька, проказник мой! Люб ты мне, Миша, люб, даже сейчас люб. Вон ты, какой важный стал, постарел, поседел! А все равно, люб! – Кретьова легонько коснулась рукой лба своего бывшего любовника, – вот ведь как! Утопил ты меня, а я, дуреха, все одно, верная тебе!

– Уйди от меня, оставь меня, уродина! – завопил тот, брезгливо отстраняясь.

– Ах, уродина?! – обиженно взвизгнула Кретьова. – не нравлюсь, значит, тебе больше?!

Катюша в бешенстве подпрыгнула в воде, блеснув внушительным рыбьим хвостом.

– Не нравлюсь я ему такая, девки! – обиженно завопила она, – не нравлюсь! Раньше нравилась, а теперь вот не нравлюсь! – продолжала истошно голосить Катерина.

– Подлец!

– Душегуб!

– Изверг!

– Изувер!

– Убивец!

– Развратник!

На разные глоссы запричитали товарки отвергнутой ундины Кретьовой. По всей поверхности водоема из-под воды выныривали русалки. Молодые и старые, симпатичные и уродливые, все они тыкали в испуганного Горницкого пальцами

с длинными с позеленевшими от тины ногтями. Костистая старуха в старом полуистлевшем чепце достала со дна поросшую водорослями суковатую корягу и, что есть силы, стукнула ею Горницкого по голове.

– Все равно он твой будет, Катька! – прошамкала она беззубым ртом.

Горницкий давно пошел ко дну, а русалки все еще продолжали свой неумолчный галдеж. Кретова же, напротив, угомонилась. Слова беззубой старухи- русалки успокоили ее.

– Свадьбу хочу! – вдруг заявила Катерина, кокетливо поправляя вылезшую из спутанных волос кувшинку, – свадебку желаю, – капризно растягивая слова, повторила она.

– Сей момент, родимая, сей момент, девонька ты наша! – заверещали товарки утопленницы.

– Жених! Где жених?! – истошно завопила беззубая.

– Где? Знамо, где, на дне речном! – ответила молодая русалка с толстой, заросшей мелкими ракушками косой.

– Что ж мы медлим, девки? – спохватилась дородная пожилая русалка в венке из увядших лилий, – жениха же украсить надо. Свадьба ведь у него. Тащите этого красавца сюда. Венец несите, живо! – деловито распоряжалась она.

Несколько ундин помоложе нырнули на дно. Нам с Дадуа стали видны их проворно мелькающие в волнах хвосты.

– Нам пора, товарищ Дадуа, – отвлекшись от созерцания необычного зрелища, я тронул Вахтанга за рукав шинели, – поплывем обратно к берегу, не ровен час, они и нас с вами

в женихи потянут.

– Дай досмотреть, – бросил Вахтанг.

– Воля ваша, – я сел на банку и принялся вылавливать выброшенные Горницким весла.

Действовать приходилось осторожно, чтобы не привлечь готовящихся к свадьбе русалок. Тем временем посланные за Горницким ундины показались вновь. Они волокли тело бывшего нач особого отдела. Теперь он выглядел не лучшими образом, лицо Горницкого раздулось, а ко лбу успела присосаться огромная безобразная пиявка. Шея утопленника была увита длинным хвостом из водорослей и ракушек, в посиневших руках торчали две большие свежие лилии.

– Вот он наш молодой! Люб он тебе такой, Катюша? – প্রশামকالا старуха- русалка.

– Красавец-мужчина! – восторженно прошептала дородная русалка в венке.

– Бери, Катька! Бери молодца в мужья! – верещали многочисленные подружки невесты, сбившиеся за спиной Катерины в огромную толпу.

– Беру! Люб он мне! – торжественно провозгласила Кретьова.

В тот же самый миг русалки затянули величальную. Это был разноголосый хор, где каждая из поющих старалась перекричать свою соседку. Жуткая какофония, прерываемая диким русалочьим смехом и визгом, рвала в клочья наши

с Дадуа барабанные перепонки. Две молодые русалки таскали по кругу мертвое тело Горницкого, еще две утопленницы держали над его поникшей головой венец их свитых меж собой увядших кувшинок и лилий. Невеста Кретова наблюдала за всем происходящим с умильной улыбкой. Ее синие губы шевелились. Может быть, она подпевала своим товаркам. Не дожидаясь окончания жуткого ритуала, мы с Дадуа стали грести к берегу. Русалки так увлеклись пением песен, что даже не заметили нашего бегства.

Добравшись до берега, мы заметили безжизненное тело Фомы Варчука. Лодочник лежал в кустах бузины и не подавал признаков жизни.

– Сдох окончательно, – резюмировал я.

– Туда ему и дорога! – возле мостков пристани стоял доктор Солодовиков.

Старик был одет в старое с заплатками пальтецо и несуразную шляпу с обвисшими полями. В руках он сжимал небольшой узелок с пожитками.

– Поедешь с нами, – приказал я ему.

– Как скажете, – старик покорно закивал седой растрепанной головой.

– Как будем выбираться из города? – спросил я Дадуа.

– Лучше всего убраться отсюда незамеченными. Я на машине, на ней и уедем, – решил Вахтанг.

Втроем мы полезли в гору, там за перелеском Дадуа оставил маленький фургончик. На фанерной будке было написа-

но: «Аптекоуправление № 1. Сбор лекарственных трав».

– Еще никогда мы не покидали поле битвы тайком, – усмехнулся Вахтанг.

– Наша работа выполнена, – пожал плечами я, – враг устранен, с русалками договорились. Утоплений рабочих больше не будет.

Вахтанг дождался, пока мы все погрузились в тесную пропахшую лечебными травами кабину, и осторожно тронул фургончик с места. Чихнув облачком дыма, машина тронулась в путь.

– Все-таки жаль, что не удалось разоблачить Горницкого публично, – сказал я.

– Черт с ним, – Дадуа выбросил в окно докуренную до самого мундштука папиросу, – то, что произошло с этим мерзавцем страшнее расстрела. Он будет обречен на вечные муки. Разве это плохое наказание?

Я промолчал, Вахтанг вырулил на проселочную дорогу, мы проезжали возле терема, где жил нач особого отдела.

– Остановите, пожалуйста. Нужно закончить кое-какие дела, – попросил я.

Дадуа остановил фургон. Я выбрался из машины, взошел на крыльцо и нажал на кнопку звонка.

Инна открыла сразу, будто стояла возле дверей. На девушке был старый плащ и стоптанные туфли на низком каблуке. Даже в таком незамысловатом наряде она выглядела настоящей красавицей, и я невольно залюбовался ей.

– Уезжаете? – поинтересовался я.

– Это вы спасли меня той страшной ночью? – не отвечая на мой вопрос, выпалила она.

Я молчал, Инна напряженно ждала ответа. Ее глаза встретились с моими, и я успел заметить в них некий интерес к моей скромной персоне.

– Так это вы стреляли тогда? – еле слышно проговорила она.

– Точно, – не стал запыраться я.

– Горницкий очень опасен. Вы плохо представляете себе, с кем связались! Он уничтожит вас. Бегите отсюда пока не поздно! – она взяла с пола маленький фанерный чемоданчик и вновь посмотрела на меня, – хотите, сбежим вместе? – вдруг произнесла она дрогнувшим голосом.

– Бойтесь бежать одна?

– Боюсь, – кивнула она, – он найдет меня везде. Горницкий знает мой московский адрес...

– Горницкий мертв, теперь он не опасен. Я специально зашел сообщить вам эту новость. Теперь вы свободны и вольны делать то, что вам заблагорассудится. Честь имею!

Я повернулся уходить, но Инна схватила меня за руку.

– Подождите ради Бога...

Я остановился. Лицо девушки было бледным от волнения, она открыла старинный книжный шкаф и сбросила на пол несколько томов Максима Горького. За книгами показалась тонкая кожаная папка.

– Возьмите, – она протянула папку мне.

– Что это?

– То, что Горницкий прятал ото всех, он берег эту папку, как зеницу ока. Однажды я подсмотрела за ним, и обнаружила место, где он ее хранит. Думаю, эта пака теперь ваша.

– Спасибо, надеюсь, ее содержимое заинтересует знающих людей.

Я взял папку и пошел выходу. Инна смотрела мне вслед. Громко хлопнув дверью, я сбежал с крыльца и уселся в машину. На сей раз, Дадуа рванул фургон прямо с места. Мы с Солодовниковым едва удержались, чтобы не свалиться на пол.

– Нельзя ли потише? – вырвалось у меня.

– Ты сейчас был у пассии этого Горницкого? – холодно спросил Дадуа.

– Был, – кивнул я.

– Смотри, не закрути с ней роман. Это против наших правил.

– Я знаком с правилами работы отдела, – процедил я сквозь зубы, – вообще-то у меня и в мыслях не было затащить эту девчонку в койку. Я получил от нее папку с кое-какими бумагами Горницкого...

– Что там?

– Сейчас посмотрим

Я открыл маленький золоченый замочек и присвистнул от удивления. В папке лежал всего один пожелтевший от вре-

мени листок. На нем выстроились какие-то странные значки и символы. Сомкнувшись в длинные ряды, символы не разделялись ни знаками препинания, ни пробелами. Внизу были старательно нарисованы двенадцать перечеркнутых кружков. Один кружок оставался чистым, не зачеркнутым.

– Это что за письма? – удивился Вахтанг.

– Это бесопись, – с ходу определил я, – нечисть общается между собой посредством этих странных символов и значков.

– Что же здесь написано? – не отставал Дадуа.

– Не знаю, – пожал я плечами, – нужно спрашивать у профессора Мухоморова, он всемирно признанный знаток бесописи.

– Обязательно выясним у старика.

Дадуа увеличил скорость и сосредоточился на дороге. Теперь мы неслись на пределе возможного. Фургон показал невиданную прыть. Чувствовалось, что над ним потрудились лучшие механики нашего всеильно ведомства.

– Нужно застать Мухоморова на службе, дома разговаривать с ним бесполезно, или спит, или пьян, – пояснил Вахтанг, еще быстрее разгоняя свой автомобиль.

В Москву мы прибыли лишь вечером следующего дня, но все же застали профессора на службе. Он сидел в своем кабинете и тщательно изучал какой-то древний манускрипт.

– О чем здесь писано, профессор? – не здороваясь, прококотал Дадуа.

Вахтанг достал из папки бумагу Горницкого и, бесцеремонно отодвинув в сторону манускрипт, положил ее на стол Мухоморова.

– Нуте-с, нуте-с – пробормотал профессор, доставая из кармана пиджака старую лупу в черепаховой оправе.

Мухоморов читал бумагу больше часа. Наконец он отложил лупу в сторону и торжествующе поглядел на нас.

– Да уж, доложу я вам! – важно изрек старик.

– Что это за бумаженция? Говорите, не тяните, ну же! – поторопил его Вахтанг.

– Обычный, даже, можно сказать, типовой контракт между Горницким и его персональным бесом, – пояснил Мухоморов.

– Растолкуйте нам, – потребовал Дадуа. – выходит дело, Горницкий продал свою черную душу дьяволу?

– Можно сказать и так, – откликнулся профессор.

– А что за персональный бес? – удивился Вахтанг.

– Бес-куратор, на вашем профессиональном языке, – снизошел до объяснений Мухоморов, – обычно за подобными Горницкомцу типами присматривают те, кто сумел их завербовать.

– Кто же этот куратор? – поинтересовался Вахтанг.

– Это определить невозможно, – профессор пожал худыми костистыми плечами, – бесы не оставляют подписей. Подобных, с позволения сказать, вербовщиков достаточно много. Они шастают меж людьми и высматривают тех, кто слаб

духом...

– ...или подл по натуре – вставил Вахтанг.

Старик нахмурил брови и поднял на лоб очки с круглыми толстыми стеклами. Он повертел контракт перед носом и даже зачем-то понюхал его.

– Составлено по всем бесовским правилам, – заявил профессор, – бумага писана кровью завербованного и содержит в себе обязательства обеих сторон. Вербовщик обещает своему подопечному содействие в достижении его целей, а завербованный обязуется служить интересам этого самого вербовщика. Горницкий продал душу дьяволу, но покамест оставался обычным человеком из плоти и крови. Стать полноправным бесом он должен был в очень скором времени, завершив страшный ритуал. Он убивал невинных дев, на его счету двенадцать загубленных жизней, последнюю, тринадцатую он извести не успел. Вы его вовремя обезвредили. Теперь Горницкий сдох, его гадким мечтам не суждено было сбыться!

– Откуда известно, что он уже мертв? – изумленно уставился на Мухоморова Вахтанг.

– Ну, это совсем просто, – снисходительно усмехнулся старик, – смотрите на строчки. Видите, они становятся блеклыми и размытыми? Вскоре значки совсем исчезнут, и бумага станет девственно чистой, так бывает, когда завербованный покидает мир живых. Каким образом, кстати, вы «вывели его из оборота»?

Вопрос профессора застал нас врасплох. Мы переглянулись. Секунду поколебавшись, Дадуа решил сказать Мухомороову всю правду.

– Мы его утопили, – выдохнул Вахтанг, – отдали Горницкого одной русалке. Та в свое время была утоплена этим самым молодчиком...

– Мудрое решение, – одобрил профессор, – для Горницкого это была самая страшная казнь. Присоединиться к отряду нечисти самого низшего разряда! Что может быть ужаснее для такого амбициозного мерзавца, каким был ваш Горницкий?

Дадуа промолчал. Он сделал мне знак следовать за ним, и мы вместе покинули кабинет профессора. Мы шли по пустому гулкому коридору. Вахтанг был спокоен и умиротворен.

– Ты знаешь московский адрес Инны, той самой девушки, которую ты вырвал из рук этого мерзавца? – вдруг спросил Вахтанг.

– Не знаю, – опешил я.

– Так узнай, ты ж офицер МГБ.

– Это против правил. Мы не можем общаться с теми, кто, так или, иначе был задействован в наших расследованиях, – напомнил я.

– Иногда правилами можно пренебречь, – Вахтанг посмотрел на меня в упор, – можешь навестить эту красотку...

– Может быть, навещу, – кивнул я.

– И вот еще что, – указательный палец шефа уперся мне

в грудь, – через месяц ты отравишься в поселок гидростроителей с инспекторской проверкой. Твоя задача проверить обстановку на месте. Выяснишь, все ли там успокоилось? Не озоруют ли опять обитательницы подводного царства?

– Есть, товарищ Дадуа – козырнул я.

– Свободен, Савва...

Дадуа повернулся и пошел по коридору в свой кабинет, я же помчался на улицу. Адрес Инны я раздобыл уже через час, и к вечеру, купив цветы и шампанское, нагрянул к ней домой, откуда вышел лишь на следующее утро.

Еще через месяц я вновь прибыл в поселок гидростроителей. Руководил здесь новый начальник Стройуправления незнакомый мне степенный седовласый мужчина. Он встретил меня радушно и напоил настоянной на травах самогонкой.

– Случаев утопления больше нет! – доложил он.

– Очень хорошо! – обрадовался я.

Допив самогон, я пошел спать в барак-общежитие. Пропал я до вечера, вернее, до полуночи. В полночь я отправился на пристань. Мостки были все такими же, скользкими и разбухшими от влаги. Лодка Фомы Варчука все еще болталась у причала, жалкая и неприкаянная. Весла были небрежно брошены в траву рядом с мостками. Я поднял их и вставил в ключины. Подобрал возле причала ржавую консервную банку, я аккуратно вычерпал плескавшуюся на дне затхлую воду. Теперь посудина была готова к плаванию. Я удоб-

но устроился на банке, закурил и погреб на середину рукотворного водохранилища. Все было спокойно. Вышла луна. Ее серебристое сияние осветило прибрежные заросли камыша. Я решил подплыть к ним и, что есть силы, налег на весла. Я чувствовал приятную усталость, моя спина была мокра от пота, а лицо мягко обдувал прохладный ветерок. Из раскинувшегося рядом перелеска доносилось глухое уханье филина, мне казалось, что я слышу шорох трав и мерное стрекотание кузнечиков. Я опустил весла и слушал эти милые сердцу звуки. Лодку медленно сносило к чернеющим в ночи пикам камышей.

– Катя Кретьова! – вдруг закричал я. – Покажись! Я пришел узнать, всем ли ты довольна?

Я замер, в ответ не раздалось ни звука, русалка не появилась. Я ждал долго, с полчаса. Ничего не происходило.

– Горницкий! Обузов, или как там тебя?! Покажись! – вновь крикнул я.

И вновь тишина, я уже хотел плыть обратно к пристани, когда тихий плеск в камышовых зарослях заставил меня обернуться. Там, высунувшись из воды по пояс, стоял, покачиваясь, Горницкий. Сейчас бывший нач особого отдела выглядел убого и жалко. Утопленник сильно раздулся и почернел. Гимнастерка на нем порвалась, и сквозь прорехи выглядывало тронутое гниением тело. Форменная фуражка давно слетела с головы, и теперь там важно восседала большая брюхатая лягушка.

– Ты прямо речной царь, – усмехнулся я.

Горницкий дернулся всем телом. Мертвые глаза его были широко открыты, а синеватые губы шевелились, бывший нач.отдела явно пытался что-то сказать:

– О чем ты там толкуешь? – спросил я, подгребая на лодке поближе к зарослям.

– Умереть. Смерть от пули, молю, дай погибнуть, как солдату. Не дай сгнить в этом смрадном болоте! – пробормотал он, собрав последние силы.

Я в упор смотрел на этого еще недавно всесильного хозяина здешних мест. Горницкий дрожал всем своим полу-сгнившим телом. С губ его текла вода, а изъеденные рыбами щеки дергались, словно от ударов. Он сделал шаг по направлению к моей лодке, но вдруг остановился, словно ткнулся в невидимую преграду. Сейчас он стоял, опустив голову, и даже огромная лягушка покинула давно насиженное место, прыгнув обратно в воду.

– Умереть от пули, – жалобно проронил Горницкий.

Я смерил его взглядом, и, не поверите, мне стало жаль этого мокрого мертвеца.

– Твоя взяла! Застрелю, если скажешь, кто тебя завербовал. С кем был составлен договор, что ты хранил у себя дома?

Утопленник колебался недолго. Едва разлепляя синие распухшие до невероятных размеров губы, он торопливо залепетал

– Одна немецкая фрау, ведьма. В Первую Мировую я попал в плен, она спасла меня от расстрела, взамен ведьма потребовала мою душу. Я подписал договор. Она обещала могущество, а вот, что вышло на деле...

Он громко чихнул, выпустив наружу целый фонтан брызг. Большая увядшая лилия, торчавшая за ухом утопленника и оставшаяся, вероятно, еще со дня русалочьей свадьбы, вслед за лягушкой тоже упала в воду. Горницкий брезгливо оттолкнул ее прочь объединенной рыбами пятерней.

– Ты обещал, – негромко напомнил он.

– Будь по-твоему,

Я достал кобуры черный вороненый Вальтер и, прицелившись, выстрелил Горницкому в голову. Тот облегченно вздохнул, завалился на спину и тут же пошел ко дну. Так окончательно закончилась эпоха его царствования.

Я развернул лодку и поплыл обратно к берегу. Высадившись на пристани, я тут же поспешил к железнодорожной станции.

– Поезд только утром, – сообщила мне неулыбчивая престарелая кассирша, дремавшая в своей деревянной будке посреди темного зала ожидания.

– Прекрасно. Хоть отосплюсь,

Я лег с ногами на станционную лавку и тут же провалился в сон. Спал я и в поезде, что мчал меня в Москву. Прямо с вокзала я поехал к Дадуа и тут же доложил ему о результатах своей поездки. Упомянул я и о том, что окончательно

но перевел Горницкого в мир мертвых. Дадуа мои действия одобрил, приказав однако избавиться от оружия, из которого я стрелял. Дальновидность шефа я оценил спустя неделю, когда тело Горницкого все же нашли. По пистолетной пуле следователи пытались найти убийцу, но не преуспели в этом. Ствол был трофейный и неподотчетный.

К Инне я стал захаживать регулярно. Вернувшись в столицу, девушка поступила в театральное училище и начала сниматься в кино. Очень скоро из нее получилась неплохая актриса. Вскоре она вышла замуж за одного видного военачальника. Имя этого человека до сих пор на слуху, и я не собираюсь предавать его огласке. Тем более что наши с Инной отношения не прервались и после ее свадьбы. Знала ли она, где я служил, и что приключилось с ее бывшим любовником Горницким? Думаю, догадывалась, но предпочитала не говорить об этом со мной. Эта тайна связывала нас довольно долго. До самой смерти Инны...

Вместо эпилога

– Неплохо, – Вахтанг Дадуа отложил в сторону только что прочитанную рукопись и взглянул на меня своим пронизательным взглядом, – но отчего ты не описал здесь все те случаи, о которых поведали тебе мои бывшие подчиненные?

– Обязательно опишу, если книгу сочтут хорошей, и эти истории понравятся читателям.

– Пусть люди знают, повествование о бесогонах не ограничивается этими эпизодами, – Вахтанг потянулся к лежащей на столе пачке папирос, – что пишут в конце книги, если автор намеревается продолжить ее написание?

– «Продолжение следует», – ответил я.

– Значит, так и укажи, – велел Дадуа.

– Хорошо, непременно укажу...

Я пожал руку Вахтангу и вышел в коридор старой давно не отремонтированной квартиры, расположенной в легендарном Доме на Набережной. Уже через минуту я был во дворе и бросил взгляд вверх. Там у окна своего домашнего кабинета стоял высокий худой человек. Я махнул ему, но Дадуа не ответил. Он смотрел куда-то вдаль, туда, где все еще молодые офицеры-чекисты боролись с тем, что во все времена именовалось одним емким словом нечисть.